

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ткаченко Мария Рейсовна

Трансформация социальной идентичности населения Республики Коми (на
примере Ижемского района)

Специальность 22.00.04 - Социальная структура, социальные институты и
процессы

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель — доктор философских наук,
профессор В.В. Козловский

Санкт-Петербург – 2017

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения социальной идентичности в поликультурном регионе	14
1.1. Понятие социальной идентичности: основные подходы и концепции	14
1.2. Множественная социальная идентичность: гражданская, региональная и этническая идентичности.....	38
1.3. Механизмы формирования, социальные практики и символы социальной идентичности.....	58
Глава 2. Факторы формирования, динамика и сценарии трансформации социальной идентичности в Ижемском районе Республике Коми.....	70
2.1. Факторы формирования и динамика гражданской, региональной и этнической идентичности населения в Ижемском районе Республике Коми	70
2.2. Сценарии трансформации социальной идентичности населения: результаты эмпирического исследования	93
2.2.1. Векторы изменений гражданской идентичности населения.....	100
2.2.2. Региональная идентичность как интегральный социально-культурный феномен	108
2.2.3. Этническая идентичность в период социальных трансформаций.....	116
2.3. Общая характеристика трансформации социальной идентичности жителей Ижемского района Республики Коми.....	128
Заключение.....	136
Список использованной литературы.....	140
Приложения.....	162
Приложение 1. Динамика населения в Республике Коми (1926 – 2013 гг. тыс. чел.).....	162
Приложение 2. Этнический состав населения Республики Коми в 1926 и 2010 гг.....	163

Приложение 3. Расселение коми-ижемцев в регионах РФ по результатам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.....	164
Приложение 4. Социально-демографические характеристики информантов	165
Приложение 5. Гайд интервью.....	167
Приложение 6. Транскрипты интервью.....	171

Введение

Актуальность темы. Тема данной работы представляется значимой как с точки зрения теоретического осмысления процессов трансформации социальной идентичности, так и с точки зрения практического решения проблем, связанных с социальным поведением человека и социальных групп. Проблема социальной идентичности получает новое звучание в связи с быстрыми социальными изменениями, происходящими не только в мире в целом, и в России в частности. Изменения сложившихся десятилетиями форм социальных отношений неизбежно приводят к трансформации идентичности. Сегодня мы можем наблюдать такие социальные явления как взрыв идентичностей, сложности социального самоопределения личности, кризис идентичности. В период общественных перемен происходит смена сложившихся ранее идентичностей и формирование новых. Ряд аспектов социальной идентичности трансформируются особенно значимо.

Республика Коми представляет большой интерес в плане изучения трансформации социальной идентичности в силу специфики формирования этнического состава населения, его хозяйственной и экономической жизнедеятельности, условий проживания и культурного многообразия.

С начала 1990-х годов социальный облик страны и ее регионов претерпел существенные изменения. Смена политических, экономических, социальных институтов разрушила жизненный уклад людей, сформировала феномен кризиса идентичности. На этом фоне наблюдается фрагментация социальной идентичности населения республики, на первый план выступают «локальные» ценности и ориентиры, не способствующие формированию целостного территориального сообщества, вследствие чего часть населения, предки которой прибыли из других регионов страны, не склонна связывать свою дальнейшую

судьбу с Республикой Коми. Одновременно с процессом деиндустриализации начался процесс «национального возрождения», связанный с возрастанием значения этнического фактора в социальной жизни Республики Коми и как следствие преобладание «локальных» ценностей, появление новых социально-этнических групп. Все это приводит к нестабильности социального самочувствия, мощным миграционным оттокам населения, «раздроблению» территориального сообщества, что в свою очередь может сказаться на развитии региона и может привести к формированию социальных конфликтов.

Разработанность темы. Надо отметить, что проблематика идентичности довольно широко освещена, как в зарубежной, так и российской научной литературе. Этот интерес связан с процессами миграции, интеграции, развитием технических коммуникаций, глобализации и мобильности, развитием международного бизнеса, туризма и торговли.

Среди имеющихся трудов в первую очередь следует выделить работы посвященные теоретическому анализу концепта идентичности. Важные аспекты, связанные с осмыслением понятия идентичности раскрыты в трудах У. Джеймса¹, Э. Эриксона², Дж. Мида³, Ч. Кули⁴, А. Тэджфела⁵ и Дж. Тернера⁶. Процесс формирования социальной идентичности в русле концепции конструирования реальности рассмотрен в труде П. Бергера и Т. Лукмана⁷. В целом анализу становления и развития теории идентичности посвящены работы таких

¹ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993. 432 с.

² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 352 с

³ Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль / пер. с англ. - М., 1994. С. 121-128

⁴ Кули Ч. Социальная самость //Американская социологическая мысль / пер. с англ. - М., 1994. С. 172-179;

⁵ Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, Paris, 1982

⁶ Turner J. The experimental social psychology of intergroup behaviour // Intergroup Behaviour / Eds. J.Turner, H. Giles. Oxford, 1981. P. 66-101.

⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

русских авторов как М.В. Заковоротная⁸, О.Н. Павлова⁹, А. В. Микляева, П. В. Румянцева¹⁰, О. А. Симонова¹¹.

Отдельно выделяются исследования, в которых проблема социальной идентичности анализируется применительно к нациям. Работа Б. Андерсона является классическим примером анализа данной проблемы с позиции конструктивизма¹². Также в рамках конструктивизма М. Кастельс проанализировал процесс идентификации и выявил типы политических идентичностей, среди которых особое внимание уделил идентичностям новых социальных движений¹³. Среди отечественных исследователей, изучающих проблемы конструирования идентичности, можно отметить работы И.С. Семененко¹⁴, В.В. Лапкина и В.И. Пантина¹⁵.

Проблематике этнической идентичности, этнонационализма и разрешению конфликтов в Российской Федерации посвящены работы Л.М. Дробижевой¹⁶.

⁸ Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, 1999. 183 с.
Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал, 2008. № 3. С. 45 - 61.

⁹ Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М., 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://pavolga.narod.ru/identity.html> (дата обращения: 10.02.2008);

¹⁰ Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.

¹¹ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал, 2008. № 3. С. 45 - 61.

¹² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.

¹³ Castells M. The power of identity. (Information age, economy, society and culture. Vol.2). Second edition. Blackwell publishing. 2004.

¹⁴ Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Политические исследования, 2008. № 5. С. 7-19; Она же Культура, общество и образ России [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshhestvo_i_obraz_rossii.html (дата обращения: 11.08.2008).

¹⁵ Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации / под ред. В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М., 2004. 171 с.

¹⁶ Дробижева Л. М. Изменения социального ресурса российского федерализма в середине первого десятилетия XXI века // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2005 / Отв.ред. Л. М. Дробижева. — М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 248—259; Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России. — 2001. — Т. 10. — № 2. — С. 167—180; Российская, этническая и республиканская

Этой же проблематике уделяется большое внимание в работе Е.Н. Даниловой¹⁷. В монографии М.Н. Губогло представлены результаты масштабных исследований гражданской, этнической, религиозной, семейной идентичностей¹⁸.

Проблематике региональной идентичности в России посвящены труды следующих авторов: Р.Ф. Туровского¹⁹, Н.В. Петрова²⁰, В.Я. Гельмана и Е.В. Поповой²¹, а также М.В. Ноженко и Е.В. Белокуровой²².

В Республике Коми собран значительный материал по истории формирования и специфике состава населения. Процесс формирования населения Республики Коми подробно проанализирован в трудах В.В. Фаузера²³, И.Л.

идентичность: конкуренция или совместимость // Этническая и республиканская идентичность: проблемы совместимости // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть: Сб. статей. М., 2002. С. 11–30.; Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник /Отв. Ред. М.К. Горшков. - Вып.7. - М.: Институт социологии РАН, 2008. Дробижева Л.М. Российская идентичность в массовом сознании // URL: valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc (дата обращения: 25.11.2011).

¹⁷ Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологические исследования, 1995. № 6. С. 74-82; Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76 – 86; Данилова Е.Н. Социальные идентификации в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ /под ред. В.А.Ядова. М., 2005.

¹⁸ Губогло М.Н. Идентификация идентичностей. Москва, 2003.

¹⁹ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999. С. 87-136; Он же Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003. С. 139-173; Он же Бремя пространства как политическая проблема России // Логос. 2005. №1. С. 124-171.

²⁰ Петров Н.В. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. С. 125-187.

²¹ Гельман В. Региональная идентичность. СПб., 2003; Гельман В.Я, Попова Е.В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. С. 187-254.

²² Ноженко М. В., Белокурова Е. В. Северо-Запад России: регион или регионы? – СПб.: Норма, 2010. – 164 с.

²³ Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми / В. В. Фаузер, В. П. Подоплелов, Г. В. Загайнова; Отв. ред. В. А. Витязева ; Рос. АН, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т экон. и социал. пробл. Севера, Страховая акционер. компания "Энергогарант". - Сыктывкар : Коми науч. центр УрО Рос. АН, 1994. – 101.

Жеребцова и Е.Н. Рожкина²⁴. В 1990-е годы отдельные аспекты социальной идентичности рассматривались при анализе этнополитической ситуации в регионе Ю.П. Шабаевым и В.И. Ильиным²⁵. Достаточно широко проблематика идентификации населения Республики Коми исследована в работах Ю.П. Шабаева (1998, 1999) и В.М. Пешковой (1999).

В заключение обзора следует отметить, что, несмотря на достаточно большое число работ, посвященных проблематике идентичности, на сегодняшний день существенным пробелом остается решение вопроса о соотношении этнической, региональной и гражданской идентичности. Кроме того стоит отметить, что работ, в которых представлен анализ теоретико-методологических аспектов изучения социальной идентичности современного российского социума, недостаточно. Это обстоятельство сказывается на отсутствии комплексного подхода в исследовании данного феномена, который должен основываться на сочетании макро- и микросоциологической парадигм. В российской научной литературе недостаточно полно изучено влияние социокультурной трансформации и роль субъективных факторов на формирование и развитие социальной идентичности граждан, а также многообразие социальных идентичностей, которые определяют те или иные жизненные сценарии и поведенческие стратегии.

Объектом диссертационного исследования являются жители Ижемского района Республики Коми.

Предметом данного исследования выступает социальная идентичность жителей Ижемского района Республики Коми в период 1990-х - 2010-х годов.

²⁴ Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI - начало XX века). Сыктывкар Ин-т языка, литературы и истории Коми края РАН 2005г. 375 с.

²⁵ Шабаев Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998; Ильин В.И. Государство и социальная стратификация. Сыктывкар, 1996.

Цель исследования состоит в выявлении структурных особенностей и векторов изменений социальной идентичности населения Ижемского района Республики Коми. Данная цель достигается на основе решения таких **задач** как:

- проанализировать основные теоретико-методологические подходы к изучению социальной идентичности;
- выявить определить специфику применения концепта социальной идентичности как множественного образования;
- определить роль социальных практик и символов в трансформации социальной идентичности;
- проанализировать основные факторы формирования региональной, национальной и этнической идентичности населения в Республике Коми;
- выявить сценарии трансформации социальной идентичности населения Ижемского района Республики Коми;
- определить основные тенденции изменений социальной идентичности в биографических траекториях коми-ижемцев в постсоветский период.

В качестве **теоретико-методологической основы** диссертационного исследования выступают несколько подходов. Первый из них - структуралистский подход Э. Гидденса и П. Бурдьё, позволяющий рассмотреть особенности социальной идентичности в современной России на уровне объективных структур, независящих от сознания и воли людей, которые способны стимулировать те или иные действия и стремления людей, и социальных практик. Второй - теория социального конструктивизма, представленная в работах П. Бергера, И. Гоффмана, Т. Лукмана, согласно которой идентичность предстает как определенный набор символических социально сконструированных значений, которые разделяются всеми членами группы и является всегда открытой для новых интерпретаций и преобразований. Совмещение данных теорий позволяет рассмотреть социальную идентичность, с одной стороны, как результат определенного жизненного пути, с другой, как то, что обусловлено социокультурным контекстом. Ключевым понятием, которое объединят

представленные концепции социальной идентичности является понятие жизненной стратегии, которая представляет собой практические действия индивида или группы, использующих всевозможные ресурсы и следующих правилам взаимодействий, адекватно отвечающим заданному социальному контексту. Таким образом, в центре внимания данного исследования - изучение стратегий, которые формируют и направляют социальные идентичности.

При изучении российской специфики, мы опирались на работы Т. Заславской²⁶, П. Штомпки²⁷, В. Ядова²⁸, которые посвящены проблемам трансформаций в посткоммунистических обществах. Теоретической предпосылкой являются также труды Г.М. Андреевой²⁹, Е.П. Белинской³⁰, Е.Н. Даниловой³¹, В.А. Ядова³², в которых анализируются процессы социальной идентификации в условиях социальных перемен. При анализе биографических интервью в методическом плане мы ориентировались на установки и принципы, заложенные в работах Ф. Знанецкого³³, У. Томаса, А. Шюца³⁴, а также опыт

²⁶ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция М.: Дело, 2002; Она же. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

²⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. 416 с; Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. 2001. № 2; Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.

²⁸ Ядов В.А. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформации // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М.: ИС РАН. 2007; Ядов В.А. Трансформации российских социальных институтов // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В.А. Ядова. М., 2005.

²⁹ Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.

³⁰ Белинская Е.П. Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений / Дисс... док.психол. наук. М. 2006

³¹ Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социол. исслед. 1995. № 6. С. 74-82; Она же. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № .; Она же. Социальные идентификации в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ /под ред. В.А.Ядова. М., 2005

³² Ядов В.А. Социальная идентификация личности. М., 1993

³³ Знанецкий Ф. Мемуары как объект исследования // Социологические исследования. 1989. № 1.

³⁴ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

отечественных исследователей Е.Ю. Мещеркиной³⁵, В.В.Семеново³⁶, С.А. Белановского³⁷.

Эмпирической базой данной работы являются статистические данные Территориального управления государственной статистики по Республике Коми и переписей населения, данные социологических исследований социальной идентичности в Республике Коми, а также самостоятельно полученные результаты полевого исследования методами биографического интервью и наблюдения.

В ходе исследования были собраны статистические данные о динамике населения Республики Коми, а также его этническом составе, была собрана статистическая информация о движении населения.

Вторичный анализ осуществлялся на базе материалов республиканского социологического опроса «Я и мой народ – 2004», мониторинге ситуации в области межнациональных отношений в Республике Коми, проведенном в 2008 и 2009 годах, материалов опроса населения города Сыктывкара «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации», проведенного в июне 2008 года, а также опроса, проведенного в марте 2010 года, «Север и северяне». Данные этих опросов были привлечены для того, чтобы сопоставить результаты нашего исследования с общереспубликанскими показателями.

Собственное исследование автора проведено посредством **метода биографического интервью** в 2010 - 2012 годах. Общее число информантов составило 42 человека. В исследовании приняли участие жители двух населенных пунктов Ижемского района Республики Коми – с. Ижма и д. Гам. При этом отбор информантов производился комплексно, то есть с помощью сочетания методики структурирования объекта и снежного кома, когда каждый предыдущий

³⁵ Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2002. №7.

³⁶ Семенова В.В., Мещеркина Е.В. Биографический метод в социологии: история, методология, практика. М., Институт социологии РАН, 1996.

³⁷ Белановский С.А. Индивидуальное глубокое интервью. — М.: Никколо-Медиа, — 320 с.

респондент рекомендовал последующего. Подобный выбор для сбора интервью был обусловлен пространственными и временными ограничениями исследования. Анализ полученных интервью укладывается в схему анализа жизненных траекторий, которая позволила выделить определенные жизненные типы трансформации социальной идентичности. При этом основными методами анализа выступили конструирующий метод, метод примеров и типологический метод.

Совмещение исследовательских методов позволило описать как внешнюю сторону явления, для чего и были собраны количественные данные, так и внутреннее содержание процесса трансформации социальной идентичности в поликультурном регионе.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- обосновано использование структуралистского и конструктивистского подходов в социологическом анализе меняющейся социальной идентичности в поликультурном регионе;
- дана авторская трактовка понятия социальной идентичности как множественного конструкта, включающего в себя гражданский (лояльность и ответственность за судьбу страны), региональный (референтность, гетерогенность и динамичность), национальный и этнический (биэтническая и маргинальная этническая) типы идентичности;
- определена роль социальных практик и символов в процессе трансформации социальной идентичности;
- охарактеризованы объективные факторы формирования и утверждения гражданской, региональной, и этнической идентичности населения Республики Коми: культурно-исторические предпосылки, укорененность населения, географические границы, стабильность административно-территориального деления, политический и социально-экономический факторы;
- выявлены проявления социальных размежеваний город-село, русские-коми, местные-пришлые, север-юг, которые в значительной мере сказываются на

субъективном восприятии объекта исследования социальных групп, проживающих в регионе и своей собственной общности и служат фундаментом для консолидации последней;

- определены сценарии трансформации социальной идентичности жителей Ижемского района Республики Коми, первый из которых ориентирован на гражданскую идентичность в советской форме, подвергшуюся реидентификации этническую идентичность (ижемец-коми-ижемец) и крайне слабо акцентированную региональную; второй характеризуется двойственной коми-ижемской этнической идентичностью, устойчивой гражданской (русской) идентичностью и слабой региональной; третий отличается наличием устойчивой ижемской этнической идентичности, при этом региональная и гражданская идентичности носят негативный окрас;

- представлены структурные особенности и векторы в процессе трансформации множественной социальной идентичности локальной группы коми-ижемцев, которые заключаются в целом в актуализации локальной этнической идентичности как социально-экономического ресурса.

Объем и структура диссертации. Структура диссертационной работы обусловлена поставленными целью и задачами и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, в котором приведены полевые документы: таблица с приведенными социально-демографическими характеристиками информантов и транскрипты трех интервью.

Апробация работы. Эмпирический материал собирался в течение всего обучения в аспирантуре. В 2010 году результаты исследования были изложены на X Всероссийской научной конференции «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований» (г. Пермь). Часть данных была представлена и обсуждена в рамках Международных молодежных научных форумов «Ломоносов 2011» и «Ломоносов 2012» в Московском государственном университете, проходивших в 2011 и в 2012 годах соответственно. Также в 2011

году доклады, посвященные нашей проблематике, обсуждались на конференциях «Наша социология» в Российском государственном гуманитарном университете (г. Москва) и «Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере» в Коми республиканской академии государственной службы и управления (г. Сыктывкар). В 2017 году были представлены доклады на VII международной социологической Грушинской конференции "Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях" (15-16 марта 2017, г. Москва), а также конференции молодых учёных «Проблемы идентичности в контексте мирового опыта» (12-14 декабря 2017, г. Москва).

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения трансформации социальной идентичности в поликультурном регионе

1.1. Понятие социальной идентичности: основные подходы и концепции

Социальная идентичность является одним из таких социологических понятий, которые имеют большое число пограничных, пересекающихся, но не полностью совпадающих определений. Эта специфика порождает большие трудности, которые приходится преодолевать социологам, когда появляется необходимость преобразовать его в предмет эмпирического исследования. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть теоретические подходы к феномену идентичности, существующие в социальных науках.

Само понятие социальной идентичности представляет собой своего рода результат исследовательской траектории от социально-психологических определений до социологии конструирования институтов и постмодернистских концепций социального пространства.

В рамках социально-психологического подхода, в 60-е годы XX века проводились активные исследования проблематики идентичности. Эрик Эриксон в своих работах «Детство и общество» и «Идентичность: юность и кризис» вводит термин идентичность и дает широкое описание и обоснование процессам, связанным с формированием личности. Эриксон, выделив два уровня личности – персональный и социальный, представил социальную идентичность как результат усвоения норм и стереотипов социальной группы. Согласно Эриксону, этот механизм является необходимым условием группового взаимодействия.

В целом Эриксон представлял идентичность как некий процесс, который организует жизненный опыт в индивидуальное Я³⁸. Данное представление подразумевает изменчивость этого процесса в течении всей жизни индивида. Важнейшей задачей этой структуры является адаптация, процесс становления и развития, которая позволяет индивиду предвосхитить внутренние и внешние опасности, а также сопоставлять свои желания и способности с возможностями, предоставляемыми социумом³⁹. Таким образом, идентичность является динамичным образованием, которое меняется на протяжении всей человеческой жизни. Она дает возможность индивиду видеть свою жизнь как непрерывное образование, гармонично объединяя прошлое и будущее, а также встраивая их в настоящее, подстраиваясь к изменениям жизненной ситуации.

На уровне индивидуального опыта Эриксон выделил следующие элементы идентичности: во-первых, чувство личностного тождества и исторической непрерывности личности; во-вторых, ощущение целостности своего жизненного пути во времени и пространстве, а также осознание того, что другие тоже признают это тождество и непрерывность; в-третьих, ощущение непрерывности между прошлым и будущим, между тем, как индивид хочет видеть и видит себя и тем, как он воспринимает видение окружающих в отношении себя. Согласно Эриксону, обладать идентичностью – это ощущать себя, свое бытие как личности неизменным, внутренне воспринимать свое прошлое, настоящее и будущее как единое целое и вместе с тем ощущать эту непрерывность другими людьми. Сам Эриксон определяет идентичность следующим образом: «это конфигурация, которая возникает путем успешного эгосинтеза и ресинтеза в течение детства. Эта конфигурация постепенно включала в себя конституционально обусловленные свойства, идеосинкретические потребности либидо, хорошие способности, значимые идентификации,

³⁸ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис, М., 1996. С.56

³⁹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис, М., 1996. С. 36.

эффективные механизмы защиты, успешные сублимации и последовательно принимаемые роли»⁴⁰.

Важным моментом, идентичности Эриксон считал непрерывность восприятия и осознания самого себя, при этом, несмотря на то, что формирование идентичности представляет собой нелинейный процесс и определяется многими факторами, это для исследователя является неким синтезирующим началом.

Так, исходным пунктом идентичности является уже указанное тождество самого себя, которое подвергается угрозе в переходные и кризисные периоды жизненного пути, и, поэтому должно быть восстановлено в процессе формирования идентичности. Иными словами идентичность это процесс самосохранения эго в процессе социализации. Так, Эриксон выделяет основные элементы формирования идентичности:

- "осознание себя как индивида в данном телесном облике, окруженного определенными значимыми другими в своей культуре и обществе, то есть, осознание своей индивидуальности;
- чувство целостности собственной личности, непрерывности биографии;
- идентификация в разных сферах социального опыта и осознание, своей принадлежности к различным социальным группам;
- выделение значимой характеристики личности для определенного исследования, например, «профессиональная идентичность»;
- способ размышлять о человеке в современном обществе"⁴¹.

Для Эриксона эго представляет собой константу, которая отсылает к психоаналитической практике. В концепции идентичности Эриксона эго является исходной пропозицией, направленную на самовоспроизводство в содержательном аспекте личностного опыта. Индивидуальный опыт формирует гештальт,

⁴⁰ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис, М., 1996. С.173.

⁴¹ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал, 2008. № 3. С. 48.

личности, который, сохраняет своеобразие личности в социальной адаптации и в присвоении конкретной социальной роли.

Эриксон опирается на теоретический материал, накопленный как в экспериментальной психологии, так и в психоанализе. Практику социального взаимодействия он рассматривает, не обращаясь к эмпирическим исследованиям. Вместе с тем, его работы, являются хорошей методологической базой для исследования процесса идентичности. В них социальная составляющая идентичности подвергается детальному анализу, основанному на выделении тех или иных видов социализации: половой, профессиональной, этнической, религиозной.

Переключение внимания с концепта эго на практику социального взаимодействия связано с исследованиями Дж. Марсиа⁴², который сформулировал идею статусной модели идентичности. Исходными принципами у Марсиа являются принципы сформулированные Эриксоном, то есть внимание здесь также сконцентрировано на психологическом понимании идентичности, связанным с понятием эго. Так, идентичность у него предстает как некая «структура человеческого я – внутренняя самосоздающаяся, динамическая совокупность потребностей, способностей, убеждений и собственной истории»⁴³. Вместе с тем, Марсиа в своей теории выдвигает гипотезу о том, что идентичность как структура проявляется через паттерны решения проблем. По его мнению, именно решение жизненных проблем является основополагающим элементом в становление идентичности. По мере того, как индивид сталкивается с различными проблемами и предпринимает попытки их разрешить, он осмысливает себя самого, свои слабые и сильные стороны, смысл своего существования, тем самым, развивая структуру идентичности.

⁴² Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов - на - Дону, Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1999. С.117.

⁴³ Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980.

В зависимости от степени присвоения и осознания паттернов сохранения самотождества Марсиа выделил четыре типа идентичности: достигнутая идентичность, мораторий, преждевременная идентичность, диффузная идентичность. Достигнутая идентичность свойственна людям, ценности и убеждения которых четко сформированы, а жизненные цели определены. Понятие мораторий Марсиа использует в отношении людей, находящихся в кризисе идентичности и находящихся в поиске выхода из него. Носителями преждевременной идентичности являются люди, которые, с одной стороны, никогда не переживали кризиса идентичности, но, с другой стороны, не обладают определенным набором целей, ценностей и убеждений. Единицы идентичности у таких людей сформированы не как следствие индивидуального жизненного опыта, а как результат процесса идентификации со своими родителями или значимыми людьми. Марсиа также отмечает, что идентичность не является раз и навсегда застывшим образованием, она формируется и изменяется в течение всей человеческой жизни. Согласно взглядам Марсиа, достижение идентичности может происходить двумя способами. Первый из них связан с постепенным осмыслением себя и своего места в мире, что приводит к формированию преждевременной идентичности. Суть второго пути заключается в самостоятельном принятии индивидом решений относительно того, каким ему быть, из этого пути вытекает достигнутая идентичность⁴⁴. Тем не менее, исследование процесса усвоения и осмысления поведенческих образцов вновь приводит исследователя к личностному аспекту изучения идентичности.

Существенным элементом теории идентичности, переводящим исследовательский интерес в проблематику социальных процессов становится понятие социальной категоризации, введенное Г. Теджфелом. Социальная идентификация здесь рассматривается здесь через призму отождествления человека с определенной социальной группой. Исследуя межгрупповые

⁴⁴ Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии, 1996. № 1. С. 133 – 148.

взаимодействия, Теджфел оперирует тремя ключевыми понятиями: социальная категоризация, социальное сравнение и социальная идентификация. Социальная категоризация представляет собой процесс классификации социального окружения в понятиях наиболее предпочтительных для индивида. Социальное сравнение преобразует социальную категоризацию в действия, обеспечивающие межгрупповую дифференциацию. Таким способом достигается социальная идентичность личности, то есть индивидуальное знание о том, что человек принадлежит к некой социальной группе вместе с некоторым эмоциональным и ценностным персональным смыслом группового членства⁴⁵. Межгрупповые и межличностные формы взаимодействия рассматриваются Теджфелом как некое множество, на одном конце которого находятся разновидности социального поведения человека, полностью обусловленные групповым членством, а на другом – разновидности, обусловленные индивидуальными характеристиками. Таким образом, Теджфел противопоставил личностную и социальную идентичности как различные социально-поведенческие формы. Теджфел полагал, что для обретения положительной самооценки в распоряжении человека есть как межгрупповые, так и межличностные варианты взаимодействия, которые индивид выбирает по принципу удобства, однако эти формы взаимодействия друг другу противоположны.

Соотношение групповой и индивидуальной идентичности становится весьма важным моментом в исследованиях Дж. Тернера. Дж. Тернер, исследуя процесс социального сравнения отметил возможность напряженности и конфликта между индивидуальной и групповой идентификациями. У него межгрупповое поведение есть результат, а не причина самовосприятия, как у Теджфела. Таким образом, социальная идентичность – результат не группового членства, а результат социальной категоризации себя, то есть

⁴⁵ Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, Paris, 1982.

самокатегоризации⁴⁶. Иными словами социальная идентичность есть результат самоидентификации человека с различными социальными категориями, группами. Как и Тэджфел, Тернер отмечает, что механизмом актуализации и развития социальной идентичности является социальное сравнение, за которым зачастую может стоять конфликт. Для разрешения конфликта между разными сферами своей принадлежности человек оценивает свою группу и сравнивает с другими. При этом, как правило, сравнение идет с похожими, релевантными группами и в нем задействованы далеко не все параметры, а только ценностно значимые качества и характеристики. На положительных отличиях своей группы, имеющих социальную значимость для индивида, формируется позитивная социальная идентичность. Если же индивид включен в низкостатусную группу, то включаются механизмы, направленные на сохранение или достижение позитивной идентичности. К таковым механизмам относятся такие как индивидуальная мобильность, социальная креативность и социальная конкуренция. Таким образом, идентичность начинает восприниматься в контексте социальной динамики.

Проследив исследовательские траектории в определении идентичности в рамках социальной психологии стоит отметить определенную тенденцию, связанную с приоритетом психологии личности, с одной стороны, и возможным конфликтом эго-парадигмы со структурными характеристиками социальных полей, с другой.

В исследовательской методологии бихевиоризма рассматривается не субъективная сторона ощущений человека, а объективные характеристики поведения, вызванные теми или иными внешними обстоятельствами. Начало этому направлению было положено американским психологом Дж. Уотсоном. В своей статье «Психология с точки зрения бихевиориста» Уотсон рассматривает в качестве единицы анализа поведения взаимосвязь между стимулом и ответной

⁴⁶ Turner J. Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behaviour // *Advances in group processes*. L., 1985. V. 2. P. 77 - 121.

реакцией. Все ответные реакции он делит на наследственные - рефлексы, физиологические реакции и элементарные «эмоции»; и приобретенные - привычки, мышление, речь, сложные эмоции, социальное поведение, которые формируются при стыковке наследственных реакций, запускаемых безусловными стимулами, с новыми стимулами.

В этом смысле идентификация представляет собой подкрепление и формирование вторичной идентичности. Суть идентификации заключается в процессе выстраивания единых для субъекта и объекта ценностей и их усвоение субъектом, процессе установления взаимоотношений, в которых обе стороны будут разделять ценностные образцы⁴⁷. Основа идентификации лежит в формировании зависимости и привязанности, а ее основная функция заключается в обретении новых, но уже готовых форм поведения. Механизмами формирования идентификация являются имитация, наблюдением, научение через моделирование. Предпосылкой идентификации является формирование психологической зависимости и привязанности. Основная функция идентификации заключается в обретении новых, но уже готовых форм поведения.

Недостатком данного подхода является упрощение личностной составляющей, и переключение внимания на усвоении образцов. Личностная составляющая задействована здесь в контексте целеполагающей деятельности, при игнорировании так называемой рефлексивной составляющей личностного опыта. Как отмечает российский исследователь М.В. Заковоротная, "в первоначальных трактовках идентификации (как во фрейдистском направлении, так и в бихевиоризме) доминирует односторонний подход в понимании процессов, приводящих к обретению идентичности. Он проявляется в сведении идентификации либо к бессознательному уровню, либо к сознательному, в формально-логическом противостоянии субъекта и объекта, что приводило к простым переносам характеристик объекта, например, родителей на субъект.

⁴⁷ Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии, 1996. № 1. С. 133 – 148.

Такая интерпретация, в свою очередь, не отводила никакой активной роли самому субъекту: либо он претерпевает давление со стороны своего неизведанного «Я» либо он становится жертвой социальных обстоятельств. При этом феноменологическое содержание идентификации отсутствует".⁴⁸

Можно сказать, что отмеченные недостатки в той или иной степени стремятся преодолеть такие исследовательские парадигмы как символический интеракционизм и конструктивизм.

Так, например, Г. Мид считает, что взаимодействие между людьми представляет собой диалог, в процессе которого люди, осмысливая такие социальные символы, как жесты и язык, наблюдают друг друга, оценивают намерения и реагируют на них⁴⁹. Согласно этому учению, человеческое «я» имеет двойственную структуру: с одной стороны, это субъективное ощущение человеком самого себя, а, с другой, обобщенные представления о человеке других. По мере социализации и становления личность принимает на себя те роли, выполнение которых от него ожидает социальное окружение. Формирование социальной идентичности здесь определяется через «обобщенного другого, который символизирует те ценности и образцы поведения, через которые осуществляется самоутверждение и идентификация с группой. На этом уровне еще может и не существовать социальная группа с которой происходит идентификация, то есть, используя понятие П. Бурдьё, не существует «класса на бумаге». Вместе с тем, отождествление себя с группой может происходить через совокупность так называемых "аналогичных случаев".

Преимущество подхода символического интеракционизма заключается в том, что идентичность приобретает динамический характер вследствие смены обобщенных других. Понятие обобщенного другого, которое представляет собой проявление отношения окружения к действиям индивида, является своеобразным

⁴⁸ Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов - на - Дону, Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1999. С. 109.

⁴⁹ Mead G.H. Mind, self, and society from the standpoint of a social behaviorist. Chicago, 1934.

путем человека к самому себе, формирует его самость. Несмотря на то, что в обществе индивид взаимодействует с множеством обобщенных других, существует определенная референтная группа, оценка которой является наиболее важной для человека – это так называемый значимый другой. Однако часто бывает так, что обобщенный другой и значимый другой противоречат друг другу, поэтому индивид встает перед выбором, принимая одни ценности и отвергая другие, таким образом, идентифицируя себя с той или иной социальной группой. В связи с трансформацией социально-экономических, политических, духовных составляющих жизнедеятельности общества происходит процесс изменения общественного взаимодействия: то, что одобрялось обществом ранее, сегодня становится неактуальным. Социальные роли, выполняемые человеком, утрачивают свою значимость. Формируются новые социальные группы, то есть обобщенные другие, под влиянием которых человек меняет свои социальные роли и идентичность, поскольку нуждается в одобрении своих действий⁵⁰. Таким образом идентичность в ее динамическом воплощении становится процессом, существенные моменты которого имеют для индивидуума непосредственное значение, которое отображается в биографии и жизненных сценариях. Если утрачивается этот биографический элемент идентичности, то, тогда происходит утрата связи человека и социальной группы.

И. Гофман разделял идентичность на три вида: социальную, личностную и Я-идентичность⁵¹. Первая представляет собой причисление индивида к тому или иному типу окружением на основании признаков его социальной группы. Вторая – это совокупность уникальных признаков, которая была сформирована неповторимыми событиями жизненной истории. Третья – субъективное ощущение индивидом своего своеобразия.

⁵⁰ Мид Дж. *Аз и Я* // Американская социологическая мысль / пер. с англ. - М., 1994. С. 121-128.

⁵¹ Гофман И. *Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью* / Пер. М.С. Добряковой / URL.: www.e-reading.org.ua/bookreader.php/145155/Gofman (Дата обращения: 28.01.2008)

Наибольшее число функций несет на себе социальная идентичность, которая содержит в себе множество идентичностей, социальных ролей, так называемых масок, которые определяют формы и содержание человеческого поведения и зачастую подчиняют себе Я-идентичность, то есть самую сущность индивида. Давление социальных правил и норм вынуждает человека постоянно играть роли, анализировать ситуации в русле предписанных рамок, выстраивать стратегии своей адаптации и достижения своих целей. С помощью понятия ролевой дистанции Гофман показывает, как все-таки человеку удается сохранить свою индивидуальность, выжить в жестких и сложных институциональных средах. Дистанцируясь от своей социальной роли, человек получает возможность поддержания уникальности и индивидуальности.

Таким образом, символический интеракционизм как бы вновь останавливается на том зазоре, который существует между Я и социальной идентичностью как навязанной обществом. Вместе с тем, эта констатация позволяет рассматривать идентичность как динамический процесс. Идентичность может быть связана с несколькими социальными ролями, и изменять свою идентичность в процессе жизненного пути.

Недостатком, символического интеракционизма, с одной стороны, было возвращение на уровень психологической дилеммы личное – социальное и недооценка биографического фактора в определении идентичности. Рассмотренные ранее подходы к идентичности объединяет то, то, что личность и ее жизненная траектория рассматривается лишь как движение через определенные узловые точки, то есть это движение можно уподобить пространственному линейному движению. Но уже в социологии знания данное представление о человеческом опыте и восприятии было представлено совсем иначе. Прошедший опыт актуализируется и присутствует в настоящем, формируя пространство, которое служит основой классификации. То есть человеческая память рассматривается не как набор усвоенных образцов поведения, но как актуальный универсум присутствующий в каждом моменте настоящего. Этот

подход в свое время был положен в основание социологии знания Э. Гуссерлем⁵². М. Шелер применяет феноменологический метод для того, чтобы сформулировать основные положения социологии знания. Процесс идентификации здесь существенно отличается от усвоения поведенческих образцов. Формирование идентичности здесь определяется совсем иной основой, а именно, идеационным актом, отрицающим жизненно важные связи окружения, и сосредотачивающимся исключительно на восприятии предметной сферы самой по себе. То есть, Шелер отмечает существенный разрыв между духом и жизнью. «Таким образом, идеация означает постижение сущностных форм построения мира на одном примере соответствующей сущностной сферы, независимо от числа совершаемых нами наблюдений и от индуктивных заключений. Знание, которое мы получаем таким образом, имеет силу в бесконечной всеобщности, для всех возможных вещей этой сущности, совершенно независимо от наших случайных чувств и вида и меры их возбудимости. Знания, которые мы получаем таким образом, имеют силу за пределами чувственного опыта. На школьном языке мы называем их *a priori*»⁵³. Применительно к социальному опыту, это положение М. Шелер формулирует в работе «Проблемы социологии знания» «Знание каждого человека о том, что он «член» общества не эмпирическое знание, а *a priori*. Оно генетически предшествует этапам его так называемого самосознания и сознания собственной ценности, не существует «я» без «мы» генетически гораздо раньше наполнено содержанием, чем «я»⁵⁴.

⁵² См. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. Здесь Гуссерль в основу своего исследования полагал различие между ощущаемым временем и объективной длительностью, которая квантифицирует и измеряет время. То есть восприятие своей биографии в контексте феноменологической редукции отличается от ее изображения как своего рода жизненного пути, который проходит через определенные узловые точки. Применение феноменологической редукции впоследствии оказывает непосредственное влияние на Дазайн М. Хайдеггера.

⁵³ Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы/Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова.—М.: Прогресс, 1988. С. 62

⁵⁴ Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011. С. 50.

Феноменология и социология знания находят свою конкретизацию в качестве исследовательской парадигмы в конструктивизме. Идентичность здесь выступает в качестве элемента, который связывает личный опыт и социальный институт. Можно сказать, что личный опыт, осмысленный в биографии запускает процесс институционализации.

С одной стороны, как отмечают авторы «Социального конструирования реальности» уже наличие определенной практики, имеющей значение и признание в рамках конкретного социума, является необходимым условием институционализации. «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая типизация есть институт»⁵⁵.

Вместе с тем, в социуме существует множество практик, которые не связаны друг с другом некой логикой или причинно-следственными связями. Институты возникают в многочисленных обществах, поэтому процесс хабитуализации может касаться не только двух индивидов, но трех и более, а именно, трех и более практик, трех и более социумов. Так, например, единая практика связывает А и В, и, в свою очередь, существует практика, связывающая В и С. Для А практика В и С не дана непосредственно, вместе с тем, поскольку индивида А и С находятся в едином социуме, признание его практики обязательно, поскольку она должна быть легитимирована. Следовательно в форме непосредственной типизации практика В и С для А закрыта. Кроме того, она не связана со знакомой ему практикой ни логической, ни причинно-следственной связью. Но с другой стороны, А знаком с Б и связан с ним общей практикой, следовательно практика В и С легитимируется через это знакомство. В конечном счете, в глобальной перспективе, так может быть легитимирована любая практика, о чем свидетельствует широко известный принцип шестого рукопожатия. Однако, человеческая жизнь ограничена и, поэтому на своем

⁵⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 92.

жизненном пути, человек встречает ограниченное количество практик, которые им переживаются типизируются и легитимируются в биографии. Таким образом, именно биография составляет основу институционализации. «По ходу размышлений о сменяющихся друг друга моментах своего опыта индивид пытается поместить присущие им значения в непротиворечивую биографическую систему отсчета. Эта тенденция возрастает помимо того, как индивид начинает разделять с другими людьми свои значения, интегрируя их в своей биографии».⁵⁶

Таким образом, идентичность формируется на основе общей практики. Введение этого понятия позволяет конкретизировать абстрактное понятие «социальное взаимодействие» и синтезировать личностный момент в социально-значимое взаимодействие. Биографический синтез формирует не только институты, но и служит основанием для рассмотрения идентичности как неотъемлемого момента осмысления не только личного опыта, но и опыта других в некоем универсальном классификационном пространстве. В этом отношении идентичность представляет собой амбивалентный феномен, она не только встраивается через указанные выше механизмы в социум, но и трансформирует его. «Идентичность формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или даже ее переформируя»⁵⁷.

⁵⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 107.

⁵⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 115.

Важнейшим этапом развития концепции идентичности в социологии является переосмысление данного понятия в условиях современного общества, или в условиях постмодерна. Так, в приведенном выше фрагменте из «Социального конструирования реальности» следует, что формирование идентичности является фундаментом социального института. В рамках своей биографии человек как бы заново легитимирует определенные практики, в контексте конкретного символического универсума. В этом отношении можно говорить о так называемой гармонии, в которой жизненные интересы (политические и экономические) как бы отфильтровывают те познавательные практики, которые неприемлемы в конкретном социуме, формируя «так бытие».

Развернувшаяся в социологии XX века критика просвещения и модерна в критической традиции франкфуртской школы приводит к противопоставлению идентичности личности и «объективной системы», а именно, политических и экономических институтов. Спектр критики «модерновой объективности» весьма широк: от идеи «Великого отказа» Г. Маркузе до коммуникативной практики Ю. Хабермаса.

В концепции Г.Маркузе, политические и экономические институты современности запускают процесс дегуманизации личности, утраты собственно человеческого содержания и формирования «одномерного сознания». В работе «Отношение системы и жизненного мира в эпоху позднего капитализма»⁵⁸ Ю. Хабермас как бы продолжает критическую традицию франкфуртской школы, но вводит понятие "жизненного мира" как основу идентичности, способную противостоять экономической и политической системам, что позволяет ему в дальнейшем сформировать концепцию коммуникативного разума и модерна как незавершенного проекта⁵⁹. Ю. Хабермас особое внимание уделяет частной сфере

⁵⁸ Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром в эпоху позднего капитализма//TESIS 1993, вып. 2. С. 125 – 136.

⁵⁹ В отличие от Т. Адорно и М. Хоркхаймера Хабермас считает, что отрицательный эффект просвещения и модерна связан с тем, что коммуникация и, соответственно, идентичность были здесь подчинены внешним целям, покорению природы, созданию технологий и пр. В то время, как подлинной целью модерна было создание

и коммуникативным практикам. Частная сфера артикулирует общественное мнение, вступая с общественными институтами в отношения публичного диалога. Согласно Хабермасу, частная сфера – подлинная, а общественная – ложная, поскольку скрывает свою сущность, создавая о себе иллюзорные представления.⁶⁰ Хабермас выстраивает собственную структуру идентичности. Социальная идентичность представляет собой некое горизонтальное измерение, которое делает возможным выполнение различных требований в ролевых системах. Вертикальное измерение, то есть личностная идентичность, олицетворяет собой связность и непрерывность истории жизни. Эти два измерения взаимосвязаны, поэтому в их рамках реализуется так называемая «балансирующая Я-идентичность». Установление этого баланса происходит с помощью различных механизмов взаимодействия, но в качестве определяющего механизма Хабермас выделяет язык. Человек через освоение различных языковых техник, с одной стороны, пытается согласовывать свои действия с социальными нормами, а с другой - не потерять свою уникальность. «Понимание человеком самого себя зависит не только от того, как он сам себя описывает, но и от тех образцов, которым он следует. Самотождественность Я определяется одновременно тем, как люди себя видят и какими они хотели бы себя видеть»⁶¹.

Кроме того, важнейшим моментом в формировании идентичности является коммуникативная практика, которая способна преодолеть разрыв между институциональным и личностным моментом формирования идентичности. В этой практике оказывается возможным воспроизведение не только своего жизненного опыта и характерных для данной социальной группы практик, но формулировка общезначимых норм. В четвертом одноименном очерке «Морального суждения и коммуникативного действия» Ю. Хабермас

свободного коммуникативного пространства. Осознание этого факта и должно послужить основанием проекта незавершенного модерна.

⁶⁰ Habermas U. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1976. S. 246.

⁶¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С.7.

интерпретирует теорию становления морального сознания Л. Кольберга. Становление морального сознания связано с тремя ступенями. На первом уровне формируется поведение на основе запретов и приспособления в контексте преследования собственных целей. Второй уровень – конвенциональный. Здесь необходимо обосновывать, что реализация частного интереса является реализацией и общего интереса. Этот уровень аргументации и заключения договоров внутри сообщества. Третий уровень – принципиальный. Здесь происходит как бы встреча особенного и всеобщего, а именно прагматического и этического дискурса с моральным. Этот уровень предполагает переоценку ценностей и критику прагматического и этического обоснования с позиции общих принципов поведения⁶², то есть абсолютных моральных ценностей.

Современные проблемы идентичности, по мнению Хабермаса, являются результатом развития культуры модерна, которая разделила общество на систему и жизненный мир. Модернизация охватила не только управление, экономику и средства сообщения, но и жизненный мир в целом, фрагментировав его и оставив индивиду лишь возможность рискованного самоуправления через в высшей степени абстрактное тождество Я, которое не подтверждается конкретной коммуникативной практикой. Полноценная коммуникативная практика способна вернуть утраченную в модерне целостность идентичности.

В постмодернистском направлении социологии при анализе социальной идентичности особое значение придается проблеме индивидуальности. Идентификация рассматривается как такой вид деятельности, который не имеет окончания и открыт в будущее. Так, З. Бауман отмечает, что современный человек озабочен не столько поиском идентичности, сколько возможностью в определенный момент времени выбрать другую идентичность, которая будет актуальней прежней. Таким образом, проблема идентичности изменила свои форму и содержание: «Прежде это была разновидность проблемы, которая всегда стояла перед паломниками «Как попасть туда-то?». Теперь она стала больше

⁶² Ю. Хабермас Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб, 2001. С. 183 - 198.

похожа на вопрос, с которым каждодневно сталкиваются бродяги: «Куда мне идти? Куда заведет меня дорога, по которой я иду?».⁶³ Иными словами, основная проблема общества модерна, традиционно решавшаяся по отношению к идентичности, это построение идентичности и обеспечение ее прочности. Постмодерн же ориентирован на свободу выбора идентичности, избегание ее устойчивости, однозначности и предсказуемости. «В случае идентичности, как в других случаях, ключевым словом модерна было создание; ключевым словом постмодерна является повторное использование»⁶⁴.

В своей книге «Современность и Я-идентичность» Энтони Гидденс отмечает, что в условиях современности люди погружены в самостоятельный поиск самих себя. Рефлексивность является отличительной характеристикой социальных структур современного общества. Идентичность задает индивиду некую траекторию через различные социальные и институциональные установки в течение всего жизненного пути. Гидденс рассматривает идентичность исключительно в ее связи с социально-историческим окружением, технологией, экономикой, культурными традициями, воспитательными практиками и духовно-нравственными ценностями той или иной эпохи. Процессы глобализации на современном этапе проникают в ядро человеческой личности. В связи с этим идентичность предстает как объект рефлексии, который формируется и перестраивается вместе со способностью к ней. «Трансформация самоопределения и глобализации... - это два полюса диалектики локального и глобального в условиях высокой современности. Изменения в интимных аспектах личной жизни... непосредственно связаны с установлением социальных связей очень широкого масштаба... впервые в человеческой истории «личность» и «общество» взаимосвязаны в глобальной среде»⁶⁵.

⁶³ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 185.

⁶⁴ Бауман З. От пилигрима к туристу, или краткая история идентичности. URL.:<http://j2100.narod.ru/bauman1.htm>, дата обращения 02.05.2012.

⁶⁵ Giddens A. *Modernity and Self-identity: Self and society in late modern age*. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 32.

Также Гидденс вводит понятие базисного доверия, цель которого заключается в том, чтобы формировать фундамент для эмоционально-когнитивной ориентации к окружающим, миру и идентичности. Это доверие напрямую связано с чувством безопасности. Тревога и чувство риска- следствие современного процесса глобализации. Современное общество есть общество высокого риска. Доверие обеспечивает эмоциональную защиту от тревог и опасностей, что позволяет индивиду сохранять надежду и мужество в любых обстоятельствах, обеспечивает способность совладать с ситуацией, угрожающей психологической и телесной целостности. Именно существование этого базисного доверия делает возможным формирование идентичности.

Кроме того, у рефлексивной идентичности есть еще одно свойство, которое может существенно исказить институциональное поведение индивидов. Сложившееся в эпоху просвещения представление о науке как об объективном способе описания мира, не влияющим на объективные процессы, в условиях рефлексивной идентичности уже не соответствует действительности. Социальные науки с их статистическими данными, прогнозами развития экономики, политической сферы, уже не являются оторванным от действительности описанием последней, но своего рода основанием для практической деятельности. «Каждый житель западной страны, начинающий семейную жизнь, к примеру, знает, что доля разводов высока (а может знать и много других фактов о демографии брака и семьи, каким бы полным и несовершенным было это знание). Осведомленность о высокой доле разводов может повлиять на само решение о вступлении в брак, равно как и на решения по связанным с этим вопросам – мерам, принимаемым по отношению к собственности и т.д.»⁶⁶

Идентичность является рефлексивным проектом, который формируют и контролируют социальные институты. Индивид со стабильным ощущением идентичности защищен от повседневных опасностей и рисков. Таким образом,

⁶⁶ Гидденс Э. Последствия современности М., 2011. С. 161.

идентичность является и целостностью, и одновременно способностью к рефлексии, представляя собой определенную форму контроля. В своей теории Гидденс показывает взаимосвязь идентичности с социальными институтами: социальные институты формируют идентичность, обеспечивая тем самым устойчивый социальный порядок⁶⁷.

Концепция рефлексивной идентичности конкретизирует конструктивистский подход к этому понятию в условиях современности. Начиная с того, что конструктивизм поставил под сомнение непосредственность таких определений как этничность, национальность⁶⁸, в современных исследованиях он уже представляет гендер как результат перформативного действия⁶⁹. Можно сказать, что сущность данного подхода заключается том, что идентичность предстает как рефлексия включающая в себя многообразную информацию о современном мире и представленная в ряде последовательных действий. При этом, наличие глобального информационного пространства отнюдь не сглаживает границы идентичности, но наоборот, актуализирует их⁷⁰

Каждый из рассмотренных подходов рассматривает проблему идентичности с разных точек зрения, делается акцент на различные моменты, но при этом можно обнаружить общие тенденции теоретического осмысления концепта идентичности. Эту общую основу можно обнаружить практически во всех интерпретациях концепта социальной идентичности: сторонники структурного функционализма использовали ее применительно к концептам ролей и референтных групп; последователи символического интеракционизма, первоначально говорившие о самости, также постепенно перешли к использованию понятия идентичности; в рамках концепции социальной драматургии, предложенной Гофманом, центральное место занимала презентация

⁶⁷ Giddens A. *Modernity and Self-identity: Self and society in late modern age*. Cambridge: Polity Press, 1991.

⁶⁸ См. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества* М., 2001.

⁶⁹ Батлер Д. *Гендерное регулирование* // *Неприкосновенный запас* №76 (2/2011)/ <http://www.nlobooks.ru/node/2458>.

Дата обращения 06.04.2017.

⁷⁰ Барт Ф. *Этнические группы и социальные границы*. М., 2006. С. 10.

себя другим; а Бергер и Лукман придали понятию обобщенную теоретическую форму, базируясь на характерном для них логическом объединении конструктивистской и феноменологической позиций.

Во второй половине XX столетия появились концепции многообразия и своеобразия путей развития, которые отразились и на трактовке идентичности. В этих теориях на первый план выступает понятие аномии, то есть кризиса социальных институтов в переходный период. При переходе от традиционной к современной стадии развития общества аномия предстает как разрушение норм предшествующего периода и ослабление регулирующей функции на уровне индивида. В связи с этим учащаются случаи отклоняющегося и асоциального поведения, и появляется социальный нигилизм. Применительно к постсоветской России об аномии можно говорить как о частичном возврате к советским нормам. Советские институты в 1990-е годы претерпевали изменения, а новые только находились на стадии формирования. Таким образом, на фоне утративших былую силу социальных институтов зарождались новые постсоветские нормы, которые стихийно утверждались людьми.

Опираясь на эту идею, согласно которой люди собственной практической деятельностью изменяют материальные условия жизни, представители деятельностного подхода, в частности П. Штомпка и Э. Гидденс, делают акцент на практических действиях агентов. Наиболее полный обзор и осмысление теоретических подходов по социальной динамике содержит работа польского социолога П. Штомпки «Социология социальных изменений». Его концепция «социального становления» и концепция социального поля являются альтернативными моделями социальной динамики. Предпосылками появления концепции социального поля являются два обстоятельства: во-первых, желание автора сосредоточиться на анализе динамических характеристик социальной реальности; во-вторых, так называемая дематериализация этой реальности и форирование «образа поля». В своей теории П. Штомпка обратил внимание на тенденции, которые позволяют не рассматривать человеческое общество, а также

его компоненты, например, социальные группы или организации, в качестве объектов, а изучать их с динамической или процессуальной точки зрения⁷¹.

На переходных состояниях фокусируется и теория культурной травмы Штомпки. Культурная травма выражается в том, что люди теряют ценность ранее накопленного социального опыта, разрушаются привычные образы, символы, что воспринимается крайне болезненно. Индивид в таких условиях становится своего рода социальным банкротом. Однако в подобное состояние впадают не все: те, кто обладают большим социальным и личностным ресурсом, остаются в выигрыше.

В своей теории Штомпка выделяет шесть этапов состояния травмы. Первый этап - это этап предшествующий травмирующим событиям, в котором условия и предпосылки травмы уже сложились. Второй этап – это собственно те самые события, которые приводят к травме, их сущность. Третий - характеризуется духовными поисками, осмыслением прошлого и настоящего. В этот период наряду с социально-статусной дезинтеграцией наблюдается дезинтеграция общества в целом. Следующий этап – этап травматических симптомов как разделяемых большинством новых образцов поведения и общепринятых мнений. Далее следует посттравматическая адаптация, которая выражается в двух формах: активной - применение стратегий преодоления трудностей, и, наоборот, пассивной, примирение с трудностями. Завершающий этап связан с преодолением травмы, когда переходный период заканчивается и наступает стабильное состояние существования социума и его членов⁷².

Протекающие в социуме и социальных институтах процессы диалектически взаимосвязаны. Социодинамический подход применительно к социальной идентичности настраивает на анализ ее глубинных характеристик, факторов и механизмов формирования. Травмотологическая метафора еще раз

⁷¹ Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. 416 с.

⁷² Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. 416 с.

акцентирует внимание не на институциональной структуре, а на внутреннем мире индивида.

Другим теоретиком культурной травмы является Дж. Александер. Он рассматривает через призму этого понятия коллективную идентичность. Согласно Александеру, какое-либо событие получает статус травмы не в силу своих пагубных последствий, а в силу того, что считается, что это событие имело отрицательное воздействие на коллективную идентичность. Явление приобретает статус травмы лишь тогда, когда привычные смыслы сообщества претерпевают кардинальные смещения. Именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха, а вовсе не события сами по себе.⁷³ Александер описывает процессы, которые представляют событие как травму. Изначально травма конструируется путем так называемого заявления "о некоем глубочайшем увечье, крик об ужасающем оскорблении святыни, нарратив устрашающе разрушительного социального процесса и требование эмоциональной, институциональной и символической компенсации и восстановления".⁷⁴ Такое заявление выдвигает группа носителей, которая затем расширяет свою аудиторию путем успешной репрезентации, отвечающей на четыре вопроса - о природе боли, о природе жертвы, о связи жертвы с аудиторией и о распределении ответственности. Особое внимание Александер уделяет такому моменту, как вхождение травмы в сферу закона, средства массовой информации, научное знание и государственную бюрократию. Таким образом, можно сказать, что травмы воображаются и репрезентуются, вследствие чего пересматривается коллективная идентичность, и происходит процесс рутинизации травмы.

Обобщая результаты исследований представителей рассмотренных нами теоретических подходов, можно выделить следующие положения интерпретации феномена социальной идентичности:

⁷³ Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. с. 5-40. С.18.

⁷⁴ Там же. С. 19.

- социальная идентичность имеет структурное строение, основу которого составляют содержательный и оценочный компоненты, находящиеся в тесном взаимодействии;
- социальная идентичность существует в плане субъективного времени, это динамичная структура, которая развивается в течении всего жизненного пути индивида, такое развитие представляет собой сложный, нелинейный и неравномерный процесс, который протекает через преодоление кризисов;
- способность к изменению идентичности связана с использованием защитных стратегий;
- социальная идентичность представляет собой своего рода процесс решения жизненно важных проблем, при этом каждое решение по поводу своего самоопределения вносит вклад в структуру социальной идентичности в качестве ее элемента;
- социальная идентичность складывается как итог взаимодействия индивида с окружением и усвоения им языка, выработанного в ходе такого взаимодействия, изменение социальной идентичности обусловлено изменениями в социальном окружении индивида.

Таким образом, следует отметить, что все проанализированные концепции и подходы исходят из объяснения социальной идентичности как множественной и изменчивой системы, как важнейшего фактора формирования и развития личности. Вместе с тем социальная идентичность предстает не как нечто естественное, а как нечто конструируемое социальными процессами, и вместе с тем идентичность через социальную структуру, изменяя ее, может оказывать влияние на социальные процессы и закреплять в обществе присущие ей установки. На наш взгляд, именно данный подход точнее всего отражает современную ситуацию, в том числе, периода социально-экономических перемен, и помогает на эмпирическом уровне изучить наиболее неоднозначные и противоречивые процессы самоидентификации людей и групп, живущих в эпоху таких перемен. В связи с тем, что одной из характерных черт общества

постмодерна является возросшее число социальных групп, современный индивид, будучи участником большого количества общностей, становится носителем многообразия социальных идентичностей и ролей; и иногда гармоничное сосуществование идентичностей одного индивида становится весьма проблематичным.

Таким образом, нам представляется логичным говорить не о единой социальной идентичности как гармоничной совокупности результатов идентификации людей и групп по различным основаниям, а о множественной идентичности, тем самым, подчеркивая все многообразие и противоречивость принадлежностей индивида.

1.2. Множественная социальная идентичность: гражданская, региональная и этническая идентичности

Социальная идентичность представляет собой осознание индивидом себя как части некоего сообщества, принятие системы ценностей и вовлеченность в деятельность, направленной на поддержание существования этого сообщества. В роли объекта идентичности может выступать любое объединение людей: малая группа, этническая общность, нация или мир в целом. Однако следует иметь в виду, что идентичность представляет ценность только тогда, когда индивид получает признания среди тех, к кому он себя относит, особенно, если это группа, пользующаяся высоким авторитетом. Потребность быть причастным к определенной общности является одной из базовых для индивида. Следовательно, принципиально важным здесь является наличие обратной связи с той общностью, с которой человек себя идентифицирует. Таким образом, проблема идентификации выводит нас на восприятие индивидом мира, себя в этом мире и на оценку событий, происходящих в нем, что обуславливает, в конечном счете, его поведение.

В современных условиях глобализации формы и типы идентичности становятся все более разнообразными и многочисленными. В ходе социализации человек сталкивается со многими ролями, каждая из которых соответствует своей идентичности. В соответствии с объектом, который является основой для построения идентичности, выделяют множество типов социальных идентичностей: национальную, этническую, региональную, политическую, профессиональную, религиозную и другие.

Таким образом, индивид осознает себя членом сразу многих групп и общностей. Совокупность идентичностей в сознании индивида не является постоянной и видоизменяется в зависимости от ситуации, времени и места. Эти идентичности не всегда соответствуют, а иногда противостоят друг другу внутри

отдельного социума и даже в характере индивида. Можно говорить о том, что «каждый индивид имеет несколько социальных идентичностей, по крайней мере, одну для каждой социальной позиции, которую он занимает, стремится занимать или думает, что занимает. Индивидуальный набор социальных идентичностей организован в систему, наиболее характерным аспектом которой является иерархическая упорядоченность социальных идентичностей с точки зрения их индивидуальной предпочтительности в понимании субъектом самого себя»⁷⁵. Иными словами, мы можем вести речь о **множественной социальной идентичности**, которая подразумевает, что индивид может обладать большим перечнем идентичностей.

Когда речь идет о **гражданской идентичности**, то отправным моментом для ее анализа является теоретическое осмысление такого понятия как «нация». Исследователи выделяют два основополагающих подхода к пониманию нации. Первый из них - этатистский - трактует нацию как отношение, под которым понимается гражданство, основанное на коллективном суверенитете и общем политическом участии. Второй подход к пониманию нации восходит к этничности, которая включает в себя язык, историю и культуру.⁷⁶ Таким образом, этатистская модель нации оперирует понятиями нация-государство, гражданская нация, в этом смысле нация образуется на основе существующего государства. Таким образом, ей противостоит концепция этнонации, которая исходит из того, что государства и нации родились из этнического сообщества. Понимание нации в русле гражданского подхода на практике редко достижимо. Его носителями и трансляторами, как правило, становятся политические элиты и этническое большинство. Меньшинства же придерживаются этнической трактовки нации, особенно в те моменты, когда стоит угроза утраты культурных символов и существованию.

⁷⁵ Шматко Н.А. Социальная идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе. Методология и методика измерения социальной идентичности. М., 1992. С. 9.

⁷⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 111.

Такая двойкая трактовка понятия нации основана на разграничении западного и восточного типов. К типу нации-государства исследователи относят страны Запада, в частности Великобританию, Францию, Нидерланды, Швейцарию и США. В странах Центральной, Восточной Европы и Азии национализм возник в рамках таких образований, границы которых редко совпадали с культурными или этническими. Яркими историческими примерами таковых являются Российская, Австро-Венгерская, Османская империи. В рамках данной модели основанием национальной консолидации служит не понятие гражданства, а идея народа.

Э. Смит, рассматривая понятие гражданской или западной модели национальной идентичности, в качестве составляющих ее элементов выделяет такие: исторически общая территория, законы и институты, равенство граждан в системе прав и обязанностей, общность гражданской культуры и идеологии. Этническая или восточная модель национальной идентичности определяется Э. Смитом следующими основными компонентами: происхождение, понимаемое как принадлежность своему клану, национальная культура, язык и обычаи⁷⁷.

Дальнейшее развитие анализа национальной идентичности связано с развитием теоретических подходов к типологии и поиску ее критериев, а также продвижением идеи о многоплановости национальных идентичностей, в связи с чем Э. Смит развивает тезис о том, что для современных государств и наций в структуре национальной идентичности присуще наличие как этнического, так и гражданского компонентов⁷⁸. Такой интегративный подход дает возможность анализировать изменение соотношения этнического и гражданского национализма.

⁷⁷ Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили, И. Окуновой. — М.: Праксис, 2004. С.12.

⁷⁸ Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили, И. Окуновой. — М.: Праксис, 2004. С. 103.

Применительно к России В. Тишков предложил понятие многонародной нации вместо понятия многонационального народа. В данное определение российский ученый вкладывает гражданское понимание нации, когда представители различных этносов, например, чуваша, русские, евреи, татары, якуты являются частью многонародной российской нации. Важным фактором в пользу данной трактовки нации является поликультурность российской действительности. По мнению Тишкова, именно такое понимание нации позволяет избежать радикального этнического национализма.

Л. Дробижева в своих исследованиях отмечает, что не смотря на интенсивные процессы формирования российской идентичности, этническая является более значимой. В разных регионах страны на себя обращает внимание и отличающаяся значимость российской и локальной идентичности. При этом смысловое содержание российской идентичности в каких-то аспектах совпадает, а в каких-то не совпадает с этнической. Этническая идентичность в сознании российских граждан основывается на культуре, родном языке, историческом прошлом, происхождении родителей; российская же – на месте страны в геополитическом пространстве, на представлениях о ресурсах страны, осознании достижений в культуре, науке, спорте и других областях. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности⁷⁹.

Как и Смит, Дробижева отмечает, что "когнитивное наполнение той и другой идентичности не исключает, а способно дополнять друг друга. Это дает нам основание говорить о совместимости этих идентичностей. Но эта совместимость возможна при определенных условиях. Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность

⁷⁹ Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник /Отв. Ред. М.К. Горшков. - Вып.7. - М.: Институт социологии РАН, 2008.С. 216.

не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно поэтому, чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также и их интересам и ценностям. Формирование гражданского сознания, солидаризации с ценностью человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору могло бы как раз стать цементирующим государственную и этническую идентичность, делающим государственную идентичность привлекательной для всего населения страны."⁸⁰

Однако как показывают социологические исследования, в современной России существуют значительные проблемы с гражданской идентичностью поскольку российских граждан мало что объединяет: отсутствует общая идеология, общие цели и интересы, но, не смотря на это надежда на возможность формирования новой российской идентичности, существует. В настоящее время жители нашего государства находятся на промежуточном этапе между распадающейся советской идентичностью и еще не сформировавшейся окончательно национально-государственной идентичностью.⁸¹

Если говорить о социологических аспектах измерения и понимания гражданской идентичности, то очевидно, что последняя представляет собой социальную связь между гражданином и государством, включающую в себя лояльность и ответственность за судьбу страны. Государственная идентичность описывается такими элементами, как понимание исторической общности территории, законов и институтов, общность гражданства; политическое равенство граждан, выраженное в действующих правах и обязанностях, наличие у людей сознания равенства перед законом, приверженность определенной

⁸⁰ Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН. 2006. С.29.

⁸¹ Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17, 2007. С. 33.

идеологии; доверие политическим институтам и равенство политических прав; общность гражданской культуры, желание и согласие быть частью государства⁸². В состав гражданской идентичности включены представления гражданина о государстве, готовность выполнять связанные с наличием гражданства обязанности и осознанное активное участие в общественной и политической жизни государства⁸³. Будучи одной из разновидностей коллективных идентичностей, общероссийская идентичность содержит такой регулятивный компонент, как ответственность за судьбу страны, что более всего отличает гражданскую идентичность от страновой⁸⁴. Такие исследователи, как Миллер А., Тишков В.А. отмечают, что гражданская идентичность есть общность “по отношению к государству”, “лояльность государству”, “признание государства своим”⁸⁵. Однако, как отмечает Дробижева Л.М., не следует сводить гражданскую идентичность к лояльности власти не смотря на то, что “она легитимирует деятельность национальных элит и создает необходимые предпосылки существования национального государства”⁸⁶.

В данной работе мы понимаем под гражданской идентичностью отождествление себя с гражданами страны и государственно-территориальным пространством, что предполагает наличие определенных представлений о государстве и стране, образа Мы, чувства общности, солидарности, ответственности за происходящее в стране.

⁸² Санина А.Г. Государственная идентичность издержки виртуализации // Социологические исследования. 2012. №3. С. 77

⁸³ Шикова Р.Ю. Идентичность молодежи России в условиях социокультурной трансформации. URL: http://www.vestnik.adynet.ru/files/2010.2/945/shikova2010_2.pdf (дата обращения: 09.09.2015).

⁸⁴ Дробижева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 27.

⁸⁵ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 64, 66–67, 105–106.

⁸⁶ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 110.

Следующим видом социальной идентичности является **региональная идентичность**. Региональная идентичность представляет собой совокупность чувств и отношений, связанных с таким понятием, как «малая родина». Это понятие сочетает в себе аспекты географического пространства и местного патриотизма⁸⁷. Таким образом, региональную идентичность можно понимать как некую солидарность с земляками, что выражается в причислении себя к жителям определенной местности, района или города. Подобная духовная связь человека с конкретной территорией является одним из показателей развития культуры социума в целом, поскольку региональная идентичность – это воля к жизни и развитию на данной территории, способность к социокультурной, гражданской и экономической активности.

В качестве основных свойств региональной идентичности можно выделить референтность, гетерогенность и динамичность. Свойство референтности подразумевает наличие чувства инаковости, так как именно во взаимодействии с другими общность приобретает свои признаки. Это свойство выражается и при смене идентичности, потому что становление новой идентичности всегда опирается на прежнюю, которая отрицается. Референтность региональной идентичности проявляется через факторы ее актуализации. Например, наличие географических границ позволяет четко дифференцировать и отделять Чужих от Своих, что усиливает региональную идентичность. Более того, наличие границ может способствовать не только росту регионального сепаратизма⁸⁸.

Говоря о гетерогенности, необходимо остановиться на ее двух характеристиках. Первая связана с тем, что в любом социуме существуют определенные нормы и эталоны. Значительные отклонения от этих норм и

⁸⁷ Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования, 2005. № 3. С.13.

⁸⁸ Пеньковцев Р.В., Шибанова Н.А. Компаративный анализ феномена «региональной идентичности» (Россия - ЕС - США) // Ученые записки Казанского государственного университета, Том 149, кн. 3 Гуманитарные науки 2007. С. 175 – 190.

эталонов приводят к тому, что далеко не все члены группы воспринимаются в качестве Своих, в результате чего социум раскалывается на Своих и аут-группу, то есть Чужих. Вторая характеристика гетерогенности связана с тем, что в социуме может одновременно функционировать множество норм и эталонов. В связи с этим для региональной идентичности возможно наличие нескольких референтных групп. "Региональным Своим противопоставляются Чужие не только по критерию локализации, т. е. представители других регионов, но и внешние Чужие. Чужими выступают представители центральной власти, именно с Центром поддерживаются тесные контакты, на него ориентируются, с ним сравнивают, с ним же может идти явная или скрытая борьба за распределение власти и ресурсов. Обострение отношений центр-провинция характерно и для областей, и для республик РФ. Поэтому к особенностям региональной идентичности можно отнести то, что происходит сравнение Своих с внешним эталоном, который не всегда позитивно оценивается"⁸⁹.

Содержание конструкта региональной идентичности, основания для включения или исключения находятся в зависимости от исторических и социальных условий, а также целей акторов, занимающихся ее конструированием. Региональную идентичность следует понимать скорее не как застывшие неизменяемые пространства с четко очерченными границами, а как изменчивое и динамичное явление⁹⁰, потому что, например, переезд индивида из одного региона в другой на постоянное место жительства создает условие для смены региональной идентичности. Более того история знает примеры, когда в результате реализации политико-управленческих решений проводились новые границы и даже объединялись два и более регионов, что влекло за собой направление усилий и материальных ресурсов на формирование новой региональной идентичности. Но несмотря на такую изменчивость, региональная

⁸⁹ Пеньковцев Р.В., Шибанова Н.А. Компаративный анализ феномена «региональной идентичности» (Россия - ЕС - США) // Ученые записки Казанского государственного университета, Том 149, кн. 3 Гуманитарные науки 2007. С. 175 – 190

⁹⁰ Castells M. The Power of Identity. Economy, Society and Culture. – Oxford: Blackwell Publishers, 1997. P. 59.

идентичность проявляет свою устойчивость, например, в институте «землячества», поэтому нами региональная идентичность рассматривается как постоянный процесс, степень актуализации которого может сильно варьироваться ввиду его динамичности и контекстуальности. Важнейшей динамической составляющей региональной идентичности является общность интересов, благодаря которой создаются, объединяются и отделяются регионы.

Как мы уже отмечали, нормы и ценности могут иметь отличия не только в рамках отношений Свои-Чужие, но и внутри одного региона. В связи с этим очень важной нормой отношения с Чужими внутри региона, способствующей сохранению стабильности общности, является толерантность. Наличие же отношений с внешними Чужими, например, другими государствами, регионами, федеральным центром, способствует формированию адекватной самооценки и позиционирования региона. Решающее влияние на взаимоотношения между региональными Своими и Чужими и внешними Чужими оказывают элиты. Таким образом, элиты выступают транслятором и защитником интересов региона⁹¹.

Определяющее значение в региональной идентичности играет ее пространственно-временной элемент. "В каждом регионе бережно хранится память об общем историческом прошлом, подчеркивается его уникальность, древность, отличительность от соседних. В случае отсутствия древней истории, ввиду ее большого социального капитала, она может быть создана заново". При этом общность происхождения тоже может конструироваться. В пространственный образ региона может включаться сравнение со Значимым Чужим или видение особого вклада своего региона в экономические, политические, социальные, культурные, спортивные и другие успехи страны, что отражается в подобных формулировках: "Москва - Третий Рим", "Санкт-

⁹¹ Пеньковцев Р.В., Шибанова Н.А. Компаративный анализ феномена «региональной идентичности» (Россия - ЕС - США) // Ученые записки Казанского государственного университета, Том 149, кн. 3 Гуманитарные науки 2007. С. 175 – 190.

Петербург - культурная столица", "Ухта - родина российской нефти". Особенно идея границ важна для региональной идентичности в пограничных регионах.

"В целом символическое позиционирование региона предполагает наличие идей, реализация которых позволяет региону выделиться из десятков других, мобилизует население и элиту. Объективно особое положение региона упрощает процесс формирования идентичности. В этом случае региональная элита лишь институционализует, а не создает заново «уникальность» региона⁹²".

Мнения исследователей о состоянии и развитии региональной идентичности в нашей стране разделились на два лагеря: одни считают, что региональная идентичность у жителей нашей страны отсутствует; другие - что она есть, но слабо выражена в силу исторических условий. Эту позицию подтверждает тот факт, что в России отсутствует феномен исторических провинций, присущий многим европейским государствам, для которых характерны компактность, определенность границ, ярко выраженное самосознание⁹³. Помимо этого, на "неразвитость" региональной идентичности в России влияет тот факт, что регионы образованы на различных основаниях: области как административно-территориальные образования, а республики как государственные образования определенных этносов. Однако в последнее время исследователи фиксируют неуклонный и быстрый рост региональной идентичности в России. По мнению О.И. Шкаратана, эта региональная идентичность начала складываться в России только в конце XX столетия на основе качественно новых городских локальных субкультур⁹⁴. Также исследователи отмечают, что региональная идентичность наиболее актуализирована в тех регионах, где достигнуто оптимальное соотношение между традицией и современностью, что характеризует идентичность как показатель

⁹² Пеньковцев Р.В., Шибанова Н.А. Компаративный анализ феномена «региональной идентичности» (Россия - ЕС - США) // Ученые записки Казанского государственного университета, Том 149, кн. 3 Гуманитарные науки 2007. С. 175 – 190.

⁹³ Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? – М.: Гендальф, 1999. – С. 87–89.

⁹⁴ Шкаратан О.Н. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. – 2002. – № 3. – С. 44–61.

региональной успешности⁹⁵. Таким образом, можно сказать, что региональная идентичность - это осознание особенностей положения региона среди субъектов Российской Федерации.

Что касается **этнической идентичности**, то в современной социологии применительно к его пониманию сложилось несколько концептуальных направлений. Одно из них – примордиализм, который разделяется на два направления: социобиологический и эволюционно-исторический. В целом теоретики примордиализма рассматривают этническую идентичность как некую объективную данность, изначально присущее свойство индивиду. В социобиологической интерпретации этносы основаны на биологической связи индивидов, кровно-родственных связях. В эволюционно-историческом ключе упор делается на культурных и социальных характеристиках этнического. Положение примордиализма о том, что этническая идентичность как бы встроена в жизнь человека и не может определяться классовыми или политическими факторами, распространяться путем социальной мобильности, является наиболее оспариваемым со стороны последователей других традиций. Примордиалисты рассматривают этничность как базовый элемент идентичности, который нельзя изменить и который является неотъемлемой частью личности, встраиваемый в него через такие институты, как культура, язык, религия, традиции. Этническая идентичность, согласно, примордиалистской трактовке не зависит от субъективных ощущений индивида, она дается раз и навсегда при рождении, и не может быть изменена по желанию. С одной стороны, примордиалистское толкование дает возможность изучать этническую идентичность как систему, с другой стороны, она не может объяснять те факты, обнаруженные современной социологией, когда в течение жизни индивиды меняли свою этническую идентичности в зависимости от сложившихся внешних условий.

⁹⁵ Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 20.

Инструменталистский подход трактует этническую идентичность как некое средство достижения групповых целей и интересов. Наиболее яркой, отличительной идеей инструментализма является представление о том, что этническая идентичность есть инструмент в руках этнических элит, который пользуются им в борьбе за свои властные позиции. В этом русле этническая идентичность представляется также как и эффективное средство преодоления социального отчуждения. Концепция мобилизованной этнической идентичности также зиждется на представлении о предпринимательском характере деятельности этнических элит. По мнению В.А. Тишкова, подход к этнической идентичности как к символическому и реальному капиталу позволил сделать целый ряд крайне важных выводов и наблюдений, особенно в сфере экономических и социальных отношений, а также в сфере политики, языковых и межэтнических контактов.⁹⁶ Но в то же время крайним проявлением инструментализма является оторванность от закономерностей развития этноса во времени.

Основными теоретиками конструктивистского направления являются Б. Андерсон, П. Бурдьё, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум. Согласно конструктивистскому подходу, этнические группы предстают не как реально существующие, а как воображаемые сообщества. Этнос является контролируемой со стороны интеллектуальной элиты общностью. Этническая идентичность в связи с данным подходом предстает как интеллектуальный конструкт, навязываемый определенной группе людей. В русле конструктивизма широкое признание получил подход Бергера и Лукмана в связи с тем, что задает широкие рамки социального конструирования, учитывая как групповой, так и индивидуальный аспект этого явления. Этничность здесь выступает как продукт специфического коллективного сознания, конструирующего этнические границы и иные маркеры.

⁹⁶ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., Наука, 2003. С. 104.

В современной отечественной социологии "при изучении этнической идентичности делается акцент на тех изменениях, которые происходят в ней в эпоху коренных социальных преобразований"⁹⁷.

Одним из направлений анализа этнической идентичности является теория аккультурации и культурного конфликта. Согласно данной теории, этническая идентичность актуализируется только в условиях, когда две или более этнических групп контактируют друг с другом в течение определенного времени. В рамках данного подхода этническая идентичность невозможна для моноэтнического общества. Этническая идентичность понимается как один из аспектов аккультурации, в котором взаимодействие индивида со своей этнической группой приобретает особый акцент⁹⁸.

Данное исследовательское направление предлагает модель двух измерений этнической идентичности: линейное (биполярное) и двумерное. В линейном измерении этническая идентичность представлена двумя типами: первый характеризуется высокой степенью идентификации со своей этнической группой и может быть как позитивной, так и негативной; второй основан на идентификации с посторонней этнической группой и носит название измененной или ложной идентичности. Двумерная модель аккультурации рассматривает "отношения с традиционной или этнической культурой и отношения с новой или доминирующей культурой"⁹⁹, в результате чего выделяются два возможных типа этнической идентичности: биэтническая идентичность, характеризующаяся высокой степенью идентификации с двумя группами, и маргинальная этническая

⁹⁷Дробижева Л.М. Российская идентичность в массовом сознании // URL: valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc (дата обращения: 25.11.2011)

⁹⁸ Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С.65.

⁹⁹ Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 78.

идентичность¹⁰⁰. Таким образом, теория аккультурации и культурного конфликта позволяет выделить четыре типа этнической идентичности через призму межкультурных контактов.

Дробижева Л. М. в проекте “Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации” предприняла попытку измерить социальную дистанцию между представителями титульных и русской национальностей в республиках Тува, Саха, Якутия и Осетия по трем сферам социального взаимодействия: профессиональная деятельность, идеологические ориентации, представления о нормативных ценностях¹⁰¹.

Дробижева определяет дистанцированность групп через значимость групповых ценностей. По ее мнению, для русских в большей степени, чем для представителей титульных национальностей, присуща приверженность ценностям гражданского общества, нежели установка на развитие собственного языка и культуры. Русские демонстрируют свою устремленность в будущее, в то время как титульные народы подчеркивают связь со своим прошлым¹⁰². Таким образом, четко прослеживается обращенность представителей титульных национальностей к своему прошлому и традициям, что обусловлено стремлением избежать утраты характерных черт, присущих их этническим группам. Данный вывод Дробижевой указывает на ситуативность этнических границ, когда в определенных сферах они могут быть выражены ярко, а в других – нет.

Тишков В. А. также говорит о ситуативности, подвижности этнических границ, объясняя существование этнической общности через наличие определенных отношений, а не как наличие совокупности объективных

¹⁰⁰ Стефаненко Т.Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности // <http://flogiston.ru/articles/social/ethnic>

¹⁰¹ Амелин В.В. , Бравин А.Д. , Валиахметов Р.М., Виноградова Э.М. , Габдрафиков И.М. , Иваев Г.А. , Козлов В.Е. , Коротеева В.В. , Кузнецов И.М., Кузьмина Р.А. , Мусина Р.Н. , Остапенко Л.В. , Переведенцев А.В., Рыжова С.В., Сагитова Л.В., Снежкова И.А. , Солдатова Г.У. , Спиридонова И.Г. , Титова Т.А., Дробижева Л.М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность./ Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева.— М.: Academia, 2002. —480 с.

¹⁰² Там же. С. 338.

признаков¹⁰³. Таким образом, суть этнических границ заключается в отношении между людьми. Именно во взаимоотношениях этнические границы находят свое реальное выражение.

Как отмечает Ф. Барт, членство в этнической группе определяется людьми¹⁰⁴. Но "открытым остается вопрос о значении этого членства для них, о том, кто определяет основные правила этого членства. В. А. Тишков, говоря о роли простых людей в конструировании границ, отмечает, что она есть момент согласия лишь социально активного населения, участвующего в этническом дискурсе. В этом случае речь может идти о лидерах, мобилизирующих этническую группу. Именно они являются социально активным населением, участвующем в этническом дискурсе"¹⁰⁵.

Российские исследователи выделяют шесть основных индикаторов этнической идентичности: солидарность со своей этнической группой, толерантность, эмоциональное переживание этничности, культурные характеристики, интенсивность и характер этномобилизационных процессов. Но при этом следует учитывать, что данные индикаторы также ситуативны и изменчивы, однако позволяют оценить характер межэтнических отношений.

На современном этапе развития нашей страны гражданская и этническая идентичности социально дифференцированы¹⁰⁶. В переходном обществе границы этнические границы становятся наиболее выраженными и обращающими на себя внимание. Европейскими социологами, обратившими внимание на этничность в социальной стратификации, в 1970-е годы было введено понятие «новой

103 Тишков В.А. Конструирование этнической идентичности // <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html#> (Дата обращения: 24.12.2012)

104 Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006.

¹⁰⁵ Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. Олкотт, М. Б., Тишкова, В. А. - М., 1997. С. 34

¹⁰⁶ Арутюнян Ю. В., Дробужева Л. М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 110; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробужева. — М.: Academia, 2002.

этничности». Это понятие связывалось с групповым социально-политическим поведением и выстраиванием группами границ, преследующих цели признания их интересов другими группами¹⁰⁷. В связи с этим обстоятельством представляется важным выявление представлений о неравенстве. "Если социальное неравенство в массовом сознании связывается с этничностью, если люди верят, что их национальная принадлежность влияет на социальное положение, они будут действовать в согласии с этими убеждениями и соответственно относиться к людям той или иной национальности как к социально конкурентным группам"¹⁰⁸.

Появление в социальных науках концепции множественной идентичности связано с развитием нового подхода в науке к исследованию именно этнических групп. Основными терминами обозначения этнической группы становятся не культура, а социальные границы и этническая идентичность. Как отмечает Барт, "неважно, насколько члены группы отличаются своим внешним поведением, – если они утверждают, что принадлежат к категории А в противоположность другой, сходной категории В, они хотят, чтобы их воспринимали как А, а не как В и чтобы их поведение интерпретировалось и оценивалось как поведение А, а не как поведение В; иными словами, они декларируют свою принадлежность культуре этнической группы А"¹⁰⁹. Таким образом, задача исследователя, заключается в выявлении набора характеристик и

¹⁰⁷ Амелин В.В. , Бравин А.Д. , Валиахметов Р.М., Виноградова Э.М. , Габдрафиков И.М. , Иваев Г.А. , Козлов В.Е., Коротеева В.В. , Кузнецов И.М., Кузьмина Р.А. , Мусина Р.Н. , Остапенко Л.В. , Переведенцев А.В., Рыжова С.В., Сагитова Л.В., Снежкова И.А. , Солдатова Г.У. , Спиридонова И.Г. , Титова Т.А., Дробижеева Л.М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность./ Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижеева.— М.: Academia, 2002. С. 5.

¹⁰⁸ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижеева. — М.: Academia, 2002. С. 15.

¹⁰⁹ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. С.17.

черт, которые сами люди воспринимают как значимые и определяют в качестве маркеров принадлежности к той или иной группе¹¹⁰.

Следует отметить, что необходимость в анализе социальной идентичности как множественной модели связана с условием поликультурности современного российского общества. Эта необходимость возникает и при анализе ситуации в Республике Коми, находящейся в условиях смешения различных уровней и видов идентичности, возникших в результате трансформации социальных процессов, в числе которых трансформация идентичности. При этом понятие поликультурности требует отдельного пояснения.

Как отмечает Суконкина, понятие «поликультурность» наряду с понятием «этнокультурный плюрализм» входит в смысловое поле понятия мультикультурализма. Концепция мультикультурализма стала развиваться с 1960–1970-х гг. Ее суть состоит в признании права этнических групп на сохранение и поддержку своей идентичности. Кроме того данная концепция ввела в фокус публичной политики понятия разнообразия, этнической идентичности, толерантности. Теоретики данной концепции У. Кимлика, Ч. Тэйлор, А. Янг полагали, что любое государство обязано обеспечивать благоприятные условия для развития идентификационных процессов, которые дадут человеку возможность обрести уверенность в себе, самоуважение и ощущение социальной необходимости своих действий, то есть государство должно организовать гармоничное совместное проживание социальных групп различной этнокультурной ориентации в рамках политической¹¹¹. «Для большинства исследователей понятие «поликультурность» применимо к описанию как состояния государства, на территории которого существует множество

¹¹⁰ Санина А. Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 5.

¹¹¹ Санина А. Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 8.

этноконфессиональных групп, принадлежащих к различным культурам, так и нормам поведения гражданина правового государства»¹¹².

Матис В. И. определяет поликультурность как «сохранение и интеграцию культурной самобытности личности в условиях многонационального общества, что позволяет формировать толерантные отношения между разными национальностями, воспитывать культуру межнационального общения»¹¹³. Мальковская И. А. вообще не разделяет понятия «поликультурное общество» и «мультикультурное общество», хотя подчеркивает, что «мультикультурное общество» отличается от «поликультурного» тем, что предполагает не столько множественность культур, а многократное повторение, обмен, квотирование, тиражирование культурных различий, то есть мультикультурное общество понимается как итог регулируемого обмена различиями¹¹⁴. А мультикультурализм определяется как "особая форма интегративной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни"¹¹⁵.

В своей работе А.И. Куропятник выделяет три уровня понимания мультикультурализма¹¹⁶. Первый из них он именуется демографическим или дескриптивным. В его основе лежит анализ изменений демографических и этнокультурных параметров национальных обществ, происходящих в силу внутренних и внешних причин. Одним из важнейших является миграция, в результате которой мультикультурализм стал пониматься как политика

¹¹² Суконкина Т. Н. Формирование мультикультурного общества в регионе [Электронный ресурс]. URL: <http://regionsar.ru/node/520>(дата обращения: 25.02.2011)

¹¹³ Цит. по.: Федеральное агентство по образованию Российской Федерации. URL: ifl.uspu.ru/.../kafedra_english/tezis2009.doc (дата обращения: 11.03.2010)

¹¹⁴ Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира // Социол. исслед. 2005. № 12. С. 4.

¹¹⁵ Habermas J. Vergangenheit als Zukunft Das alte Deutschland jrn neuen Europa? Ein Gespraech mit Michael Haller (Hrsg) // Haller M. Zürich. 1991. S. 29.

¹¹⁶ Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ, Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2000.

интеграции мигрантов в принимающее общество. Второй уровень называется идеологический. Он включает в себя осмысление национальных идеологий, культурных коммуникаций, межкультурного взаимопонимание, соответствия и различия ценностей и норм взаимодействующих друг с другом этнических групп. Третий уровень мультикультурализма, который выделяет А.И. Куропятник, - политический. В рамках него мультикультурализм предполагает решение вопросов политического и культурного равенства, а также разработки и реализации мер поддержки и социальной защиты национальных меньшинств на практике. В связи с этим следует оговорить, что региональная поликультурность, выраженная в разнообразии идентичностей, не следует рассматривать через призму мультикультурализма. «Мультикультурализм представляет собой особую форму интегративной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегии национального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни»¹¹⁷.

В современной России в русле реализации национальной политики приняты законы «О национальной культурной автономии», «О коренных малочисленных народах» и Концепция государственной национальной политики. Данные меры, по мнению экспертов, определяют российскую национальную политику как "политику мультикультурализма, которая предполагает концентрацию внимания не на развитии народов, не на рефлексии этих процессов, а на идеологии интеграции полиэтничного общества, стратегии стабильности, политического и культурного равноправия и согласия"¹¹⁸.

¹¹⁷ Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 2. С. 55.

¹¹⁸ Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 2. С. 55.

Таким образом, отметим, что мультикультурализм представляет собой определенную практику, обеспечивающую поддержание социальной стабильности, межэтнической толерантности и согласия, в то время как поликультурность есть некое качество сообщества, проживающего на определенной территории и совмещающего в себе множество идентичностей, связанных с принадлежностью к различным социальным группам.

Кроме гражданской, региональной и этнической идентичностей, которые мы подробно описали, следует сказать о наличии других не менее важных типах идентичности, например, гендерной и профессиональной. Однако более детальное их рассмотрение не входит в задачи данного исследования. Кроме того мы полагаем, что рассматривать, например, профессиональную или гендерную идентичности с региональной или гражданской весьма затруднительно даже на уровне определения.

Исходя из того, что социальная идентичность как множественное образование представляет собой соотнесение индивидом себя с какими-либо социальными группами, его представления об этих группах, а также механизмы самоопределения с ними, в данной работе мы рассмотрим изменение этнической, региональной и гражданской идентичностей в конфигурации множественной идентичности населения Ижемского района Республики Коми.

1.3. Механизмы формирования, социальные практики и символы социальной идентичности

Научная литература, в которой анализируются проблемы социальной идентичности, предлагает большое число описаний **механизмов** ее формирования. Представители когнитивистского направления среди таких механизмов выделяют категоризацию, деперсонализацию и социальное сравнение.

Например, Теджфел полагал, что категоризация стимулов в ходе социальной перцепции создает эффекты, из-за которых похожесть стимулов в одной категории и разность в разных категориях усиливаются и взаимосвязаны с категоризацией. Этот результат может усиливаться по мере возрастания значимости для индивида области социальной перцепции, в которой происходит категоризация. В итоге социальной категоризации люди воспринимаются не как носители уникальных индивидуальных характеристик, а на основе групповых признаков. Таким образом, восприятие и самовосприятие индивида обезличиваются, деперсонализируются, и находят свои основания в прототипах ин- и аут-групп, которые выстраиваются по принципу контраста.

Важнейшим процессом, находящимся в основании групповых феноменов, является деперсонализация¹¹⁹. Данное понятие подразумевает явление, при котором некая группа людей воспринимает и описывает себя не как отдельных индивидов, а как взаимодействующих членов единой социальной группы. Одним словом, деперсонализация рождает у членов группы чувство сходства по признакам, которые являются значимыми для этой группы и дает возможность воспринимать себя как «мы». Этот механизм также позволяет более четко определить различия между своей и чужой группами. По ходу деперсонализации

¹¹⁹ Turner J. Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behaviour // *Advances in group processes*. L., 1985.

выстраивается определенный «образ Я», который включает в себя характеристики, приписываемые ин-группе, и отбрасывает качества, типичные для членов аут-группы, то есть включается основывается механизм самостереотипизации¹²⁰.

Еще одним важным механизмом становления социальной идентичности является социальное сравнение. Теджфел подчеркивал, что, социальные группы не существуют отдельно, а находятся среди друг друга. Положительные черты социальной идентичности, которые дают чувство удовлетворения и ценности принадлежности именно к данной группе, имеют значение лишь в процессе сравнения с другими социальными группами. Таким образом, социальное сравнение акцентирует свое внимание на различиях между своей группой и чужими группами. По причине же того, что социальная идентичность основывается в некоторой степени на эмоционально-оценочном аспекте, и такая оценка выстраивается на сравнении характерных черт своей собственной группы с другими группами, то суть о оценочного процесса внутри группы состоит в самоподтверждении, которое подразумевает, что сравнение не обязательно должно быть точным. Главная задача сравнения состоит, в том, чтобы найти различия, говорящие в пользу именно своей группы. Если задача выполняется успешно, то происходит межгрупповая дифференциация, которая поддерживается стремлением к положительной самооценке.

Амиот К. Е., Саблонье Р., Терри Д.Дж., Смит Дж.Р. предприняли попытку обобщения механизмов формирования социальной идентичности в определенную модель. Эта модель подразумевает, что в ходе своего взросления и развития индивид все больше осознает наличие множественных идентичностей и интегрирует их в Я-концепцию. Первая стадия называется стадией предварительной категоризации. Она подготавливает и дает старт процессу

¹²⁰ Turner J. Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behaviour // *Advances in group processes*. L., 1985.

интеграции идентичности. Эта подготовка начинается до того, как в жизни личности происходят серьезные изменения, требующие переосмысления идентичности, или человек погружается в ситуацию взаимодействия с новой социальной группой. На этой стадии человек проецирует свои качества и отличительные характеристики на новые ин-группы, то есть происходит так называемый процесс самоприсоединения, что придает новому групповому членству определенный смысл и, как результат, дает чувство единства с новой группой.

О последующей стадии категоризации можно говорить тогда, когда члены группы сталкиваются с некими изменениями в жизни и вынуждены существовать внутри новой социальной группы. На данной стадии возникает проблема внутригрупповой отличительности. Динамика внутри групп усиливается по мере конкретизации и усиления различий между группами. Находясь на данной стадии, индивид не идентифицируется с несколькими социальными группами, поскольку элементы «Я» воспринимаются не как целостная совокупность, а по отдельности. При этом личность воспринимает те элементы «Я», которые встраиваются в изначальную группу "своих". Одним словом, отдельные типы социальной идентичности будут превалировать над целостным чувством «Я»¹²¹.

Третья стадия формирования социальной идентичности характеризуется как обособление, когда индивид начинает понимать, что является членом различных социальных групп, тем самым осознавая множественность старых и новых социальных идентичностей. Это понимание и осознание происходят в силу возрастания контактов с членами других групп и одновременной актуализацией различных типов социальной идентичности. Такие процессы взаимодействия влекут за собой появление когнитивных связей между элементами «Я». Но различные типы социальной идентичности находятся в

121 Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 98.

обособленно состоянии, а противоречия между ними не осознаются. Не смотря на то что индивид может считать себя членом разных социальных групп, идентичность все же находится в зависимости от контекста.

Четвертая стадия знаменует собой интеграцию социальной идентичности. Интеграция подразумевает, "что индивид начинает понимать, что множественные и различные социальные идентичности одинаково значимы для его «Я». Для достижения подобной интеграции необходимо сначала осознать, что различные характеристики «Я» могут конфликтовать между собой, и необходимо использовать когнитивные и мотивационные ресурсы для разрешения этих противоречий"¹²².

Когнитивные процессы категоризации, самокатегоризации, деперсонализации и социального сравнения мы можем отнести к основным механизмам формирования социальной идентичности. В реализации этих механизмов на практике задействована эмоциональная сфера, поскольку в основе процессов идентификации лежит стремление к достижению и сохранению положительной самооценки.

Идентичность представляет собой принадлежность индивида к какой-либо социальной группе и признание его членом этой группы окружающими. Ситуацию, при которой индивид абсолютно не получает какой-либо идентификации, практически невозможно представить. То есть идентичность является постоянной характеристикой человека, но актуализация идентичностей того или иного типа зависит от конкретной ситуации и контекста. При этом подавляющее число идентификаций проявляются в условиях повседневного взаимодействия, в связи с чем для анализа проявления идентичности в социальных практиках целесообразно использование концептуальных положений социологии повседневности.

122 Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 102.

Данное направление в современной социологии сосредотачивает свое внимание на изучении рутинных практик и так называемых неререфлексируемых действий. Данная теория рассматривает все действия индивида как результат длительной привычки. Понятие практики как одного из центральных концептов социологии повседневности является двойственным, что проявляется в разграничении терминов практика и практики. Первый термин используется для обозначения всех действий человека, то есть обобщает в себе человеческую деятельность в целом. Второй термин обозначает поведение человека в рутине повседневности, что включает в себя такие составляющие, как умение определять вещь и пользоваться ею, понимание окружения, мотивация, мыслительная деятельность, эмоциональные состояния.

В социологии повседневности практика определяется и как фоновое знание, и как конкретная деятельность, объединяющая в себе слова и действия, и как способ интерпретации через неявные правила и коллективные нормы, по которым сообщество устанавливает «значимые факты», критерии истинности.

В целом практики представляют собой определенный способ поведения, который, с одной стороны, выступая канвой эмпирического исследования, открывает новые способы видения и анализа социальных явлений, способствуя, таким образом, эвристическому потенциалу науки, а с другой стороны, внедряет культурные образцы самопостижения индивида, часто расходящиеся с традиционными, что открывает новые возможности, прежде всего, для самопонимания. Но самое главное, что практики являются важным элементом формирования социальной идентичности. Это один из элементов повседневности, формирующий жизненный мир индивида и общности¹²³.

В ситуации социальной трансформации изменениям подвергаются и фоновые знания, и конкретная деятельность, и неявные правила, и коллективные нормы людей, что позволяет нам подзауевать под социальными практиками

¹²³ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2008. С.23.

повседневные практические действия с использованием артефактов и алгоритмов, направленные на достижение желаемого результата.

В своей работе «Бытие и время» М. Хайдеггер описывает такую черту практик, как их раскрывающая способность. Сущность этой черты состоит в том, что она способствует конструированию и воспроизводству идентичности, включая в себя основные способы или навыки социального существования в контексте конкретного пространства и времени. Совокупность таких навыков, сигнализирующая индивиду информацию о возможных путях социальной реализации, состоит из следующих элементов ¹²⁴: совокупность предметов для выполнения деятельности, согласованные навыки по совершению конкретного дела, идентичность, возникающая в результате деятельности.

М. Хайдеггер в своей работе рассматривает общество как на множество раскрывающих пространств, снабженных определенными инструментами, набором навыков, практическими проектами и идентичностями. Каждая область социальной реальности, будь то семья, досуг или профессиональная деятельность предполагает совокупность повседневных практических действий. Выполняя одни алгоритмы практик, индивид становится учителем, вторые - мужем, третьи - представителем этнической группы. Перечисленные категории подразумевают реализацию индивидом определенной социальной роли и приобретение конкретного социального статуса, и, кроме того, наделение индивида специфической идентичностью учителя, мужа или представителя определенной этнической группы.

Вместе с тем практики напрямую подвержены влиянию со стороны социальной реальности: в частности, зависят от социально-экономических перемен, могут трансформироваться, появляться и исчезать.¹²⁵ Важной особенностью повседневных практик является их фоновый характер, который проявляется в том, что наличие практик в социальной реальности не замечается и

¹²⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem. 1997. С. 54.

¹²⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 56.

не рефлексивно субъектом, что во многом затрудняет изучение данного феномена. Но, по мнению Хайдеггера, все же зафиксировать повседневные практики возможно.¹²⁶ Во-первых, это возможно, когда происходит слом рутины, прежде непроблематизированной. Изменение привычного распорядка напрямую отражается на рутинизированных практиках и рефлексивруется людьми. Во-вторых, практики можно зафиксировать в ситуации, когда рутина полностью прекращает свое существование. В-третьих, выявление практик доступно в ситуации избытка явления, своеобразной его назойливости.

Хайдеггер отмечает, что рутина - это не только отдельные предметы или действия, но и взаимосвязанные операции, нормы, ценности, образцы поведения.¹²⁷ Изменения рутины не могут быть точечными, они трансформируют весь пласт повседневности.

Как мы уже отмечали, в обществе существует множество практик, которые не связаны друг с другом ни логически, ни причинно-следственно. Процесс "хабитуализации" может касаться более, чем двух индивидов, практик, социумов.

Можно сказать, что, в конечном счете, практики, воспроизводящиеся в биографиях, кристаллизуются, или, иными словами, седиментируются, так формируется некий общий опыт, уже изначально рационализированный в биографии, формирующий в итоге горизонтальные связи социальной группы. В работе "Социология: Биографический подход" Бергер П.Л. и Бергер Б. пишут: "Наша биография - это в значительной степени история нашего опыта общества. ... когда мы перестаем размышлять о нашей сегодняшней текущей биографии, большинство наших воспоминаний обращается на других людей - индивидов ли или групп, или тех, с кем мы сталкиваемся в институтах. Наши биографии социальны. ... наше знание общества приобретает биографически: мы растаем в устойчиво распространенный круг социальных и институциональных отношений. Если мы представим себе общий

¹²⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 73.

¹²⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 75.

институциональный порядок в виде карты, то можем рассматривать нашу биографию как траекторию, вычерченную на ней. Одна и та же биография может быть разделена на серию специфических карьер внутри того или иного институционального сектора."¹²⁸

Опыт, описываемый, с другой стороны, представителями символического интеракционизма, может включать в себя практики, которые неприемлемы для представителя данной социальной группы. Эта исследовательская методология исходила из того, что взаимодействие между людьми представляет собой диалог, в процессе которого люди, осмысливая такие социальные символы, как жесты и язык, наблюдают друг друга, оценивают намерения и реагируют на них¹²⁹. Согласно этому учению, человеческое «я» имеет двойственную структуру: с одной стороны, это субъективное ощущение человеком самого себя, а с другой, обобщенные представления о человеке других. По мере социализации и становления личность принимает на себя те роли, выполнение которых от него ожидает социальное окружение.

Понятие обобщенного другого, которое представляет собой проявление отношения окружения к действиям индивида, является своеобразным путем человека к самому себе, формирует его самость. Несмотря на то, что в обществе индивид взаимодействует с множеством обобщенных других, существует определенная референтная группа, оценка которой является наиболее важной для человека – это так называемый значимый другой. Однако часто бывает так, что обобщенный другой и значимый другой противоречат друг другу, поэтому индивид встает перед выбором, принимая одни ценности и отвергая другие, таким образом, идентифицируя себя с той или иной социальной группой.

В процессе институционализации, если вновь обратиться к работе Т. Бергера и П. Лукмана, большинство практик легитимируются и включаются в так

¹²⁸ Бергер П.Л., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С.309.

¹²⁹ Mead G.H. Mind, self, and society from the standpoint of a social behaviorist. Chicago, 1934.

называемый символический универсум. Эта четвертая стадия легитимации является уже уделом профессионалов. Можно сказать, что наиболее действенной с позиции интеграционной эффективности является национально-государственная идеология, формирующая воображаемые сообщества. Как в свое время отметил Б. Андерсон, существенную роль в этом процессе играют паломничества бюрократов, создающих единое культурное и географическое пространство. При этом успех или неуспех формирования такого большого сообщества как нация целиком зависит от наличия соответствующего образовательного центра. При этом, одна из социальных групп распространяет присущие ей практики на все общество в целом. Так образовательный институт проецирует на все общество язык данной группы как литературный язык, историю как общую историю. Таким образом, в едином национальном пространстве создается своего рода иерархия идентичностей, связанная с тем, что социальные, этнические группы не имеют такого же доступа к инструментам легитимации как титульные группы.¹³⁰ Вполне понятно, что опыт, отражаемый в индивидуальной биографии, является как бы началом процесса институционализации и, соответственно, формирования идентичности.

Социальная реальность представлена не только категорией социальных практик, но и другими составляющими, среди которых, в рамках нашего исследования, следует выделить символы. В современной научной литературе отмечается постоянный рост мифологических, теологических, дисциплинарных, художественных, технических, повседневных, культурно-исторических, философских интерпретаций на темы, связанные с существованием и использованием символов в различных контекстах.

В социально-гуманитарных науках единого общепризнанного определения понятия символа не существует. В самом общем виде под символом следует понимать материальный или идеациональный культурный объект, выступающий в коммуникативном или трансляционном процессе как знак,

¹³⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества М., 2001 С. 146 – 150.

значение которого является конвенциональным аналогом значения иного объекта
131 .

Основатель науки о символах - семиотики- Ч.С. Пирс выделил фазы ступени процесса генерирования значения, то есть семиозиса. В своем анализе Пирс исходит из того, что в основе классификации знаков лежит критерии увеличения знаковости от наименее условных значений (знаки-индексы) до максимально конструируемых значений (знаки-символы). Исследователь отмечает, что между основными классами знаков существуют двойственные и преходящие отношения: «Символ не может указывать на какую-либо конкретную вещь – он денотирует некий тип вещей».¹³² Выделив три типа знаков, Пирс для каждого из них определил временные горизонты: знакам-индексам соответствует настоящее, знакам-иконам – прошлое, знакам-символам – будущее. Такая традиция различения элементов символического поля нашла свое продолжение в работах А. Шюца, который подчеркивал разнопорядковость понятий «знак» и «символ».¹³³

Однако существует и противоположная теоретическая традиция, не подразумевающая различие понятий «символа» и «знака». Одним из примеров данной традиции является концепция П. Бергера и Т. Лукмана. С их точки зрения символ можно представить как некий репрезентант в социокультурном пространстве объектов данной социальной реальности, который находит выражение в умозрительных конструктах и физических объектах.

Символ является результатом человеческой деятельности и объективации человеческой субъективной интенции.¹³⁴ Реальность повседневной жизни переполнена объективациями различного рода: индивид постоянно окружен

¹³¹ Философский словарь. URL: http://mirslouvrei.com/content_fil/simvol-ot-grech-znak-primeta-15867.html, дата обращения: 09.05.2012.

¹³² Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб., 2000. С. 92.

¹³³ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 457 - 459.

¹³⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум. 1995. С. 86.

объектами, отражающими субъективные намерения его партнеров по взаимодействию. От того, насколько адекватно индивид сумеет «прочитать» объективации, зависит успех его интеракций.

Бергер и Лукман отмечают такую функцию символов, как выражение намерений, интенций индивида или социальной группы, через которые реализуется идентичность. Символы отражают не только намерения индивида или группы, но и текущее состояние социальной реальности, через них передается социальный запас знаний, актуальный для конкретной общности в определенный исторический момент. В пространстве символов определенной социальной общности скапливается информация не только о текущей реальности, но и о прежних ее состояниях. Символическое пространство достаточно чувствительно к социально-культурным изменениям, происходящим в обществе. Одним из первых на это обратил внимание еще Г. Блумер, поставив вопрос о взаимообусловленности знаковых и социальных трансформаций.¹³⁵ Когда знакомые символы прекращают свое существование в среде, что является сигналом социальных изменений, усугубляется кризис социальной идентичности.

Феномен кризиса идентичности широко изучается в социальных науках. Существуют различные взгляды на причины его возникновения. Так, В. Хёсле отмечает, что кризису коллективной идентичности могут способствовать такие факторы, как распад коллективной памяти; расхождение между описательным и нормативным образом себя как группы; прерывность исторического процесса социальными и природными катаклизмами. Однако одна из важнейших детерминант кризиса – изменение символов социокультурного пространства общности.¹³⁶

Таким образом, говоря о социальной идентичности как динамичном и постоянно изменяющемся образовании, следует иметь в виду, что определенные социальные практики и символы играют двойную роль. С одной стороны,

¹³⁵ Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley: University of California Press. 1969. P.12.

¹³⁶ Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 115.

объективные различия служат основанием социальной идентичности в той мере, в какой они отражаются в социальных практиках и символах, с другой стороны, их можно рассматривать как каналы формирования идентичности. Рассмотрев основные подходы к анализу социальной идентичности, определив ее как множественный конструкт и проанализировав его гражданскую, региональную и этническую составляющие, а также выявив роль и значение механизмов, социальных практик и символов в процессах социальной идентификации, мы можем определить социальную идентичность как, с одной стороны, характеристику индивида или социальной группы, связанную с определением места и значения этого индивида или группы в социуме, обусловленную социальной структурой и некими объективными характеристиками, с другой стороны, как конструируемый объект под влиянием представлений индивида об этой объективной реальности.

Глава 2. Факторы формирования, динамика и сценарии трансформации социальной идентичности в Республике Коми

2.1. Факторы формирования и динамика региональной, национальной и этнической идентичности населения в Республике Коми

Когда идет речь об исследовании процессов трансформации социальной идентичности на территории какой-либо страны, региона или более локального образования, всегда встает вопрос об исторических, культурных, экономических факторах и других условиях развития самоопределения населения с этой территорией.

Как отмечают исследователи, «объективными» факторами, усиливающими или ослабляющими идентичность являются культурно-исторические предпосылки, укорененность населения, географическая границы, стабильность административно-территориального деления, политический и экономический факторы¹³⁷. В связи с этим представляется необходимым анализ факторов формирования социальной идентичности населения в Республике Коми.

Культурно-исторические предпосылки. Под культурно-историческими предпосылками понимается многовековой опыт развития в качестве культурно-политического образования, своя особая история. Здесь в качестве примера можно привести города, являвшиеся столицами средневековых русских государств: Новгород, Смоленск, Псков. Ярким культурным центром страны является Санкт-Петербург. Столица Татарстана Казань прочно закрепила за собой бренд третьей столицы, а Нижний Новгород – столицы Поволжья. Если вести речь о Республике Коми, то ее столица Сыктывкар мало знакома жителям

¹³⁷ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С.93-98; Паин Э.А. Динамика национального самосознания россиян // Этнопанорама, №1. 2002. С. 10 – 18.

страны, хотя могла бы претендовать на звание столицы финно-угорского мира, но больше шансов в этом плане имеет столица Мордовии – Саранск в связи с поддержкой федеральных властей, по крайней мере, штаб-квартира Ассоциации финно-угорских народов России располагается именно там. Пожалуй, из всех городов Республики Коми наибольшей известностью пользуется Воркута, но и эта известность никак не привязана к республике. Слабость культурно-исторических предпосылок в позиционировании территории перетекает и в политическую плоскость. Не смотря на то, что формальное лидерство Коми было оформлено в апреле 2006 года поручением Президента РФ о разработке мер по приданию финно-угорскому культурному центру в Сыктывкаре статуса федерального государственного учреждения, отставание от родственных республик все больше усиливается.

Снижение уровня влияния Республики Коми связано с наличием серьезных разногласий в региональном финно-угорском сообществе. Особенно остро данные разногласия проявились в плоскости самоопределения этнической группы ижемцев, пытающейся получить статус коренного народа.

Республика Коми является одним из трех регионов России, где Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока отмечает проявление форм расовой дискриминации¹³⁸. Положение ижемцев предварительно полагается дискриминационным в силу отказа региональных властей и официального движения «Коми войтыр» признать этническую группу коренным народом и предоставить права по ведению традиционного хозяйствования.

Таким образом, существенной проблемой Республики Коми как культурно-исторического центра является отсутствие стратегии формирования региональной идентичности, неразвитость и неузнаваемость так называемого бренда республики и закрепившийся за ней стереотип промышленно-сырьевого

¹³⁸ Суконкина Т. Н. Формирование мультикультурного общества в регионе [Электронный ресурс] // URL: <http://regionsar.ru/node/520>(дата обращения: 25.02.2011)

региона, что во многом сдерживает процессы региональной консолидации населения.

Укорененность населения. Доля уроженцев также является важным показателем для анализа идентичности населения: чем она ниже, тем меньшей популярностью будет пользоваться идея местного патриотизма. В целом российское население достаточно сильно привязано к месту своего рождения. Почти во всех субъектах Российской Федерации проживает более 60 % жителей, родившихся в них, что характеризует высокую миграционную стабильность россиян. Однако есть специфические регионы, где это положение или усиливается до максимальных (более 90%), или уменьшается до минимальных значений (около 30%), но не является типичным для большинства субъектов страны¹³⁹.

Миграция сыграла значительную роль в формировании населения Республики Коми на протяжении XX столетия, обеспечив семикратное увеличение его численности за этот период. Согласно переписи 1897 года в современных границах Республики Коми насчитывалось примерно 156 - 158 тысяч человек. Представители коренного населения составляли более 90 % от данной численности. События гражданской войны, индустриализация и коллективизация страны способствовали промышленному освоению лесных массивов, месторождений угля, нефти и газа, что усилило приток мигрантов в республику со всей страны. По официальным итогам переписи 1926 года численность населения Коми автономной области составляла 207,3 тысячи человек¹⁴⁰. С начала 1930-х и до середины 1950-х годов миграция носила в основном принудительный характер. В это время на территории республики функционировала сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа. В

¹³⁹ Ходенко С.В. Местные уроженцы в структуре постоянного населения регионов России // Народонаселение. М., 2009, № 3. С. 127.

¹⁴⁰ Сколько нас? (Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Республике Коми): Сборник. Сыктывкар, 2005. С.54.

результате проводимой государством политики регион стал местом ссылки представителей самых разных национальностей. К переписи 1939 года численность населения Коми увеличилась до 319 тысяч человек (без учета заключенных, проходивших перепись в особом порядке). Коренное население по-прежнему составляло подавляющее большинство жителей республики, но их доля в составе населения по сравнению с 1926 годом снизилась до 73 %¹⁴¹. С 1953 года главной формой привлечения рабочей силы на предприятиях угольной, нефтяной и лесозаготовительной промышленности стал централизованный набор рабочих на основе трудовых соглашений, стимулируемый специальными северными льготами. Мощный поток внешней миграции способствовал новому росту численности населения республики. По данным переписи 1959 года, население республики по сравнению с 1939 годом увеличилось в 2,6 раза и составило 815,8 тысячи человек¹⁴². Далее численность населения республики продолжала увеличиваться, достигнув своего максимума к 1990 году - 1264,9 тысячи человек, что определялось темпами развития промышленности¹⁴³. Важно отметить, что коренное население республики не было активно задействовано в процессах промышленного освоения территорий, что закрепляло его на селе и соответственным образом влияло социальное положение.

Политические и социально-экономические преобразования начала 1990-х годов существенно повлияли на течение демографических процессов в России и Республике Коми. Перестройка всего хозяйственного механизма и переход к рыночной экономике способствовали обострению социально-экономических проблем, снижению жизненного уровня большей части населения. После распада Советского Союза, процессы принятия гражданства в бывших его республиках и

¹⁴¹ Сколько нас? (Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Республике Коми): Сборник. Сыктывкар, 2005. С. 61.

¹⁴² Национальный состав населения, гражданство (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Республика Коми. В 5 частях.): Часть 2. Сыктывкар, 2005. С.43.

¹⁴³ Национальный состав населения, гражданство (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Республика Коми. В 5 частях.): Часть 2. Сыктывкар, 2005. С. 49.

политика «бесперспективности» северных территорий вызвали интенсивный отток населения из Коми¹⁴⁴. С 1987 года этот отток стал превышать приток. Среди уезжавших из Республики Коми преобладали жители городов и поселков, расположенных в угледобывающих (города Воркута и Инта), нефтегазодобывающих и некоторых лесозаготовительных районах (Княжпогостский и Удорский районы). Именно в этот период приток мигрантов перестал быть фактором, определяющим демографическое развитие территории республики.

По итогам переписи 2002 года численность постоянного населения Республики Коми составила 1018,7 тысячи человек, что меньше, чем при переписи 1989 года на 19 %, а перепись 2010 года показала еще меньшую цифру – 941 тысяча человек. Наглядно динамику населения можно проследить на графике, представленном в приложении 1.

При этом показатель укорененности населения в регионе по результатам последней переписи населения составил менее 50 %¹⁴⁵. Таким образом, можно предположить, что при столь малом количестве уроженцев на фоне деколонизации территории Республики Коми, в результате которого исчезают промышленные поселки, алые города, села и деревни пропаганда регионального самосознания имеет малые перспективы.

Географическое положение. В качестве еще одного важного фактора развития идентичности можно выделить географический, под которым понимается особое местоположение территории. Географический аспект становится важным для описания специфики, непохожести региона на все остальные субъекты федерации, наполняют регион особенностями, которых нет больше ни в одной другой территории, которой определяется ценность региона

¹⁴⁴ Шабает Ю.П. Этнические трансформации на европейском севере России.- Сыктывкар, 2008. С.25.

¹⁴⁵ Шабает Ю.П. Русский Север: поиск идентичностей и кризис понимания // <http://www.komi.com/pole/archive/pole/24.asp> (Дата обращения: 25.05.2015)

для жителей, страны и мира, в целом¹⁴⁶. Это особенно характерно для анклавных или периферийных территорий. Ярким примером является Калининградская область, в которой уровень укорененности населения довольно низок, но наличествуют географические условия и тесные исторические связи с европейскими странами для формирования чувства уникальности территории. Подобные условия сложились также, на пример, на Камчатке и Сахалине или в отдаленных северных городах, которые слабо связаны с центральной частью страны¹⁴⁷.

Республика Коми, располагаясь на крайнем северо-востоке Европейской части России от Печорской низменности до западных склонов Уральских гор, граничит с Архангельской, Тюменской, Свердловской областями, Ненецким, Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами. Таким образом, отсутствие специфического месторасположения республики на карте страны, с одной стороны, а с другой стороны, наличие большого количества соседних территорий, с некоторыми из которых отдельные районы республики имеют более тесные культурные и экономические связи и более удобную транспортную инфраструктуру, чем с республикой в целом, также препятствуют складыванию интегрированного территориального сообщества.

Стабильность границ. Административные границы и их стабилизация также содействуют развитию регионального самосознания, поскольку региональная идентичность приобретает основу для своего формирования. При этом уровень восприятия региональной идентичности, связанной с административно-территориальным делением, зависит от исторической продолжительности жизни политико-административных общностей. Что касается Республики Коми, то ее административно-территориальное деление стабилизировалось относительно недавно. В XVIII веке Коми край входил в

¹⁴⁶ Гельман В. Региональная идентичность. СПб., 2003.

¹⁴⁷ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С.93-98.

Архангельскую губернию. Накануне революции 1917 года современная территория Республики Коми входила в состав трех губерний: Архангельской, Вологодской и Вятской. Лишь в 1921 году была образована автономная область Коми (Зырян), которая в 1929 году вошла в состав Северного края с центром в городе Архангельске. В 1936 году Коми автономная область была преобразована в Коми АССР и непосредственно вошла в состав РСФСР как самостоятельное образование. Окончательное же формирование административно-территориального деления республики белее или менее завершилось только к 1979 году. Изначально специфика складывания административно-территориального устройства в республике была основана, прежде всего, на своеобразии этнического состава местного населения, а также особенностях демографических процессов, характеризующихся мощными миграционными потоками на территорию Коми. В середине XX столетия к этим факторам присоединился и экономический показатель.

Экономический фактор. Свое влияние оказывает и экономический фактор, который проявляется в нарастании противоречий между центром и регионами, а также усилении социально-экономического различия между регионами. Эти процессы так или иначе стимулируют региональную обособленность и стремление опираться на собственные силы.

В Республике Коми этот фактор связан и с очаговым характером развития территории, которую условно можно разделить на несколько производственных комплексов. Первым таким комплексом является угледобывающий, сформированный на базе Печорского угольного бассейна, в состав которого входят города Инта и Воркута. Второй - северный нефтедобывающий с центром в городе Усинске, который объединяет нефтепромыслы в Коми и Ненецком Автономном Округе. Третий комплекс - это так называемый центральный промышленный район, расположенный географически по линии Ухта - Вуктыл, где есть нефте- и газодобыча, их переработка, строительные, транспортные, машиностроительные предприятия и

сопутствующая им инфраструктура. Последним в данном перечне является и южный комплекс, расположенный вокруг столицы республики - Сыктывкара. Он объединяет лесозаготовительные и лесоперерабатывающие предприятия.

Такая специализация территорий, а также ориентация не на внутрирегиональные, а на внешние рынки привела к тому, что населенные пункты республики и их производственные мощности практически не взаимосвязаны. Это обстоятельство находит отражение и в самовосприятии жителей республики. На пример, жители шахтерского города Воркута, расположенного на северо-востоке республики, отчетливо ощущают свою уникальность как сообщества и в какой-то степени отделяют себя от республиканского социума. Как отмечает Ю.П. Шабаев, «здесь не читают республиканских газет, не смотрят передачи республиканского телевидения, а население города, вместе с жителями других северных городов, как бы условно выделяются в особое сообщество. «Изоляционизм» и «урбоцентризм» нашли выражение и в местном городском фольклоре (расхожее утверждение «Воркута - столица мира»), и в высокой степени местной солидарности. Именно эта солидарность способствовала тому, что воркутинские шахтеры и их профсоюзы довольно долго являлись лидерами рабочего движения в России»¹⁴⁸.

Эту локальность усугубляет и то обстоятельство, что привычные пути и способы сообщения - пассажирское сообщение по рекам, малая авиация - либо закрываются, либо становятся финансово недоступными, что приводит к ослаблению социальных, культурных, экономических контактов между жителями региона¹⁴⁹.

Этнический фактор. В поликультурном регионе на состоянии социальной идентичности значительно сказывается этнический состав населения.

¹⁴⁸ Шабаев Ю.П. Русский Север: поиск идентичностей и кризис понимания // <http://www.komi.com/pole/archive/pole/24.asp> (Дата обращения: 25.05.2015)

¹⁴⁹ Шабаев Ю.П. Русский Север: поиск идентичностей и кризис понимания // <http://www.komi.com/pole/archive/pole/24.asp> (Дата обращения: 25.05.2015)

Частично данное основание идентичности перекликается с уже обозначенной культурно-исторической основой социальной идентичности. В данном случае этничность особенно в республиках может выступать как основание для требования дополнительных льгот от федеральной власти. Важным фактором в формировании идентичности служит возникновение реальных или потенциальных этнических конфликтов на территории.

Таким образом, можно предположить, что в формировании идентичности факторы, механизмы и социальные практики представляют собой взаимосвязанную систему, от состояния которой зависит самоощущение и восприятие индивидом окружающего мира.

Прирост коми населения за двадцать лет составил лишь 6%, что обуславливалось невосполнимыми потерями в годы войны, резким увеличением в послевоенный период числа браков коми женщин с мужчинами других национальностей. Дети, рожденные в межэтнических браках, чаще выбирали национальность отца.

Специфика формирования состава населения на современной территории Республики Коми состоит в том что, она осваивалась различными народами, причем таким образом, что отдельные ее анклавов можно считать этнической территорией этих народов. Низовья Печоры – территория русских, на которой с XVI века проживает группа русского староверческого населения, так называемые усть-цилемы. Тундровые территории в Усинском и Воркутинском районе – это этническая территория ненцев. С XVI столетия на реке Ижма начало происходить формирование самой северной группы коми. В их формировании приняли участие как собственно коми (переселенцы с юга края), так русские и ненцы. При этом жители Ижемского района заимствовали у ненцев не только оленеводство, но и все, что с ним было связано. Основной этнической территорией коми считается бассейн рек Вычегды и Сысолы. Таким образом, территория Республики Коми в одно и то же время осваивались сразу тремя народами: русскими, коми и ненцами. В XX веке республика пережила несколько

волн миграций, связанных с системой ГУЛАГа, а позднее индустриализацией региона, и на сегодня более 60 % ее населения составляют переселенцы из других регионов станы и из-за ее пределов. Если в 1926 году этнический состав населения республики был представлен в основном тремя этническими группами – коми, русские и ненцы, то по данным переписи населения 2010 года доля представителей других этнических групп стала на порядок больше, что демонстрирует график, представленный в приложении 2.

После 1921 года, когда была создана Коми Автономная Область начался процесс культурной унификации коми. Был разработан и принят новый алфавит, создан литературный язык и началось его нормирование, создана национальная школа. Так как литературный язык создавался в основном на основе присыктивкарского диалекта, то уже на начальном этапе национально-культурного строительства в Коми области имели место определенные сложности. В частности, особенно сильное недовольство методами культурного строительства проявилось на Ижме.

Важным последствием политики национально-государственного строительства при большевиках стало значительное увеличение контактов между жителями Печоры и Вычегды. Что еще более значимо, изменился и сам характер этих контактов. Начиная со второй половины 1920-х гг. и вплоть до 1950-х гг., когда политика коренизации была предана забвению, регион Печоры испытал наплыв приезжих из южной части Республики Коми, приехавших работать администраторами, учителями, инженерами и образовавшими существенную и влиятельную часть новой местной интеллигенции. Эти люди называли себя «коми» и были уверены, что они принадлежат к той же этнической группе, что и местное население. Местные жители, также называвшие себя «коми», разделяли это мнение. Однако, новая интеллигенция говорила на немного другом языке по сравнению с местным населением.

Приезжая интеллигенция считала своим долгом помочь местным сородичам, научив их разговаривать по-коми «правильно». Более того, поскольку

приезжавшие на Печору с юга «местные кадры», особенно начиная с 1930-х гг., получали образование в духе марксистской традиции, они не могли не увидеть, что не только язык, но и культура их печорских сородичей была ужасно отсталой: многие из них были кочевниками-оленеводами и значит, как учила марксистская теория, находились на более низкой ступени развития производительных сил по сравнению с земледельцами юга области. Приезжим было очевидно, что во всем регионе нет ни одного рабочего-пролетария, который может достойно представлять интересы местного населения в уездном комитете партии, что идеологически местные кадры слабо подготовлены в силу своей «отсталости»¹⁵⁰.

Разумеется, подобное отношение совсем не нравилось печорским коми и вызывало у них зачастую очень резкую реакцию. Так в 1920-х гг. они сопротивлялись введению школьного обучения на языке коми и даже сжигали учебники, написанные на «официальном» его варианте. Вместо этого они требовали ввести школьное образование на русском¹⁵¹.

Таким образом, возникла ситуация, когда, во-первых, коми с юга области масштабно столкнулись с «другими» коми и попытались сформировать некий обобщенный образ этих «других», а, во-вторых, северные коми сами в результате этого столкновения, «увидели» с помощью приезжих, выступивших в роли «культурного зеркала», свою непохожесть, свои отличия от «настоящих» коми.

Однако наиболее важным следствием всей названной ситуации стало появление у северных коми отдельной идентичности. Начиная примерно с 1930-х гг., печорские коми начали противопоставлять себя выходцам из вычегодского бассейна, которых они стали называть «зырянами». Это противопоставление нас

¹⁵⁰ Ким Х. Ч., Шабает Ю.П., Истомин К.В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования, 2015, № 8. С.87.

¹⁵¹ Ким Хе Чжин, Шабает Ю.П., Истомин К.В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования, 2015, № 8. С.90

(коми) им (зырянам) до сих пор составляет существенную часть идентичности Печорских коми¹⁵².

Таким образом, мы видим, что в национальной структуре населения изменилось не только соотношение между численностью титульной нации и русскими, но и увеличилась доля представителей других этнических групп. Вместе с этим население распределилось таким образом, что большинство этнических коми проживают в сельских территориях, испытывая все те социально-экономические трудности, которые присущи современному российскому селу.

Численность представителей коми национальности за данный межпереписной период уменьшилась на 12%. Вместе с тем доля коми в общей численности населения увеличилась на 25%, что связано с миграционным оттоком некоренного населения. Наиболее высокая концентрация коми оставалась в Ижемском (90%), Усть-Куломском (79%), Корткеросском (72%), Сысольском (69%), Прилузском (60%), Сыктывдинском (52%) районах. При этом при переписи населения 2002 года из состава коми была выделена численность лиц, отнесших себя к коми-ижемцам (изъватас) - 15,6 тысяч человек, но перепись 2010 года уже зафиксировала меньшее число представителей данной группы (6, 4 тыс. чел.), на чем сказались как объективные факторы (повсеместное сокращение населения), так и факторы, связанные с ослаблением деятельности общественного движения коми-ижемцев "Изъватас". Подробно численность представителей коми-ижемской группы в регионах России показана на графике, представленном в приложении 3.

Социальная структура населения. Специфика экономического развития Республики Коми и ее заселения в XX столетии оказали значительное влияние на социальную структуру региона. Как уже отмечалось ранее, экономическое развитие территории в советский период, связанное с возведением и работой

¹⁵² Ким Хе Чжин, Шабаев Ю.П., Истомин К.В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования, 2015, № 8.С. 88.

крупных промышленных предприятий угольной, нефтяной, газовой и лесной промышленности носило анклавный характер. На территориях таких промышленных анклавов часто строились новые города и поселки городского типа. При этом они осваивались и обживались в подавляющем большинстве пришлым населением. Таким образом, коренное население Коми было практически исключено из процесса промышленного и экономического освоения региона. Результатом такой практики стало то, что к 1989 году более 50 % сельского населения составляли коми, в то время как 86 % городского - представители других этнических групп¹⁵³. Однако в советский период такая "исключенность" коми из экономических процессов и городского образа жизни нивелировалась за счет государственной поддержки социальной инфраструктуры села и сельского хозяйства. После распада Советского Союза контраст между городом и деревней усилился повсеместно и Республика Коми не стала исключением. "Именно крестьяне, особенно на Севере, оказались заложниками экономического реформирования и внедрения «дикого» рынка, исключившего из поля зрения государства все экономически нерентабельные, ранее дотационные, а теперь депрессивные (неблагополучные) отрасли народного хозяйства. Ситуация выпадения или исключения из новой рыночной экономики лишь развила наследие советского прошлого, в котором российская деревня, несмотря на лозунг смычки села и города, оставалась на периферии государственных интересов, а жители деревни - в числе наименее обеспеченных россиян"¹⁵⁴.

На 2010 год свыше половины численности коми (53 %) проживает в сельской местности¹⁵⁵. При этом уровень официальной безработицы на селе почти в два раза выше, чем в городе в целом по республике. Максимальный

¹⁵³ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=78 (Дата обращения: 20.04.2017)

Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности

¹⁵⁴ Ярошенко С.С. Бедные северного села трансформирующейся России: двойное исключение // Экономическая социология. Том 2, №5, 2001. С. 59 -78. С. 60.

¹⁵⁵ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 3: стат.сб./Комистат - Сыктывкар, 2012 - 199 с. С.10

уровень регистрируемой безработицы в 2016 году отмечался в Сысольском и Троицко-Печорском районах (4,2 %) и в 7 раз превышал его минимальное значение (Ухта - 0,6 %) ¹⁵⁶. Уровень жизни населения в сельской местности был ниже, чем в городской. В 2016 г. у сельских домохозяйств среднедушевые потребительские расходы сложились меньше, чем у городских. В сельской местности отмечен более высокий удельный вес затрат на продукты питания в потребительских расходах домохозяйств ¹⁵⁷. При этом Ижемском районе, где доля коренного населения составляет 88 % и является самой высокой в регионе, индекс развития человеческого потенциала, представляющий собой средний уровень достижений по трем базовым измерениям человеческого развития: долголетию и здоровью, доступу к знаниям и достойному уровню жизни, в 2013 году, по результатам исследований, был значительно ниже (0,691), чем тот же показатель для Российской Федерации (0,788) и Республики Коми (0,759) в целом ¹⁵⁸.

Кроме описанных внутренних факторов формирования идентичности оказывают воздействие глобализационные и интеграционные процессы, поскольку важнейшим последствием глобализации стала активизация взаимодействия между разными цивилизациями и обострение проблемы идентичности. Так, по мнению М. Кастельса, в современном глобальном мире большинство людей ведет локальную жизнь. Более того, люди проявляют склонность группироваться вокруг первичных источников идентичности – таких,

¹⁵⁶ Районам в Коми указали на безработицу // <http://komionline.ru/node/76521> (Дата обращения: 20.04.2017)

¹⁵⁷ Аналитическая записка «Уровень жизни населения Республики Коми в 2016 году» // https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=YD94Dc%2FjebS5mY5X1Sod10Tke4N7InVybcI6InhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySIJYbFVGb2V3cnVPXzBUQXdMdVWdzU1SXVQRU5vbIvIzGJpZGY0QzQ4NVgwYkZFZFU3OHBYWmItbGVqZjhoVIFBREZILWJWdXJETjdBbk5Xc2FneHRMLWZ0TDh6LVRJeS1scGJJVVdpQklFZHljWjV0QmZ5ekQ5MFBWZVBLNDJ5elAyaW5tRGw1VFE9PT9zaWduPXZuNUtzQ0xmVH0wY1dtNmtYZ3dwZGUwQTVPdUpFbW9sTGxUVzNGT3lsVHc9IiwidGI0bGUiOiIy0JDQvdCw0LlVQuNGCLiDQ9Cw0L%2FQuNGB0LrQsCDQo9CWINC90LDRgdC10LvQtdC90LjRjy0yMDE2LmRvYyIsInVpZCI6IjAiLCJ5dSI6IjksMTA3NDc0NjE0NDMzNjI1MTMiLCJub2lmcmFtZSI6ZmFsc2UsInRzIjoxNTA5MDE5MDU1NTk0fQ%3D%3D (Дата обращения: 20.04.2017)

¹⁵⁸ Канева М.К. Индексы развития человеческого потенциала сельских этнических сообществ Республики Коми // Эффективное использование человеческих ресурсов как фактор устойчивого социально-экономического развития Республики Коми: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (4-5 декабря 2013 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2013. С. 180.

как: религия, этничность, территория, национальность, что особенно проявляется в периоды неконтролируемых и хаотичных изменений. Этот процесс не мог не затронуть и население республики. Пример консолидации на основе этничности демонстрирует группа ижемских коми. При этом этот процесс сопровождается объединением тенденций глобализации и локализации, основанном на перераспределении привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости¹⁵⁹ и проявившемся в стремлении получить статус коренного народа, а вместе с ним и некоторые экономические и социальные преференции.

Со второй половины 1980-х годов в советском обществе начались открытые дискуссии о поводе национальных проблем, появилась возможность модернизировать многие положения, касающиеся национального строительства и статуса национально-государственных образований. Важным фактором в тот период стала деятельность национальных движений. Более того коми национальное движение "Коми войтыр" превратилось в влиятельную политическую силу в республике и было наиболее значимым в ряде аналогичных движений в других финно-угорских республиках. Но его возникновение было определенным образом санкционировано в условиях отсутствия культуры гражданского общества и мобилизации этничности.

Большую роль в процессе возрождения этнического самосознания стал тот факт, что Республика Коми фактически не имела права распоряжаться ресурсами, находящимися на ее территории. Это вызывало недовольство как у руководства республики, так и у представителей коми национальной интеллигенции и чиновников коренной национальности. В связи с этим национальное движение коми народа выступало за расширение экономической самостоятельности республики и ограничение полномочий центральных министерств и ведомств.

¹⁵⁹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М., 2004. С. 87.

При этом "Коми войтыр" делало ставку на перераспределение власти внутри республики в пользу представителей коми национальности, в связи с чем столкнулось с сопротивлением властей. Следствием его активной деятельности стало принятие целого ряда законопроектов, опирающихся не на российские, а на международные правовые нормы: создание Министерства по делам национальностей, конституционное закрепление ответственности государства за развитие культуры коми народа, расширение сферы функционирования коми языка. Исследователь Шабает Ю.П. в своей работе делает вывод о том, что главное содержание идеологии данного движения в 1990-е годы сводилось к противопоставлению этнического с требованием, например, коллективной включенности коми народа в политический процесс, гражданскому. При этом влияние коми движение на власть оказалось более существенным, чем на население, поскольку расценивалось как движение элиты. Но несмотря на это смогло укоренить представления о необходимости неких приоритетных прав для представителей титульного этноса¹⁶⁰.

К середине 1990-х годов было достигнуто равновесие между коми национальным движением, объединяющим наиболее активную и амбициозную часть коми национальной элиты, и русскоязычным большинством в руководстве республики¹⁶¹, что повлекло за собой кризис организации. Ослабление коми "национального движения актуализировало значение субэтнического фактора в отстаивании интересов локальных сообществ"¹⁶².

¹⁶⁰ Шабает Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке (Штрихи этнополитического развития Республики Коми. Т.3)/ Под ред. М.Н. Губогло. - М.: ЦИМО, 1998. С 202.

¹⁶¹ Учайкина Т.И. Национальные движения финно-угорских народов России в 1989-1995 гг. (на примере Республик Карелия, Коми, Мордовия) // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук, Саранск, 1997.

¹⁶² Шабает Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности // Социологические исследования, № 10, 2009. С.57.

Таким образом, социальная идентичность в Республике Коми формировалась и развивалась в условиях, не способствующих консолидации населения, при этом одной из ее характеристик стала локальность.

Отметим, что исследования конца 1980-х годов прошлого века, демонстрировали, что в целом консолидация социума на территории Республики Коми завершена и локальное самосознание утратило свою актуальность. Но за период 1990-2000-х гг. в этом отношении идентичность населения Республики Коми также подверглась существенным изменениям, о чем говорят результаты проведенных социологических исследований, в которых в той или иной степени исследовались проблемы идентичности населения региона: в 1993 году «Предвыборная ситуация в России», в 1996 году социально-психологический мониторинг, в 2004 году «Я и мой народ», в 2008 и 2009 гг. мониторинг ситуации в области межнациональных отношений в Республике Коми (в общей сложности опрошено 1352 человека), в 2009 году «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» (опрошено 452 человека), в 2010 году «Север и северяне» (опрошено 900 человек). Выборки в перечисленных исследованиях - многоступенчатые, сбалансированы по возрасту, полу и этническому составу. Во всех случаях исследования проводились методом анкетирования.

Как уже отмечалось, распад Советского Союза и последовавшие за ним два десятилетия коренных преобразований в политической, экономической и социальной сферах привели к так называемому кризису идентичностей, сопровождавшемуся процессами суверенизации и национального возрождения. По мнению исследователей, этот период характеризовался сменой приоритетов в самоопределении населения страны в целом и реидентификацией представителей национальных меньшинств ¹⁶³.

¹⁶³ Шабает Ю.П. Русский Север: поиск идентичностей и кризис понимания // <http://www.komi.com/pole/archive/pole/24.asp> (Дата обращения: 25.05.2015)

Результаты опроса населения Республики Коми, проведенного в рамках исследовательского проекта «Предвыборная ситуация в России» в 1993 году, показали, что на тот момент гражданская идентичность еще не столь значительно подверглась изменениям. Так подавляющее большинство респондентов признавало распад Советского Союза вредным, в то время, как только 6,9 % респондентов в республике оценили распад СССР положительно, а 11,1 % опрошенных оценили это событие как скорее полезное, чем вредное. В данном опросе 23,2 % респондентов указали, что считают своей родиной Советский Союз, 35,5 % - Россию, 35,8% - Республику Коми. Во многих других регионах РФ также были получены сходные ответы¹⁶⁴.

В 1996 году в ходе социально-психологического мониторинга в республике был проведен опрос. Одной из задач данного исследования было выявить особенности восприятия жителями этничности. Ответы респондентов на вопрос об отношении к национальной (этнической) принадлежности распределилось следующим образом: 24,6 % дали следующий ответ: "национальность дана человеку от природы или от бога и менять ее нельзя; благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, о Родине и ее истории - 22,7 %; каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью - 21,5 %; национальность – это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей - 6,8 %; Не только в будущем, но уже сейчас понятие национальности в значительной мере устарело - 0,1 %; человек вправе сам выбирать себе национальность - 8,2 %; национальность – это то, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу - 6,1 %".¹⁶⁵

Эти данные демонстрируют, что большая часть респондентов положительно относилась к категории этнической принадлежности, несмотря на то что ее восприятие и понимание не было однозначным. Вместе с тем у

¹⁶⁴ Губогло М.Н. Идентификация идентичностей. Москва, 2003.

¹⁶⁵ Шабает Ю.П. Русский Север: поиск идентичностей и кризис понимания // <http://www.komi.com/pole/archive/pole/24.asp> (Дата обращения: 25.05.2015)

представителей разных этнических групп, принявших участие в опросе, существенно различался характер этнической идентификации. Более однозначная этническая идентичность была характерна для респондентов, определяющих себя как русские, так как 72,6 % из них назвали себя представителями только своей национальности. Среди коми доля таковых составила 51,9 %, украинцев – 31,8 %, среди других этнических групп – 40,0 %¹⁶⁶. Таким образом, достаточно большая часть опрошенных относила себя сразу к нескольким этническим группам или была в переходном состоянии от одной этнической идентичности к другой. При этом множественную этническую идентичность имела значительная доля русских. В связи с этим можно отметить, что неопределенность «других», которая дает возможность принять в эту группу новых членов в любом количестве, свидетельствует о неустойчивом характере любой социальной общности.

Данные исследования "Я и мой народ", проведенного летом 2004 года, продемонстрировали, что в условиях высокоурбанизированной территории Республики Коми, где процессы аккультурации и ассимиляции усиливаются за счет влияния городской культурной среды, среди коми горожан 55,7% назвали родным русский язык и только 13,5% сельских коми заявили о том же. Кроме того, результаты опроса по проекту "Я и мой народ" показали, что идею укрупнения регионов поддерживает 51% жителей Республики Коми. При этом ответы на вопрос об отношении к объединению субъектов РФ не продемонстрировали корреляцию с этнической принадлежностью респондентов. Большинство выбрали вариант ответа, который гласит, что идея объединения регионов поддерживается, если его результатом станет повышение уровня жизни людей.

¹⁶⁶ Вячеславов В., Ковалев В., Шабаев Ю., Ярошенко С. Время и бремя кризиса. Республика Коми осенью 1996 года (по материалам социологического опроса) // Вестник Государственного Совета Республики Коми. Специальный выпуск. 1997.

В июне 2008 года в Сыктывкаре было проведено исследование на тему «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации», целью которого также была оценка изменений, связанных с отношением населения к этнической принадлежности. В ходе данного исследования респондента был задан вопрос о том, как они понимают «национальность?». Из общего числа опрошенных 8,3 % респондентов сказали, что понимают национальность как «то, что в советские времена обозначалось в паспорте». Таким образом, можно отметить, что отождествление этнической принадлежности и национальности, характерное для советской эпохи ушло в прошлое. Категорию «национальность» связали с происхождением родителей и предков 65,8 % опрошенных, а 40,8 % - с языком и культурой. При этом 19,3 % респондентов охарактеризовала «национальность» как гражданство.

Такое изменение в понимании национальности привело и к изменению отношения к ней: 18,4 % опрошенных допускали, что человек может считать себя представителем двух и более национальностей, а около трети допустили такую возможность в некоторых случаях. Еще треть респондентов признала право человека на смену своей национальности в течение жизни. Это может говорить том, в сознании населения укрепилась установка о том, этническая принадлежность есть свободный выбор с человека.

Как отмечает Ю.П. Шабаев, этничность в Республике Коми "нельзя рассматривать только как культурный феномен. Она представляет собой и политический ресурс, и символический капитал, который успешно используется в борьбе за статус и ресурсы. С целью получения максимальных выгод от эксплуатации названного символического капитала этнические антрепренеры и некоторые политики стимулируют своей деятельностью процессы актуализации идентичностей, реидентификации и переосмысления этнических категорий"¹⁶⁷.

¹⁶⁷ Шабаев Ю.П. Культурное пространство «Русского Севера». URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1831.doc> (дата обращения: 20.05.2015).

Вместе с тем слабость региональных идентичностей может повлечь за собой многообразные конфликты идентичностей, вписываемые в оппозиции «свои» - «чужие». Об это свидетельствует высокий уровень ксенофобии, который продемонстрировали результаты опроса, проведенного в марте 2010 года. В ходе исследования более половины опрошенных жителей Сыктывкаре отметили, что существуют этнические группы, к представителям которых они относятся с недоверием. Такое противостояние и конфликты могут возникнуть не только в крупных городах с многонациональным населением, но и в глухой сельской местности. Особо выразителен конфликт между «южной» и «северной» идентичностями, так как в ходе опроса наиболее важными характеристиками «северян», отличающими их от остального населения, назывались психологические и поведенческие черты. Таким образом, можно сказать, что "взаимные представления этнолокальных групп друг о друге в пределах российского пространства и поведенческие стереотипы создаются также в соответствии с расширенным спектром геополитических, этнических, характерологических и прочих значений, которыми наделяются оппозиционные понятия «севера» и «юга», «востока» и «запада»¹⁶⁸.

Весьма показательны в отношении локальной, региональной и гражданской идентичностей сравнение результатов исследований, проведенных в Республике Коми в 1996 и 2004 гг.¹⁶⁹ Результаты обоих исследований показали, что большинство респондентов отрицали наличие в республике единого территориального сообщества, которое объединяли бы общие интересы и общая идентичность. Таким образом, можно сделать вывод о том, что существующие ныне административные границы и статусы региона не оказали существенного влияния на становление региональной идентичности.

¹⁶⁸ Шабает Ю.П. Культурное пространство «Русского Севера». URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1831.doc> (дата обращения: 20.05.2015).

¹⁶⁹ Шабает Ю.П. Русский Север: поиск идентичностей и кризис понимания // <http://www.komi.com/pole/archive/pole/24.asp> (Дата обращения: 25.05.2015)

Хотя данный опрос показал, что местный патриотизм невысок, но уже тогда общероссийская идентичность выступила доминантой для жителей республики: гражданином России в 2010 году себя назвали 55,1 % сыктывкарцев, что говорит об укреплении тенденции формирования гражданской идентичности. При этом советская идентичность перестала быть значимым измерением среди гражданских идентичностей, о чем говорит тот факт, что гражданином СССР себя назвали всего 6,4 % опрошенных жителей Сыктывкара.

Опрос 2008 года продемонстрировал, что 33 % респондентов представляют россиян как этническую общность. Такая же доля опрошенных продемонстрировала свое восприятие россиян как гражданского сообщества, то есть как «российского народа». На вопрос о том, считают ли респонденты жителей Российской Федерации собой российской нацией, утвердительно ответили 30,7 % опрошенных, а 15 % отметили, что для формирования нации потребуется время. При этом 35,9 % согласились с тем, что в российских условиях возникновение единой нации невозможно. Такие показатели говорят о наличии объективных препятствий в процессе формирования нации, а также о слабом продвижении идеи нации в республике¹⁷⁰.

Тем не менее 61,9 % опрошенных сказали, что не отрицая своей этнической принадлежности, могут отнести себя к национальной общности россиян. Такие результаты подтверждают тезис о ситуативности и неустойчивости этнических категорий, а также говорят о готовности населения к процессам гражданской интеграции.

Таким образом, на основании приведенных данных социологических исследований, можно сделать вывод о том, что за период с 1990-х и 2000-х в Республике Коми годов наибольшим трансформациям подверглась этническая идентичность населения: здесь наблюдаются как процессы реидентификации и смены идентичности, так и формирования двойных идентичностей. Что касается

¹⁷⁰ Миронова Н. П. Этническое самосознание современной молодежи Республики Коми (на примере студентов г. Сыктывкара) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва, 2011 // <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/mironova.pdf> (Дата обращения: 25.05.2012)

гражданской идентичности жителей Коми, то она плавно и постепенно приобретает форму, связанную с идеей российской нации. На этом фоне региональное измерение идентичности не приняло четко выраженной формы и слабо выражено в сознании населения республики.

В целом следует отметить, что с учетом сложившихся факторов формирования социальной идентичности, процесс ее трансформации проходил, с одной стороны, в общероссийском уровне, с другой стороны, имел и свою специфику. Первое обстоятельство касается возрастания роли этнической идентичности в сознании населения, второе – отсутствие явно актуализированной региональной идентичности идет вразрез с процессами, происходившими в территориальных субъектах страны.

Что касается представленных данных количественных исследований социальной идентичности населения Республики Коми, то в нашем исследовании важно сопоставить их с результатами собственного исследования, полученными с помощью качественной методики. В связи этим необходимо остановиться на том, каким образом те или иные параметры из количественных опросов диагностируются или уточняются в интервью. Во-первых, качественные данные позволяют выявлять внутренние, скрытые мотивы в идентификационных сценариях людей, описать неформальные практики. Во-вторых, одновременное использование количественных и качественных данных, полученных на различных объектах, дает возможность более емкого анализа данных. Например, понять внутренне содержание идентичности и то, какой смысл в нее вкладывают представители изучаемой группы, и как они видят в целом ту часть общества, которая представляет региональное сообщество.

2.2. Сценарии трансформации социальной идентичности населения: результаты эмпирического исследования

Социальный контекст нашего эмпирического исследования охватывает период с момента распада СССР, который характеризуется формированием новых политических, социальных и экономических институтов. Для этого временного промежутка присущи травматичные и адаптационные изменения в ценностных ориентациях и социальных практиках людей. Однако причины выбора того или иного сценария построения жизненного пути человека часто остаются за рамками социологических исследований, что не дает возможность для формирования аналитических и прогностических конструкций для их применения в рассматриваемых случаях подобных социальных трансформаций.

Для решения задач диссертационного исследования было запланировано эмпирическое исследование, целью которого стало описание группы коми-ижемцев в период социальных трансформаций.

Среди этнографических групп народа коми-ижемцы (самоназвание *изъватас*) выделялись ярко выраженной спецификой. Начало формирования ижемских коми пришлось на конец XVI века, когда на притоке Печоры реке Ижме "была основана Ижемская слобода, которая долгое время являлась единственным населенным пунктом коми на нижней Печоре. В конце XVIII столетия вокруг появился куст новых поселений: Мохча, Сизябск, Гам, Бакур, Мошьюга.

В XVII-XVIII вв. процесс формирования самой северной этнографической группы коми в основном был завершен. В результате длительного межэтнического смешения и этнокультурного взаимовлияния у ижемцев возник особый ижемский диалект языка коми с существенными

лексическими заимствованиями из русского и ненецкого языков и произошли изменения в традиционном хозяйственном комплексе. Основой хозяйства ижемцев стало оленеводство, которое они полностью заимствовали у ненцев. При этом ижемцы ввели круглосуточное патрулирование стад с помощью собак, перешли к крупнотабунному товарному оленеводству в Большеземельской тундре и широко использовали продукцию оленеводства в торговой деятельности (торговля шкурами, производство замши).

Помимо оленеводства ижемцы занимались охотой и рыбной ловлей, а также отчасти огородничеством, вели торговлю по всему северу России, поставляли свою продукцию в Москву и Санкт-Петербург. Способы хозяйствования ижемцев оказались более эффективными, чем у ненцев Большеземельской тундры, а также Кольских саамов и хантов. Ижемские оленеводы целенаправленно увеличивали численность стад, и к середине 1830-х"¹⁷¹ годов ненцы уже потеряли свой приоритет в тундре.

До переписи 2002 года этноним ижемцы учитывался в официальной статистике лишь один раз - в ходе переписи населения 1926 года. Вплоть до переписи 1989 года включительно коми-ижемцы не выделялись вовсе, поскольку этноним ижемцы приравнивался к этнониму коми. Согласно переписи населения 2002 года, в России насчитывалось 15 607 коми-ижемцев: из них в Республике Коми – 12 689 человек, в Мурманской области - 1 128 человек, в Ямало-Ненецком автономном округе - 1002 человека и Ханты-Мансийском автономном округе - 740 человек ¹⁷². Данные переписи 2010 года показали, что число желающих именоваться коми-ижемцами именно в Ижемском районе Республики Коми снизилось до 5725 человек. На это обстоятельство оказал влияние ряд

¹⁷¹ Ким Х. Ч., Шабает Ю.П., Истомин К.В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования, 2015, № 8. С.86; Лидер "Изьватас": "Коми-ижемцев насчитали меньше, так как перепись проводили представители "Коми войтыр"// <http://finugor.ru/news/lider-izvatas-komi-izhemcev-naschitali-menshe-tak-kak-perepis-provodili-predstaviteli-komi> (Дата обращения: 31.04.2017)

¹⁷² Шабает Ю.П. Исторические и социокультурные характеристики группы коми-ижемцев // http://izvatas.ru/pub/pub.php?id_news=32 (Дата обращения: 31.04.2017)

причин, на пример, походившая в тот период в республике акция под названием “Запишись коми”. Ее организаторы призывали всех, чьи предки жили на данной земле, обозначать себя только как “коми”. По словам лидера ассоциации “Изьватас”, переписчики, приходя в дом к ижемцам, нередко отвергали их попытки записаться как “коми-ижемец”, заявляя, что такого этнонима официально не существует и можно указывать только “коми”, на что респонденты соглашались, не пытаясь спорить с уполномоченным лицом. Вероятно, такие факты имели место, поскольку проводившийся в Коми мониторинг переписи (осуществлявшийся Ю.П. Шабаевым) показал, что при инструктаже переписчиков от них требовали не того, чтобы сам человек указывал, к какой этнической группе он себя относит (как этого требовала официальная инструкция), а говорили, что если у человека возникают сомнения, то лучше записываться коми, ибо от высокой доли коми “выиграет” вся республика”¹⁷³.

Языком повседневного общения коми-ижемцев является ижемский диалект коми языка. На современной территории Ижемского района проживает более 80 % коренного населения, что способствует сохранению традиционного образа жизни, традиционной культуры и мироощущения живущих в тесной взаимосвязи с природой людей. Коми-ижемцы традиционно, в отличие от остальных коми, занимаются кочевым оленеводством, сделав его товарным за счет продажи мяса и производства замши из оленьих шкур. Коми-ижемский субэтнос начал складываться во второй половине XVI столетия. В его формировании приняли участие вымские и удорские коми, северные великоросы и ненцы. К концу XVIII-XIX вв. ижемские коми выработали свою языковую и культурно-бытовую специфику, которая отличает их от остальных коми.

Тем не менее, ко второй половине XX века процесс консолидации коми был в целом завершен и общеэтническое самосознание стало однозначно доминировать над локальным сознанием, а прежние локальные этнонимы

¹⁷³ Ким Х. Ч., Шабаев Ю.П., Истомин К.В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования, 2015, № 8. С.86.

потеряли свою актуальность и в основном были забыты.¹⁷⁴ Однако ижемцы оказались наименее интегрированы в общее культурное пространство коми, чему способствовало периферийное положение группы и культивируемая в массовом сознании историческая память, сохранению которой способствовала групповая солидарность.

В целом можно сказать о том, что в постперестроечный период этническая группа коми-ижмцев начинает активно институционализироваться. Это связано с осознанием своих экономических интересов, культурного и языкового отличия. В рамках этого процесса возрождаются традиционные праздники (праздник Луд), в Сыктывкаре представительство «Изьватас» располагается в здании, воспроизводящем традиционное жилье коми-ижмцев («Ижемская изба») и пр.

Как отмечает исследователь Ю.П. Шабаев: «Долгое время эта организация ограничивалась лишь культурно-просветительской деятельностью. Но после того, как в Ижемском районе возникло довольно активное движение «зеленых», которое выступало за сохранение родовых угодий ижемцев и против экспансии нефтяных компаний в районе, и после того, как активисты экологического движения вошли в состав «Изьватас», его влияние существенно возросло, а само движение четко осознало приоритеты своей деятельности, которые не всегда согласовывались с политической линией общекоми движения».¹⁷⁵ Основной целью организации стало признание за коми-ижмцами статуса коренного малочисленного народа Севера, что не поддерживается властями республики и "общекоми" движением. В связи с этим встает вопрос, в чем же состоит специфика коми-ижмцев и насколько требования на получения статуса обоснованны. Добавим, что мы рассматриваем данную группу в пролонгированном контексте.

¹⁷⁴ Шабаев Ю.П. Этнические трансформации на европейском севере России. Сыктывкар, 2008. С. 14.

¹⁷⁵ Шабаев Ю.П. Исторические и социокультурные характеристики группы коми-ижмцев // http://izvatas.ru/pub/pub.php?id_news=32 (Дата обращения: 31.04.2017)

Цель исследования - анализ процесса трансформации социальной идентичности в Республике Коми.

Задачами исследования стали 1) описание исследуемой группы с учетом теоретического анализа, представленного в первой главе; 2) выявление общих характерных для данной группы черт; 3) выявление доминирующего измерения в структуре социальной идентичности респондентов; 4) анализ самого периода трансформации идентичности как основы построения дальнейшего жизненного сценария; 5) описание социальных практик и символов, созданных в результате трансформации социальной идентичности.

Объектом исследования стали жители Ижемского района Республики Коми.

В работе исследуются процессы трансформации социальной идентичности в поликультурном регионе. Социальная идентичность рассматривается как результат процесса социальной идентификации, разделяющего «Я» и окружающий мир; комплекс таких ролей и статусов человека, которые организованы адекватно социальной системе, процесс и результат идентификации человека с теми или иными социальными группами. Таким образом, трансформация социальной идентичности представляет собой изменение представлений человека о своем социальном статусе и социальных ролях в обществе. Для фиксации и описания этих явлений потребовалось использование качественного метода исследования.

Предметом анализа выступают биографические сценарии респондентов, для лучше понимания которых мы фокусируем свое внимание на похожих характеристиках и событиях в биографиях информантов.

Опираясь на теоретические предпосылки мы выдвинули следующие **гипотезы:**

1. наличие общей для всех респондентов совокупности социальных ресурсов и жизненных обстоятельств, проявляющейся в сходстве биографий в дотрансформационный период и самоописании личных характеристик, привело к

выбору единого идентификационного сценария как реакции на общественные трансформации;

2. социальная идентичность жителей Ижемского района Республики Коми представляет собой модель, в которой соотношение этнической, гражданской и региональной идентичностей будет зависеть от социального опыта информантов;

3. в силу описанных факторов формирования территориального сообщества Республики Коми региональная идентичность будет носить слабо выраженный характер.

В исследовании поставлена задача описать такие процессы, которые закрыты для внешнего наблюдателя, поэтому для ответа на основной исследовательский вопрос использовался **метод биографического интервью**, который предполагает получение информации об истории жизни человека, изложенной в жизненном повествовании. Качественный метод был избран еще и по причине того, что позволяет сфокусировать внимание на частных, особенных аспектах для воспроизведения полного изображения социальных практик¹⁷⁶. При этом данный метод позволяет воссоздать ход истории от субъективного восприятия до общественных событий как бы «снизу вверх»¹⁷⁷. Кроме этого, интервью позволяет увидеть процессы формирования жизненных этапов, выявить латентные социальные факторы жизненного пути.

Интервью длительностью от сорока минут до полутора часов проводились зимой 2011 года в Ижемском районе Республики Коми в двух населенных пунктах - село Ижма и деревня Гам. Ижемский район расположен в северо-западной части республики. Численность населения района составляет примерно 19 000 человек. В состав Ижемского района входят 10 сельских поселений. Село Ижма является административным центром района, численность

¹⁷⁶ Семенова В.В. Качественные методы в социологии // Стратегия социологического исследования. В.А. Ядов, М., 2007.

¹⁷⁷ Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1-2.

населения которого около 6 000 человек. Расстояние от с. Ижма до ближайшей железнодорожной станции Ираэль - 102 километра. Деревня Гам входит в состав Мохчинского сельского поселения, численность населения деревни составляет около 600 человек.

Интервью проводилось с теми респондентами, которые согласились говорить на интересующую тему. При этом отбор информантов производился комплексно, то есть с помощью сочетания методики структурирования объекта и снежного кома, когда каждый предыдущий респондент рекомендовал последующего. При отборе информантов, мы стремились руководствоваться тем, чтобы они соответствовали следующим критериям: членство в социокультурном поле; наличие способностей обсуждать проблему и готовность к сотрудничеству¹⁷⁸. Для этого отбор рекомендуемых информантов осуществлялся в три этапа: предварительное знакомство, пробное интервью и собственно глубокое биографическое интервью. Через этап предварительного знакомства прошли 83 человека, в результате чего пробное интервью было взято у 72 информантов. В конечном итоге в аналитический материал данного исследования вошли интервью сорока двух информантов. При этом структура **выборочной совокупности** сложилась из представителей разных возрастных когорт (20 – 25 лет, 26 – 30 лет, 31 – 35 лет, 36 – 40 лет, 41 – 45 лет, 46 – 50 лет, 51 – 55 лет, 56 – 60 лет, 61 – 65 лет, 66 лет и старше). Распределение по половому признаку сложилось следующим образом 52 % женщин (22 человека) и 48 % мужчин (20 человек), что в целом соответствует реальному соотношению мужчин и женщин в данном районе. Другие характеристики информантов представлены в таблице, представленной в приложении 4.

Содержание тематических блоков вопросника варьировалось в зависимости от особенностей и стиля повествования, а также специфики

¹⁷⁸ Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006, с. 152.

жизненного пути и личных обстоятельств респондентов. В процессе интервью некоторые тематические блоки корректировались.

Гайд нашего интервью включает в себя довольно общие вопросы для того, чтобы биографическое жизнеописание было максимально полным и не утратило важную для нас информацию о личности нашего респондента. Структура нашего гайда вполне соответствует традиционному путеводителю биографического интервью и включает в себя следующие разделы, которые соответствуют этапам жизни: детство, юность, учеба, семья и т.д. После разработки гайд прошел предварительный пилотаж, только после этого был проведен полевой этап исследования. Те уровни идентичности, которые рассматриваются в данной работе, являются составными элементами других идентичностей и в повседневной жизни человека при условии относительно спокойной социальной обстановки ярко не проявляются. Поэтому для того, что респонденты актуализировали эти типы идентичности, мы специально направляли их на обсуждение этнической, республиканской или государственной идентичности.

2.2.1 Векторы изменений гражданской идентичности населения

Как мы уже отмечали, в отечественной и зарубежной научной литературе проблемы интеграции современного российского общества обсуждаются достаточно активно. Российское общество в постсоветский период характеризуется поисками нового идеологического базиса, способного объединить россиян, разобщенных в результате экономических и социальных изменений, на основе единых ценностей. Как мы уже отмечали, категория гражданской идентичности представлена далеко не только лояльностью государственной власти, а в первую очередь с отождествлением себя со своими согражданами, представлениями об этом сообществе, ответственностью за будущее своей страны, осознанием своих прав и обязанностей.

С момента распада Советского Союза прошел сравнительно небольшой с исторической точки зрения период, но за годы существования новой России граждане страны пережили немало событий: суверенизация в республиках и сепаратизм регионов, взрыв этничности и национальных движений, смена политического устройства. Вместе с этим это был период кардинальных социальных изменений, в течение которого формировались новые социальные слои, стили жизни, ценности, ориентации в экономической и социально-культурной сферах.

Результаты анализа наших интервью демонстрируют, что для наиболее старшей группы респондентов (старше 55 лет) характерна четко выраженная гражданская идентичность, сохранившая советскую форму. С одной стороны, детство представителей данной группы респондентов пришлось на тяжелые предвоенные, военные и послевоенные годы, с другой стороны, как бы там ни было, но лучшие годы их жизни, годы молодости, прошли именно в период развития советского государства.

Из наиболее запомнившихся событий того периода респонденты отмечают выдающиеся достижения советской эпохи: «Больше всего мне запомнились празднования Победы, для нас это был настоящий праздник, тогда мы гордились за свою страну, чувствовали себя советскими людьми» (мужчина, 88 лет), то есть можно отметить, что к этому жизненному этапу в сознании респондентов четко утвердилась советская гражданская идентичность, которая при этом играла главенствующую роль: «Вот сейчас даже и не знаешь, чем гордиться в нашей стране, а тогда у нас были и лучшие спортсмены, и в космос первые полетели ... » (женщина, 64 года), «ведь тогда мы все были советские люди, жили для своей Родины, никто не обращал внимание, какой ты черный, белый или красный...» (женщина, 67 лет).

При этом в качестве основного интеграционного критерия советского общества информанты выделяют именно равенство не столько связанное с материальным достатком, а с аспектом отношения друг к другу по типу «люди раньше добрее друг к другу были» (женщина, 67 лет).

Более того, у информантов данной группы современная Россия не воспринимается как Родина, для них большее значение представляет советское прошлое нашей страны, что выражается в негативное оценке некоторых существующих социальных практик: «Вот сейчас, говорят, что есть свобода. Какая свобода?! О чем речь?! Я сейчас без полиса в больницу попасть не могу, без бумажки ты не человек. А раньше ... Я после войны в армии служил, самостоятельно поехал в часть в Ленинград – у меня никто даже паспорт не спрашивал. Вот тогда себя можно было чувствовать свободным» (мужчина, 88 лет).

«Я – советский человек» (мужчина, 70 лет) - так, прежде всего, позиционируют себя эти респонденты. Старшее поколение, не смотря на то, что утратило ту страну, в которой жило (изменились границы государства, его политическое устройство, система отношений, устои и образ жизни людей, этнический состав населения), сохранило значимость советских достижений. В

сознании этой группы респондентов наиболее значимыми показателями гордости за свою страну являются следующие советские символы: победа в Великой отечественной войне, полет в космос Юрия Гагарина, послевоенное восстановление страны, развитие промышленности и сельского хозяйства. «А сейчас-то гордиться нечем, все развалили» - кратко резюмировал свой рассказ один из информантов (мужчина, 70 лет).

Кроме этого, респондентам задавался вопрос об их планах на будущее, поскольку практически все информанты данной возрастной когорты сказали, что их жизнь «уже прожита» (мужчина, 63 года), поэтому они ничего менять не собираются, что же касается детей и внуков, то, не смотря на констатацию тяжелых условий жизни, они бы не хотели, чтобы те покидали страну: «Родина есть Родина, она одна», «где родился, там и пригодился» (женщина, 63 года).

Другая картина с гражданской идентичностью сложилась в средней возрастной группе (30 – 55 лет), для которой осознание принадлежности к такому сообществу, как «россияне», стало частью социальной идентичности, не смотря на то, что еще двадцать лет назад они жили в государстве, образ которого был совершенно иным. Следует отметить, что взросление информантов этой возрастной группы в основном пришлось на перестроечные годы, они отмечаются респондентами, с одной стороны, как самые интересные, с другой стороны, как и в первой группе, самые сложные. Говоря в этом контексте о гражданской идентичности, следует отметить, что, по утверждениям самих респондентов, советская ее форма полностью уступила место российской: так или иначе все респонденты смогли вписаться в новые условия жизни, принять новые ценности: «Я уже о Советском Союзе вспоминаю как о прошлом, сейчас новая страна – Россия, и возврата назад не будет» (мужчина, 48 лет). Вместе с тем, рассуждая о России как своей Родине и чувстве патриотизма, информанты данной группы оперируют, как и в старшей по возрастной группе, советскими символами: Победа в Великой отечественной войне, полет Юрия Гагарина в космос, успехи советских спортсменов. Однако сюда уже входят и некоторые атрибуты

современного периода, связанные со средствами массовой информации и их продуктами. Так на вопрос о том, когда респонденты испытывают чувство гордости за страну, звучали следующие ответы: «... я всегда так болею, когда наши играют в «Большие гонки» и радуюсь, если первые места занимают...» (женщина, 53 года), «гордиться можно, ну, когда ..., например, «Евровидение», там наши показывают хорошие результаты, первое место вот... этим можно гордиться» (женщина, 58 лет) .

Тем не менее, практически каждый информант подчеркивает в разговоре, что более остро ощущал чувство патриотизма именно в советский период развития государства. «Сейчас ... я даже не знаю ... я конечно люблю свою страну, но это как-то ... Вот раньше праздники, так торжественно идешь с шарами на демонстрации, действительно гордость за страну испытываешь. Сейчас, ну не кричу же я на всю улицу «я люблю свою маму, я люблю свою маму», вот и это также» (женщина, 34 года) .

Как мы уже отмечали, в период перестройки наши респонденты оказались в сложной жизненной ситуации, которая заставила их так или иначе адаптироваться к новым условиям жизни и приобрести новые социальные практики, связанные как с положительными оценками, так и отрицательными. Так, к примеру, всеми респондентами положительно оценивается возможность выезда на отдых за границу: «Сейчас я могу поехать куда захочу, мир увидеть, посмотреть, как там живут, только деньги для этого нужны и все, а раньше все закрыто было» (женщина, 43 года). С отрицательными оценками трансформационного периода связаны практики выживания, когда многие из этих респондентов оказались в сложной жизненной ситуации, связанной с экономическим упадком в стране, а особенно в сельской местности, но респонденты отмечают, что, не смотря на все тяготы те, кто "к чему-то стремился, все равно выжили, выкарабкались из всего этого" (женщина, 50 лет).

Что касается жизненных планов на будущее своих собственных и своих детей, то в большинстве случаев респонденты, говоря о себе лично, предпочитают

стратегию старшего поколения (то есть, где родился – там и пригодился), рассуждая же о детях, предпочитают высказываться осторожно: «пускай сам за себя думает, там, где ему будет лучше, пусть и живет, и работает, я не вмешиваюсь» (женщина, 45 лет). Тем не менее, в некоторых интервью встречаются оговорки: «я, конечно, не могу решать за своих детей, но, как любой родитель, желаю им лучшей жизни и понимаю, что, хотя это и маловероятно, но для них больше перспектив будет где-то в Москве или за границей ...» (мужчина, 46 лет).

Третья группа респондентов представлена наиболее молодым поколением. В силу этого обстоятельства и того, что социальный опыт представителей данной возрастной группы (18 - 30 лет) не так богат, как у представителей первых двух групп, мы здесь не можем зафиксировать каких-либо значительных трансформационных сдвигов в течение жизненного пути. Тем не менее, анализ состояния гражданской идентичности в данной группе представляет особый интерес.

Рассуждая о том, что такое Родина, для респондентов первоочередное значение имеет именно локальное место рождения, а не страна в целом, хотя в ходе беседы с представителями данной группы респондентов проявляется их чувство сопричастности к России в целом: «Я живу в России с рождения и, думаю, здесь и буду жить» (мужчина, 29 лет), но при этом отсыл к России как к большой Родине для респондентов в большей степени связан не с эмоциональным аспектом, а с формальными признаками: «Я гражданином России себя считают лишь постольку, поскольку у меня российский паспорт, а так я ведь даже в Москве толком не был» (мужчина, 43 года). При этом, рассуждая о патриотизме и чувстве гордости за страну, респонденты столкнулись с затруднениями. Патриотизм в высказываниях молодых людей, в первую очередь, связан с нежелательной практикой прохождения военной службы, которая расценивается как «время, проведенное впустую»: «Я могу сказать, что у нас в России, у людей как таковых прав нет, только одни обязанности» (мужчина, 30 лет). В

рассуждениях респондентов понятие гражданство связано с взаимоотношениями с властью и чиновниками, «которые ничего не делают для людей», соответственно и респонденты не испытывают чувства ответственности за свою страну: «Я своей стране ничего не должен» (мужчина, 19 лет).

Следует отметить, что исследователи, изучающие проблематику идентичности молодежи в Республики Коми, сходятся во мнении о том, что попадая в преимущественно русскоязычную среду, как правило в вузах Сыктывкара, коми молодежь начинает отдавать предпочтение более распространенной российской идентичности. "Все это создает условия не только для бесконфликтного существования общин, но и для культурной интеграции групп и ассимиляции миноритарных групп доминантным большинством, в качестве которого в республике выступают русские. Они являются доминирующей группой не только из-за численного преобладания, но и потому, что воспринимаются как референтная группа представителями меньшинств. При этом молодежь наиболее очевидно склонна к интеграции в доминантное большинство. Этот факт отмечается не только местными исследователями, но и видными зарубежными специалистами, занимающимися изучением культурных процессов у финно-угорских народов России".¹⁷⁹

Нами был задан вопрос тем респондентам, которые имели опыт обучения в крупных городах республики, об их самоощущении в тот период. Полученные нами результаты показали, что молодежь Ижемского района четко разграничивает свою этническую и гражданскую идентичности, при этом первая играет для них решающее значение независимо от внешних условий: "я всегда всем говорила и говорю, что ижемка, потому что не понимаю, как это - сегодня ты один, а завтра другой. С коми такое, конечно, часто происходит, мама - коми,

¹⁷⁹ Шабает Ю. П., Миронова Н. П., Демина А. В. Этнополитическая и гражданская идентификация молодежи Республики Коми // Регионоведение, № 4, 2008. С. 302.

папа - коми, а он русским себя называет. Я не против этого, но это не для меня и мне все равно кто там и что про меня думает ..." (женщина, 45 лет).

Можно сказать, что у представителей данной группы сформировалась негативная идентичность в двух плоскостях: в отношении России как государства и в отношении российского социума. Респонденты отмечают разобщенность российского общества, что, по их рассказам, проявляется в практиках общения между соотечественниками в поездках на отдых за границу: «Когда отдыхаешь за границей, за «наших» стыдно даже. Друг с другом ведут себя высокомерно, спросить ничего нельзя. Лучше всегда обратиться к местным жителям ... Мы совсем друг друга не любим...» (женщина, 43 года).

Единственным же предметом гордости и символом страны для молодого поколения является опять же победа в Великой отечественной войне. О будущем России респонденты также рассуждают в негативном окрасе и строят свои планы на будущее в соответствующем ключе: «Я совсем в этом смысле не патриот, ничего хорошего в перспективе для нашей страны и тем более Республики Коми я не вижу. Думаю, что надо жить там, где лучше и постараюсь уехать отсюда" (мужчина, 19 лет). Но есть респонденты, которые высказывались совсем иначе: «Если бы у меня была возможность выбора страны, в которой я должна родиться, я бы ни за что не променяла Россию" (женщина, 43 года). У этой части респондентов отрицательный момент в структуре гражданской идентичности связан с обеспокоенностью происходящим в стране. Например, один респондент отметил: «Я живу здесь и люблю свою страну, и ни в какую другую страну не хотела бы уезжать. Но меня очень волнует то, что происходит в нашей стране и это совсем не радует. Нет возможности для развития, учебы, работы, особенно у нас» (женщина, 64 года). То есть можно сказать, что гражданская идентичность в наиболее молодой группе информантов актуализирована слабо и окрашена несколько негативно.

Подводя итог анализу трансформации гражданской идентичности, отметим, что ее советская форма сохранилась только у представителей старшего

поколения, поколение среднего и молодого возрастов являются носителями российской гражданской идентичности. Тем не менее символической основой этой идентичности по-прежнему продолжают служить успехи советского прошлого страны, (по преимуществу самым ярко выраженным символом является победа в войне 1941 - 1945 гг.), а социальные практики, ассоциируемые с новым периодом развития страны чаще всего характеризуются в оценках информантов отрицательно. Можно предположить, что процесс гражданской интеграции в среде молодежи протекает с большими трудностями в связи с тем, что молодые поколения более прагматичны и свободны в своем выборе, чем представители старшей группы. Они сознательно делают выбор в пользу тех стандартов, которые кажутся им конкурентоспособными.

Результаты нашего исследования показывают, что в разных возрастных категориях дело с состоянием гражданской идентичности обстоит по-разному: у представителей старшего поколения наиболее ярко и четко проявилась советская идентичность; в средней возрастной когорте произошли наиболее радикальные изменения, связанные с переходом от советской к российской гражданской идентичности; самой молодой группе гражданская идентичность связана с новой постсоветской Россией. Таким образом, мы можем говорить о том, что трансформационные изменения в сфере гражданской идентичности коснулись не только представителей определенных возрастных групп, но и можно говорить о трансформации гражданской идентичности в межпоколенном плане.

2.2.2. Региональная идентичность как интегральный социально-культурный феномен

Региональная идентичность как социологическая категория предполагает комплексное исследование, включающее в себя анализ символического освоения и репрезентации пространства, закреплением региона с помощью установления границ, в результате чего происходит «символическая» связь жителей с пространством и формируется территориальное сообщество.

Мотив расколотости регионального сообщества в большей степени в рассказах респондентов связано с экономическими и культурными аспектами, при этом чаще актуализируется в повествованиях информантов, имеющих опыт проживания в городах, как правило, столице республике, Сыктывкаре. Вот как описывает свой опыт один из респондентов: «Когда я поступила в университет, то сразу заметила, как городские отличаются от тех, кто приехал учиться из села. Они были уверенные в себе, в завтрашнем дне, их жизнь уже была распланирована, они знали, как будут жить завтра, послезавтра, через год. А мы такие скромные, не знали, куда шагу ступить ...» (женщина, 34 года). «В городе люди злые стали, даже в магазине обслужить не могут вежливо ... Деньги совсем испортили ...»(женщина, 61 год) . "Вот им там в городах хоть и медленно, но жилье капитально ремонтируют. По расселению даже квартиры дают. И за пределами дают на югах, вот они чего и уезжают, а о жителях села никто не думает. Вот наш дом уже лет тридцать ремонтировать надо, а денег нет, и неизвестно... В городах все же хоть какой-то шанс есть..." (мужчина, 55 лет).

Разделение жителей республики на городских и сельских представляет собой определенную линию социальной напряженности, особенно учитывая тот факт, что в целом представители коренных народов республики большей частью проживают на селе. Таким образом, на социальный разлом накладывается

этнический фактор. При этом безработица – далеко не единственная социальная проблема. Можно отметить такие явления, как социальная и экономическая апатия, алкоголизм, высокий уровень суицидов. Чрезмерное употребление алкоголя не позволяет реализовать даже имеющийся человеческий потенциал: рабочие места, которые все же время от времени создаются на селе, часто занимают иностранные граждане, жители городов республики и России. "Ну как в таких условиях можно оставаться человеком? Не всем под силу... Женщин еще как-то дети держат, а мужики наши сами как дети, не выдерживают - кто спивается, кто еще хуже - сам из жизни уходит" (женщина, 39 лет).

Высокий уровень смертности приводит к депопуляции населения. Смертность в сельской местности в 1,7 раз превышает рождаемость. Чрезвычайно остро проблемы смертности стоят в районах с высокой концентрацией коми населения, в том числе Ижемском. Основными причинами высокой смертности, по мнению, исследователей являются низкая продолжительность жизни, алкогольные отравления, убийства и самоубийства. При этом доля мужчин трудоспособного возраста в числе умерших Ижемского района превышает 80%. Если социальное самочувствие населения понимать как отношение к своему социальному статусу, то следует иметь в виду, что положение дел в сельской местности существенно влияет на оценочные суждения людей.

Размежевание север-юг выражается и в культурных практиках, и обычаях. Информанты указывают на разность менталитетов, обычаев гостеприимства, укладов хозяйствования, языковые особенности. Кроме этого, информанты в своих повествованиях достаточно четко определяют символы, объединяющие россиян как гражданское сообщество (в первую очередь, это Победа в Великой Отечественной войне), жителей их муниципального района и представителей этнической группы, но затрудняются определить подобный же символ, объединяющий региональное сообщество.

Кроме этого информанты в данной группе очень часто отмечают дезинтегрированность регионального сообщества: «В городах, например,

живумаргиналы, особенно в Воркуте, это не жители республики. Они родились там, живут здесь, завтра уедут еще куда-то. Не любят они республику и не знают ее ...»(мужчина, 46 лет). Таким образом, жители Ижемского района не рассматривают население республики как единое территориальное сообщество, существование которого, по мнению Н. Шматко и Ю. Качанова, является залогом формирования региональной идентичности¹⁸⁰. С другой стороны, наши информанты признают вклад народов, приехавших из других регионов, в развитие республики, но опять-таки подчеркивает следующее: «Все, что есть в республике, ничего ей не принадлежит, все налоги уходят в Москву, а предприятия принадлежат олигархам» (мужчина, 41 год). Информанты подчеркивают потребительское отношение к республике со стороны приезжих, называя их временщиками, которые "...поработали в свое время, денег заработали, кто успел - уехали, кто нет - остались как заложники здесь" (мужчина, 42 года). Кроме этого в рассказах информантов часто фигурирует такой негативный момент связанный с освоением Республики Коми, как система принудительного заселения территории: "Вы сами представьте, если их сюда в Печору, Воркуту, Инту семьями привозили без всего, оторвав от дома, они лишились всего, их кинули здесь на холод, на голод, тяжелую работу. Выживай как хочешь... Конечно, они никогда не будут любить особо республику. Хотя знаю, что некоторые из них прикипели, кто-то остался, потому что некуда уже было вернуться. Я их не осуждаю, я их могу понять. Жизнь к ним была не совсем справедлива..." (женщина, 50 лет). "Коми была раньше сплошная зона... и я думаю, это плохо сказалось. Кто потом здесь оставался? Уголовники, воры, убийцы? Потому и пошла про Коми такая слава... Ну, сейчас-то, слава Богу, уже нет... Но все равно нас получилось, что чуть ли не каждый второй был заключенным, сто в том хорошего... Да ничего!" (мужчина, 39 лет). Но, не смотря на

¹⁸⁰ Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования, 1998, № 4. С. 94 - 98.

такие пессимистические оценки, информанты связывают свое будущее, как со своим районом проживания, так и с республикой в целом: «Надеюсь, что будет у нас жизнь лучше, и дети наши будут жить здесь, развивать наш район, нашу республику, не хотелось бы куда-то срываться...» (женщина, 54 года).

Более того информанты в ходе интервью затруднялись выделить те признаки или символы, которые могли бы представлять население республики как единое территориальное сообщество. По мнению респондентов, с натяжкой к этому признаку можно отнести общность территории, но и то, как отметил один из интервьюируемых «как я могу знать нашу республику, если мне в Нарьян-Мар, например, добраться легче, чем в нашу столицу, не говорю уже про остальное» (мужчина, 53 года). Практически все информанты затруднились описать такие формальные символы республики, как флаг, герб и гимн. Если с описанием флага некоторые из респондентов еще знакомы по региональным выпускам новостей, то о гербе и гимне никто из опрашиваемых ничего сказать не смог. "Я даже не знаю, какие символы, что отличает... Нет у нас ничего такого... Даже в России никто Коми-то и не знает. Скажешь, что из Коми, никто не слышал, Сыктывкар тоже никто не слышал. Вот, скажешь, что там, где Воркута, все знают!" (женщина, 27 лет).

Анализ интервью также продемонстрировал, что республика не является достаточно привлекательным регионом для жизни, в особенности для молодежи, как в социально-экономическом, так и в культурном смысле: «республика – это только дом для нас, тех, кто в ней родился и чьи роды здесь жили испокон веку, а для остальных это только временное пристанище, чтобы денег заработать и то только раньше так было, а сейчас даже и работы и зарплата нормальных здесь нет, вот и вынуждены многие здесь прозябать, пока шанс не появится отсюда уехать. Да и что здесь делать? Для молодежи нет ни рабочих мест, ни жилья, выкручивайся сам, как можешь» (женщина, 26 лет). "Вот придумали сейчас - "территория мечты"! Какой мечты?! Смешно слушать, все уезжают, молодежь разбегается» (женщина, 55 лет).

Еще одной из важных характеристик региональной идентичности является оценка своего региона в сравнении с другими территориями. В данном контексте мы также получили нелицеприятные высказывания: "Вот Коми считается богатая республика, все есть: и лес, и уголь, и нефть, и газ, а люди от этого ничего не имеют. Я вот бываю иногда Марий-Эл у родственников, ведь там маленькая республика, ничего нет, а живут не хуже, а даже лучше нас и условия жизни лучше. Мы газоносный регион, а вот в наших домах у многих газа нет. И так во многом" (мужчина, 70 лет). "Все наши богатства идут в Москву, здесь местным ничего не остается. Кормим мы другие региона, а сами ни с чем остаемся, к сожалению"(мужчина, 37 лет).

Таким образом, можно констатировать, что осознание социально-экономической отсталости, отсутствия приемлемых условий для проживания в республике по сравнению с другими регионами страны препятствует формированию целостной позитивной региональной идентичности. В данной группе актуализирована стратегия замыкания на собственных интересах. Как отмечает Шабаев Ю.П., "местные интересы ижемцев стали определяющими. Любопытно отметить, что оленеводческие хозяйства ижемцев начали "бегство" из Коми. В конце 2003 г. хозяйство "Ижемский оленевод" со стадом в 20 тыс. голов сменило место регистрации и зарегистрировалось в столице соседнего Ненецкого округа Нарьян-Маре. Объясняется это экономическим интересом - дотации на килограмм мяса оленей в округе в пять раз выше, чем в республике (стада оленей ижемцы издавна пасут в Большеземельской тундре)"¹⁸¹. Как отмечает Шабаев Ю.П., такая тенденция в совокупности с тем, что с давних времен социальные контакты ижемцев с жителями Ненецкого автономного округа гораздо теснее, чем с жителями южных территорий Коми, демонстрирует дистанцирование жителей Ижемского района от общереспубликанской региональной идентичности. Это прослеживается и в настроениях наших

¹⁸¹ Шабаев Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности // Социологические исследования, № 10, 2009. С.59.

информантов: "Вот вы знаете, нас как государство бросило на произвол судьбы... я говорю про себя, конечно, не знаю, как там другие, но у меня все слава Богу нормально, но я никому ничего не должен, сам всего добился, детей вырастили без помощи, и думаю, что никому ничего не должен, и детей своих тоже учу, чтобы только на себя надеялись. Хочется только одного, чтобы не мешали нам, предпринимателям..." (мужчина, 41 год).

Можно сказать, что отношение к региону и региональной идентичности самым непосредственным образом отражается на жизненной стратегии людей, то есть на моделях поведения членов регионального сообщества по отношению к своему региону. Таких основных стратегий применительно к нашему объекту исследования мы выявили четыре. Суть первой заключается в построении долгосрочных планов пребывания в регионе, когда люди не смотря на все явные недостатки и трудности пребывания в регионе, не планируют уезжать, надеются на лучшее и проявляют социальную активность во благо региона. Смысл второй заключается в замыкании на решении личных проблем и задач выживания по принципу "сам решу свои проблемы лишь бы не мешали" или "нас и в других местах не очень-то и ждут". Третья стратегия связана со стремлением сменить регион проживания на более перспективный, престижный, который предоставит человеку более высокий уровень жизни, чувство надежности и возможность самореализации¹⁸². Четвертая модель достаточно четко описана в словах одного из информантов: "Да, у нас не заработаешь, детей тяжело растить, потом многие едут в Москву, Питер. Вот наши знакомые врачи в Москве работают, а здесь врачей нет. Так вот они там хорошо зарабатывают в частной клинике, дети их там учатся в хорошей школе. Они уже себе в Ижме дом хороший отстроили, чтобы на пенсии здесь жить подальше от города, в спокойствии. Многие, кто может так делают. Я вот тоже подумываю, отучусь, в армию схожу, поженимся с моей девушкой и уедем. В Калининград, думаем..." (мужчина, 22 года).

¹⁸² Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение, 2003. № 1. С. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (Дата обращения: 31.04.2017)

Исходя из этого, на наш взгляд, можно утверждать, что первая стратегия, будет положительно сказываться развитии региона, приводя к росту человеческого капитала, и тем самым повышая конкурентоспособность и устойчивость. Вторая, скорее всего, приведет регион к стагнации, а третья - к его деградации. Четвертая модель, когда "малая родина выступает в качестве места, привлекательного в качестве «финальной гавани», в которую возвращаются либо после неудачных попыток найти удачу в иных местах, либо после выхода на пенсию. В родные места привозят средства, которые инвестируют в приобретение или модернизацию жилья. Кроме того, нередко возвращающиеся люди - это обладатели ценных для глубинки культурных и социальных ресурсов"¹⁸³.

Проведенное нами исследование подтвердило нашу гипотезу о том, что региональная идентичность в республике слабо актуализирована, что связано с отсутствием каких бы то ни было ярко выраженных символов и социальных практик, а также отрицательной оценкой интегрированности регионального сообщества. Ключевые размежевания территориального сообщества республики в рассказах респондентов разворачиваются в первую очередь в плоскости город-село.

Формирование же региональной идентичности в Республике Коми представляется важной задачей в связи не только с необходимостью сохранения социальной стабильности, но и решения демографической проблемы, так как, как мы уже отмечали, региональная идентичность – это залог готовности населения к развитию на данной территории. Данная же задача достижима при наличии стратегии социально-экономического, культурного и духовного развития республики, а также эффективных механизмов ее реализации, способных поднять престиж республики в глазах не только ее жителей, но и за ее пределами.

¹⁸³ Ильин В.И. История как социальный ресурс развития глубинки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, №2 (78). С. 154 - 155.

Как отмечает в своем исследовании М.В. Назукина, на сегодняшний день региональная идентичность Республики Коми характеризуется отсутствием выраженного культурного единства и его стратегическим оформлением. Для региональных сообществ с данным типом характерно слабое ощущение общих культурно-ценностных черт, а политика идентичности либо отсутствует, либо принимает крайне робкие формы¹⁸⁴. Это подтверждают и результаты массовых социологических опросов, проводимых в Республике Коми, согласно которым только около трети опрошенных считают, что население республики представляет собой единое территориальное сообщество¹⁸⁵.

При сопоставлении сформировавшейся в республике конфигурации региональной идентичности с объективными факторами, в рамках которых протекает жизнь населения, можно определить некоторые закономерности. Так, успешное экономическое развитие и решение социальных проблем жителей способствует укоренению активной имиджевой стратегии и приверженность региональному сообществу. Территориальная отдаленность республики от центральной части страны также может стать основанием для акцентирования региональной идентичности. Но данные закономерности могут служить лишь отправной точкой при формировании политики конструирования региональной идентичности. Активное продвижение ценностей региональной надэтнической позитивной идентичности, как мы считаем, сможет обеспечить консолидацию населения территорий и федерации в целом и тем самым способствовать повышению уровня региональной и общенациональной конкурентоспособности.

¹⁸⁴ Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук, Пермь, 2009.

¹⁸⁵ Шабаев Ю.П. Русский Север: поиск идентичностей и кризис понимания // <http://www.komi.com/pole/archive/pole/24.asp> (Дата обращения: 31.04.2017)

2.2.3. Этническая идентичность в период социальных трансформаций

Этнический состав Республики Коми с момента ее существования настолько сильно изменился, что она превратилась из территориального образования с преимущественным проживанием коренного населения в субъект с преобладанием представителей русского и других нетипичных для данной местности этнических групп. Тот факт, что коренное население в республике составляет меньшинство, в советское время был не столь существенным, но оказался весьма значимым в современный период острого дефицита конструирования идентичностей, в том числе этнической. В нашем исследовании этническая идентичность выявляется посредством анализа мнений о ней жителей Ижемского района Республики Коми.

В целом все респонденты, говоря о своей этнической принадлежности ссылаются на родителей как на носителей этничности, что дает им право по факту рождения причислять себя к той или иной этнической группе. В нашем случае речь преимущественно идет об ижемской идентичности. Такая этническая принадлежность рассматривается как полученная при рождении данность, не подвергаемая сомнению. Повествуя о происхождении своей семьи, все респонденты отмечают, что их предки этнические ижемцы: «Мои родители ижемцы: и мать, и отец» (мужчина, 88 лет).

Помимо этнической принадлежности родителей, основанием причисления себя к ижемцам оказывается рассмотрение языка в качестве родного. Все информанты называют его ижемским: «В детстве говорили по-ижемски, родители нас только так учили, в те времена русский язык мы поздно начинали учить, только в школе, это было нормально» (женщина, 64 года). При этом каждый раз респонденты отмечают, что «наш ижемский это совсем не такой коми, как на юге, у нас язык совсем другой, отличается, хотя иногда понять друг

друга можно» (женщина, 27 лет). Можно сказать, что язык, пожалуй, является самым устойчивым признаком этничности, отмечаемым интервьюируемых. По словам тех же информантов, этот признак не утрачивает свою значимость в случае «двойной» этничности, когда один из родителей является, например, русским или представителем другой национальности, предоставляющей возможность выбора. Но здесь можно предположить, что выбор в пользу «ижемскости» в большей степени определяется не столько этнической принадлежностью родителей, а окружающей средой и местом рождения и проживания.

Об отличительных чертах ижемцев, выделяющих их в первую очередь от представителей коми этноса респонденты высказывались следующим образом: "Ведь мы, ижемцы, совсем другой склад имеем, испокон было, что мы предприимчивые, такие коми-евреи, зажиточные, хитроватые" (мужчина, 48 лет). Как правило, респонденты, пытаясь выделить какие-то специфические черты, называют, в основном, общечеловеческие положительные качества: гостеприимство, трудолюбие, предприимчивость. В высказываниях информантов подчеркиваются также такие качества ижемцев, как чистоплотность и смекалка.

Наиболее распространенное суждение об ижемцах – «трудолюбивые», «хваткие», «хитрые». Это мнение повторяют все респонденты, подчеркивая свое более высокое социальное положение по сравнению с жителями других районов проживания коми, не смотря на проблемы деревни, связанные, с безработицей, безденежьем и отсутствием широких возможностей для заработков: «Все же наш народ привык жить лучше, мы более такие, как сказать, хваткие что ли. Когда без работы оставались, то кто чем мог, тем и зарабатывал, свое дело открывали» (мужчина, 41 год).

Неудовлетворенность жизнью, вызванная постсоветскими реалиями переносится на ижемский этнос, представители которого проживают в основном в селах. Ижемцы характеризуются, в этом контексте, как стойкий, терпеливый народ, умеющий найти выход из любой сложной ситуации. Однако многие

респонденты часто упоминают и обратную сторону этого процесса – высокий уровень самоубийств: « ... да есть у нас такое часто. Видимо, терпит-терпит человек, носит в себе все, а потом прощается с жизнью» (мужчина, 32 года). В действительности, на 2009 год уровень самоубийств в России составлял 26 человек на 100 тысяч населения, а в Республике Коми этот показатель был еще выше – примерно 40 человек на 100 тысяч. Показатель же самоубийств в Ижемском районе почти в три раза выше, чем в среднем по Республике Коми¹⁸⁶.

Осознание себя в качестве представителей немногочисленного этноса выражается в высказываниях, подразумевающих, несомненность своей «ижемскости» и даже гордость за нее.

Актуализация локальной этнической идентичности связана с притязанием на особый статус коренного малочисленного народа. В 2000 году в Российской Федерации был утвержден Единый перечень коренных малочисленных народов. Присвоение такого статуса позволяет рассчитывать на государственную поддержку в виде преимущественных прав пользования земельными ресурсами, освобождения от земельного налога, выделения бесплатных квот вылова рыбы и морского зверя, предоставления бюджетных мест в вузах¹⁸⁷. Данная проблема приобретает особое значение, потому что ижемцы соседствуют и заняты одними и теми же хозяйственными занятиями с саамами, ненцами и хантами, которые имеют такой статус и соответственно получают государственную поддержку¹⁸⁸. Поэтому в своих рассказах информанты упоминают о необходимости присвоения ижемцам статуса "коренного малочисленного народа севера": "мы говорим об этом уже сколько лет не потому, что считаем себя выше других, а чтобы как-то облегчить нам жизнь, сохранить себя, ведь посмотрите, что вокруг происходит - вымираем" (женщина, 64 года).

¹⁸⁶ Внешние причины смертности в Республике Коми в 1990-2009 гг. Сыктывкар, Комистат, 2010. с. 19-33.

¹⁸⁷ Ким Х. Ч., Шабаев Ю. П., Истомин К. В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 91.

¹⁸⁸ Усов Е. Изъва гызьö (Ижма волнуется) // Веськыд сёрни. 20 июня 2014. № 6(62)

Часто информанты связывают этничность с существующими социальными практиками хозяйствования, например, не столь традиционными для коми рыболовством и оленеводством. Так респонденты рассказали, что среди ижемцев существует неформальная практика в использовании ресурсов: «у нас в каждом селе лес, река, охотничьи тропы поделены между семьями, и никто на чужую территорию никогда не пойдет охотиться, рубить или ловить рыбу. Также никто никогда не начнет охоту и улов в неположенное время» (мужчина, 55 лет). В связи с традиционными практиками хозяйствования возникает проблема особого социального статуса для ижемцев, в которой официальные власти не идут на уступки, что создает условия для консолидации ижемского движения, активность которого стала нарастать с весны 2014 года, когда прошло несколько акций протеста против «ЛУКОЙЛа» и других энергетических компаний, действующих в регионе. "По мнению протестующих, компания неоднократно и грубо нарушала экологическое законодательство, ничего не делала для улучшения жизни населения района, а потому они призывали изгнать «ЛУКОЙЛ» с территории района или обязать резко увеличить отчисление на социальные нужды, принудив подписать соответствующее соглашение в районными властями"¹⁸⁹.

В высказываниях информантов присутствуют также сравнения, образы, метафоры, которые придают чувству «ижемскости» некую определенность. Определенность этничности, представленность ее в отчетливых образах проявляется в возрождении и сохранении обычаев и обрядов, например, традиционного праздника Луд (луг), который отмечается с 1997 года. На вопрос об отличительных чертах ижемских обычаев и праздников респонденты отвечали: "У нас и дома строят по-другому, и одежда наша традиционная, которую мы на праздники одеваем иначе выглядит"(женщина, 67 лет). Интересен тот факт, что респонденты часто упоминается близость проживания русских старообрядцев и их влияние на религиозное мировоззрение ижемцев, которая проявляется в

¹⁸⁹ Усов Е. Изъва гызьö (Ижма волнуется) // Вєськыд сєрни. 20 июня 2014. № 6(62).

значимость для них христианских традиций и праздников: «мы даже в советские времена и Пасху, и Рождество отмечали, для нас это были большие праздники, и молились» (женщина, 67 лет). Эти данные подтверждают и исследования этнографов: «за лоском и блеском православного уклада ижемцев скрывается их внешнее благочестие, порожденное ориентацией на "русскость" и стремление "перещеголять" русских во всем, в том числе - и в их русской "православной вере"». ¹⁹⁰

Жизненный путь практически каждого информанта из самой старшей группы респондентов сложился таким образом, что им приходилось покидать пределы локального места проживания по причине необходимости продолжения учебы или службы в армии. На вопрос о том, как изменилась их жизнь в этот период, респонденты дают противоречивые ответы: «Ой, когда я в Сыктывкар приехала в медучилище учиться, тяжело мне было. Русский язык я знала плохо, надо мной посмеивались. Что говорить, мы даже вилок-то пользоваться не умели. У нас же было принято есть только ложкой. Тяжело было сначала привыкнуть» (женщина, 56 лет). «Когда в армию меня забрали, я попал в Ленинградскую область. Не могу сказать, что как-то чувствовал себя не так. Армия – здесь все равны» (мужчина, 70 лет). В данном случае можно предположить, что у мужчин служба в армии в сложных условиях того периода, скорее всего, не давала времени и возможности обращать внимания на бытовые трудности общения, необходимость выживать в трудных условиях заставляла быстрее адаптироваться к незнакомой среде, к тому же они оказывались в примерно равных бытовых условиях со своими сослуживцами.

Совсем иные оценки других респондентов, которые продолжили свою учебу за пределами места проживания, в основном в столице республике Сыктывкаре, связаны с погружением в другую языковую среду, с

¹⁹⁰ Терехин Н.М., Несанелис Д.А. Географические образы этнокультурного ландшафта коми-зырян // Поморские чтения по семиотике культуры. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов европейского севера. Вып. 3. Архангельск, 2008. С. 145.

распространением городских социальных практик. Но, как они отмечают, трудности адаптации в молодом возрасте преодолевались менее болезненно и уже через некоторое время удавалось становится «своим человеком». В этот период жизни ижемская идентичность респондентов отходит на второй план: «В училище мы потом общались все вместе, дружная группа у нас была. Как раз нас в одной группе собрали из сел, коми-ребят, мы жили дружно. Не обращали внимания особо кто коми, кто русский, научились друг друга понимать» (мужчина, 48 лет).

Все информанты данной группы связали свою жизнь с малой родиной, вернувшись в Ижемский район, но, как они отмечают, это не было осознанным выбором, скорее, так сложилось по воле случая: «После техникума по распределению я опять вернулась в Ижму, я особо не рвалась сюда, но и в городе особого желания оставаться не было, так сложилось, я и уехала, к родным поближе» (женщина, 58 лет), «после армии, в те времена очень нужны были работники в сельском хозяйстве, а у меня образование как раз, мне сразу работу дали» (мужчина, 70 лет). К созданию семьи респонденты подходили с точки зрения духовных аспектов таких, как любовь, близость взглядов на жизнь, хотя практически все респонденты связали жизнь с представителем своей этнической группы, но были и те, кто создал брак с представителями русской национальности, при этом эти респонденты отмечают, что их русская половина со временем влилась в ижемскую культуру: «Моя жена, например, научилась потом по-нашему разговаривать, и теперь своя вообще здесь, наши обычаи знает» (мужчина, 43 года). При этом воспитание детей происходило в той же языковой среде, что и протекало детство информантов: «С детьми мы разговаривали только по-ижемски. Они должны знать свой родной язык. Я, например, очень осуждаю, когда коми своих детей только русскому языку учат. Это плохо» (мужчина, 80 лет).

Перестроечные годы в памяти респондентов отложились как наиболее трудный период в жизни: кто-то из них теряет работу, падает материальной благосостояние, а вместе с этим наблюдается дезориентация в социальных

практиках, происходит переоценка ценностей. В этот период респонденты отмечают начало дезинтеграции общества: «Люди злые какие-то стали, каждый сам за себя» (женщина, 43 года). В этот же период, когда приходилось выживать, респонденты отмечают поворот к старым формам идентичности: «Вот тогда у нас начала организация «Изьватас» работать, тогда я и задумался, что надо нам как-то выживать. Если мы не будем сохранять свою культуру, свой язык – мы вообще пропадем» (мужчина, 48 лет).

Однако на вопросы о том, в чем респонденты видят цель сохранения своей этнической уникальности, прозвучали следующие ответы: «... это все для того, чтобы на нашей земле мы сами могли быть хозяевами, сами распоряжались, кто, где и что будет строить или разрабатывать здесь. А то попользуются тут на нашей земле, а мы взамен ничего не получим, государство о селе вообще не заботится, так хоть мы сами о себе сможем позаботимся» (мужчина, 48 лет), то есть основным фактором поддержания и стимулирования ижемской идентичности становится экономическая составляющая. Дело в том, что в период политических и экономических трансформаций территории преимущественно сельскохозяйственного района претерпели сильнейший упадок, что повлекло за собой падение уровня жизни населения и рост безработицы. Признание же ижемцев на государственном уровне коренным малочисленным народом Севера дает право на экономические преимущества и дополнительные социальные гарантии: освобождение от платежей за использование лесного фонда, неприкосновенность территорий традиционного природопользования, бесплатная ежегодная медицинская диспансеризация, замена военной службы альтернативной. Кроме этого актуализация ижемской идентичности связана с необходимостью сохранения упоминаемых практик хозяйствования, когда земельные угодья неформально поделены между семейными родами: «если нас признают малочисленным народом, то мы хотя бы будем иметь право голоса в вопросе развития промышленности на наших землях, а то сейчас что-то у нас разведывают, что-то нашли и никто не спросит у нас, если начнут разрабатывать

месторождения. А что же тогда делать тем, чьи земли будут нарушены, где им охотиться, ловить рыбу ...» (мужчина, 41 год).

Этническая идентичность респондентов из средней возрастной когорты отличается превалированием двойной коми-ижемской этнической. Для них обращение к ижемской идентичности произошло в перестроечный период, когда в новых условиях приходилось искать другие ценностные ориентиры. Хотя историческая память о прошлом группы сохранялась, локальная идентичность была практически утрачена, и основным этническим определителем как для ижемцев, так и для представителей других этнографических групп коми (зырян) был этноним "коми". Дополнительно отметим, что данный факт подтверждают исследования, проведенные в Ижемском районе в 2006 году. Интервьюеры, участвовавшие в том исследовании, как правило, отмечали, что в 1960-1980-е годы "мы немножко забыли про то, что мы - ижемцы", что "тогда очень активно нас учили, что все мы - один народ и это оказывало свое влияние". В целом результаты опроса 2006 года показали, что доминирующим является представление о том, что на современном этапе ижемцы есть особая, существенно отличающаяся от других группа коми. Довольно значительна была и группа респондентов, считавших ижемцев вообще отдельным народом.¹⁹¹

Говоря о своем происхождении, представители данной группы по-разному говорят о родительской и своей этнической принадлежности, используя в равной степени названия коми, ижемец, коми-ижемец, не проводя существенных отличий в этих названиях. Что касается этнической идентичности, то информанты отмечают, что в советский период своей жизни не задумывались над этой проблемой, попытки переосмысления пришли уже в постперестроечный период благодаря деятельности общественной организации «Изватас» (отметим, что некоторые из наших респондентов данной группы являются активистами

¹⁹¹ Шабает Ю.П., Дронова Т.И., Шарапов В.Э. Коми-ижемцы, поморы и устьицеиы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение, 2010, № 5. С. 137-138.

движения): «Тогда-то я стал интересоваться, задумываться кто я такой, кто мои предки, ведь все-таки мы отличаемся от коми, и укладом, и менталитетом, и языком своим» (мужчина, 48 лет). Как и в предыдущей группе, экономические притязания в вопросе этничности играют важнейшую роль: «Сейчас жизнь тяжелая стала. Молодежь уезжает, забывает о своих предках. Поэтому нам надо добиваться признания, чтобы хоть как-то помочь молодым, сохранить себя ... » (мужчина, 63 года).

Но, не смотря на отмечаемое респондентами усиление ижемской идентичности, в данной группе сохраняется чувство общности с коми народом в целом, хотя и с некоторыми оговорками. «Нет, я не хочу сказать, что мы совсем другие. У нас с коми общая история, есть схожие традиции, мы живем в одной республике, я не против них. Просто хочется, чтобы наши права признали, чтобы на нас обратили внимание. А так мы всегда можем быть вместе ..." (мужчина, 46 лет). Разрешение противоречий, связанных с проблемой раскола коми-народа позиционирования именно ижемской идентичности, представители данной группы хотели бы видеть в регионе, но отмечают следующее: «Все можно было бы решить, но власти не хотят видеть проблем на селе и проблем коми-народа, поэтому приходится прибегать к таким методам» (мужчина, 80 лет).

Что касается младшей группы респондентов, то для ее представителей характерно ярко выраженное осознание себя представителями ижемского этноса. Но следует отметить, что более четкое осознание себя представителем этноса характерно и для коми молодежи в целом: «категория этничности коми молодежи более выражена, тогда как в русской молодежной среде этническая идентичность имеет более сложный характер. Такая ситуация во многом объясняется тем, что в коми среде этническая идентичность более актуализирована, поскольку титульная группа находится в меньшинстве и ни культурно, ни политически, ни экономически не доминирует»¹⁹². При этом в большинстве своем респонденты

¹⁹² Шабает Ю. П., Миронова Н. П., Демина А. В. Этнополитическая и гражданская идентификация молодежи Республики Коми // Регионология, № 4, 2008. С. 301.

младшей группы, попавшие в наше исследование, представляют ижемцев как совершенно отдельную этническую группу. Как и в более старших группах, представления молодежи о своей этнической идентичности базируются на языке, традициях, происхождении родителей, территории проживания. Важен тот факт, что даже те из интервьюируемых, кто имел опыт проживания за территорией своего района продолжительное время (в основном это учеба в вузах или ссузах Сыктывкара), подчеркивают важность и стремление к сохранению своей ижемской идентичности и языка общения через групповую сплоченность. «Когда мы в Сыктывкаре учились, то все равно стремились вместе держаться, кто-то вместе селился в общежитии, кто-то квартиру вместе снимал, но так проще и общаться, и помогать друг другу. И на учебе, даже если вместе не жили, держались своих больше, старались общаться на языке, чтобы не забыть и все праздники тоже вместе...» (женщина, 27 лет). Сохранение языка и традиций, стремление жить для того, чтобы улучшить жизнь своих земляков ярко прослеживается в рассказах молодых респондентов. "Когда я закончила институт, у меня была возможность остаться в городе. Ну, осталась бы я и что... Здесь очень требовались учителя, я понимаю, что приношу пользу меня здесь уважают. И замуж я здесь вышла, поэтому мои дети будут знать наш язык и традиции, а там бы это тяжело было. Да и кто знает, смогла бы я там добиться того, что имею здесь. Здесь я себя чувствую на своем месте, полезной, нужной" (женщина, 50 лет). По мнению, младшей группы респондентов групповая сплоченность ижемцев как этнической группы проявляется двояко. С одной стороны, это проявляется в отзывчивости ижемцев, которая отличает их от коми: "Мы всегда друг другу приходим на помощь, если у кого-то беда какая, например, ребенок потерялся, то мы ищем его, что говорится всем миром. Вот коми они не такие все больше сами по себе" (мужчина, 43 года). С другой стороны, эта сплоченность проявляется в чувстве ответственности за будущее своего народа: "Нас очень мало, поэтому мы несем ответственность за сохранение нашей культуры и языка и передачу их нашим детям. Я не против того, чтобы получать высшее

образование, приобщаться к русскому языку и культуре, наоборот, это даже хорошо, потому что о нас не будут говорить, что мы дикие и необразованные. Но будет лучше, если воспитывать детей в чувстве гордости за свою национальность" (женщина, 35 лет). В рассказах респондентов часто подчеркивается проблема малочисленности: "Да, нас мало, и с каждым годом все меньше, в нашей стране вообще убыль населения, поэтому, конечно, нужны условия для того, чтобы хоть как-то сохранить себя. Может быть, если нас признают малочисленным народом, а не так как сейчас частью коми, то и условия жизни для нас станут лучше, мы будем защищеннее" (мужчина, 29 лет).

Таким образом, ижемскую идентичность необходимо обозначать как сформированную в условиях, ставящих существование этнической группы под вопрос в период социальных трансформаций. Конструирование ижемской идентичности осуществляется в процессе рефлексии личности по поводу своей этнической принадлежности. Необходимость определения этничности предполагает интерпретацию реальности в таких терминах, как «мы» и «они» и построение объяснительной модели этноса, заполняющей этническое пространство. Следовательно, процесс конструирования этнической реальности оказывается процессом самоидентификации субъекта, его актуализации в языке, обычаях, символах, социальных практиках и месте проживания этноса.

Наш исследовательский кейс демонстрирует, что в период трансформации социальной идентичности после распада Советского Союза имело место такое явление, как возрождение традиционных элементов и их адаптация к реалиям современности. Само по себе обращение к ижемской этнической идентичности является признаком обращения к традиционным ценностям. Напомним, что самоназвание ижемцы фиксировалось в переписи населения 1926 года, а в советский период вообще не упоминалось, и появилось позже в переписи 2002 года. Как отмечает Ю.П. Шабаев, в XX столетии данная группа претерпели значительные трансформации, главный вектор которых был направлен на утрату культурной специфики и интеграцию в доминантное этническое сообщество, то

есть коми-этнос. Фактически во второй половине столетия можно было уверенно говорить об утрате культурной специфики группы и ее локального самосознания. В конце же столетия происходит актуализация локального самосознания ижемцев¹⁹³.

Таким образом, в основе возрождения ижемской идентичности заложено обращением к традиционным символам и социальным практикам, привязанностью к месту проживания. В одном из интервью респондент отметил, что "даже, если у нас кто-то из района уезжает жить в другие места – Сыктывкар там или любой другой город, то в старости все равно возвращаются обратно, чтобы умереть на родной земле» (женщина, 23 года). Однако, следует отметить, что за этим стоит основная характеристика современного общества, а именно преследование личного интереса. Большинство информантов в своих интервью отмечают, что возврат к ижемской идентичности произошел в тяжелые перестроечные годы и связан с необходимостью элементарного выживания. «Наши республиканские власти совсем не беспокоятся о коми-народе, это только все болтовня, на самом деле идет политика уничтожения, потому что это им выгодно, потому что никто не будет претендовать на природные ресурсы и здесь можно будет делать все, что душе угодно» (мужчина, 21 год). В связи с этим можно отметить, что появление социально-этнической группы ижемцев и использование символического капитала преследует получение выгод, связанных с приобретением статуса коренного малочисленного народа севера.

¹⁹³ Шабает Ю.П., Шарапов В.Э. Коми-ижемцы и поморы: две модели культурной трансформации // <http://www.komi.com/pole/archive/pole/23.asp>

2.3. Общая характеристика трансформации социальной идентичности жителей Ижемского района Республики Коми

Результаты анализа биографий информантов своей неоднородностью привели к выводу о том, что совокупность наших респондентов составляют существенно отличающиеся друг от друга группы. Типологический анализ биографических сценариев продемонстрировал, что мы в целом имеем разные идентификационные линии для исследуемой группы. В связи с этим мы выделили три группы по критерию превалирования того или иного измерения социальной идентичности.

Первая группа характеризуется превалированием гражданской идентичности, при этом гражданская идентичность сохранила советскую форму, в то же время региональная идентичность в этой группе слабо актуализирована, а этническая подверглась процессу реидентификации. Данную идентификационную траекторию представляет группа из пятнадцати респондентов, которая состоит из шести мужчин и девяти женщин. Средний возраст представителей данной группы - 62 года (самому младшему респонденту - 53 года, самому старшему - 88 лет).

Как мы видим, можно выделить несколько этапов, когда социальные практики и жизненные сценарии информантов менялись. Советский период эти респонденты характеризуют как наиболее плодотворный, интересный и важный в своей жизни, это период, когда им приходилось делать наиболее ответственные шаги в своей жизни: выбор профессии, места жительства, учебного заведения, спутника жизни. В этот жизненный период информанты ощущают, с одной стороны, заботу и "нужность" государству, свою причастность к успехам страны, а главное - уверенность в будущем независимо от того, насколько жизненный выбор окажется удачным. Все это в совокупности и способствовало формированию позитивной гражданской идентичности.

Время перестройки и 1990-е годы респонденты отмечают как наиболее неудовлетворительные и в своей жизни, и в жизни страны в целом. Этот период характеризуется чувством растерянности и разочарования: на смену былым ценностям и ориентирам пришли новые, но они не были приняты отчасти в силу воспитания, а отчасти в силу того, что не смогли стать достойной заменой. На смену старым практикам и символам так и не пришли новые. В связи с этим и гражданская идентичность той группы связана с советским периодом. Современная Россия так и не смогла предложить оснований для укрепления новой гражданской идентичности.

В то же время период перестройки и 1990-е годы для данной группы респондентов - то период обращения к своей ижемской идентичности. На фоне всеобщего подъема этнических движений, социально-экономического упадка в стране в целом локализация этнической идентичности стала инструментом в борьбе за статус и выживание группы. При этом отсутствие эффективной идентификационной стратегии региона еще больше усиливает этот процесс. Таким образом, люди "вспомнили" о том, что они ижемцы, но использование этого статуса обрело новое звучание.

Для второй группы характерно превалирование двойной коми-ижемской этнической идентичности на фоне устойчивой гражданской (русской) идентичности, но, как и в первой группе, региональная идентичность актуализирована слабо. Эта идентификационная траектория проявилась у шестнадцати респондентов: восьми женщин и восьми мужчин. Средний возраст группы - 40 лет, самому младшему представителю данной группы 32 года, самому старшему - 50 лет.

На становление жизненных ценностей и установок этих информантов наибольшее влияние оказали события 1990-х годов. Для респондентов это был период взросления, выбора жизненного пути, который делался в условиях неопределенности, неуверенности в будущее. Будучи молодыми людьми информанты уезжали в города для получения образования. В тот момент стало

очевидным такое явление как социальное расслоение, которое в городах проявлялось более отчетливо, особенно на фоне села, распространилась такая социальная практика как "каждый сам за себя". Ощущение такого неравенства, с одной стороны, и неприятие принципа "каждый сам за себя" в совокупности с опытом старшего поколения и способствовали формированию двойной коми-ижемской этнической идентичности, которая несколько сглаживалась впоследствии в 2000-е годы за счет более менее стабильного развития страны. Стабильность и признаки улучшения социально-экономического положения населения в стране в целом позволили сформировать гражданскую идентичность, однако в ее структуре по-прежнему важнейшее место занимают советские символы, а символы современной России весьма сомнительны. Несогласие с линией руководства региональных властей (особенно в вопросе присвоения статуса малочисленного народа) опять же отталкивает ижемцев от регионального сообщества и региональной идентичности.

Третья группа включает в себя тех респондентов, для которых характерно наличие ижемской идентичности на фоне негативной как региональной, так и гражданской идентичностей. Эта группа оказалась самой малочисленной и наиболее молодой, в нее вошли одиннадцать респондентов: шестеро мужского и пятеро женского пола, самому молодому из них 19 лет, самому старшему 30 лет. Средний возраст группы составляет 24 года.

Жизненный опыт этой группы информантов еще достаточно мал и находится под значительным влиянием старших родственников. Все наиболее важные события в их жизни связаны в основном с местом рождения: формирование круга близких друзей, отношения в семье, школьное окружение, дальнейший выбор профессии. Как нам видится, процесс формирования социальной идентичности данной группы информантов складывался под влиянием следующих обстоятельств. Во-первых, складывание гражданской идентичности пришлось на конец 1990-х - 2000-е годы, когда казалось бы в целом в стране сложились более менее благоприятные для данного процесса условия,

но сельские жители в наименьшей степени смогли ощутить это на себе. Во-вторых, Ижемский район на протяжении этого периода оставался вне поле зрения региональных проектов, которые были бы направлены на улучшение социально-экономического положения и стать шагом к вхождению ижемцев в территориальное сообщество. В-третьих, на гражданскую и региональную идентичность наложилась проблема этнической идентичности, а точнее, этнического статуса ижемцев в Республике Коми. Представители молодого поколения выросли в условиях активной борьбы за ижемскую идентичность и противостояния со стороны коми национального движения в целом, которое аффелировано региональной властью, в связи с претензиями Республики Коми на лидерство в финно-угорском мире¹⁹⁴. Конечно, наиболее важным событием для информантов данной группы стало определение своего будущего уже после школы: очное или заочное обучение в вузе или среднем специальном учреждении, служба в армии. В любом случае каждый из выбранных вариантов был связан с необходимостью хотя бы время от времени покидать родное село и ехать в город, где так или иначе происходит процесс сравнения, в котором социально-экономическое положение родного села и своего социального окружении значительно проигрывает.

Также отметим общую для нашего исследования тенденцию: гражданская идентичность занимает промежуточную позицию между превалирующей этнической и минимально выраженной региональной. При этом в целом мы можем сказать о том, что такое соотношение в структуре социальной идентичности жителей Ижемского района Республики Коми сказывается и на их жизненных сценариях. Мы наблюдаем на фоне достаточно выраженного гражданского патриотизма на ряду со слабо акцентированной региональной идентичностью, что выражается в равнодушном или отрицательном отношении к региональным ценностям, активно конструируемую ижемскую идентичность,

¹⁹⁴ Шабаев Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности // Социологические исследования, № 10, Октябрь 2009, С. 58-59.

которая призвана по своей сути стать инструментом выживания в сложившихся социально-экономических условиях.

Если сравнивать полученные результаты наших интервью с данными количественных исследований, приведенными в предыдущем параграфе, то можно заметить, что в целом ситуация с гражданской идентичностью населения республики и жителей Ижемского района схожи. Мы можем согласиться с тем, что потенциал для формирования этого типа идентичности существует, однако следует обратить внимание, что в исследуемой группе он связан не столько с такими понятиями как права и обязанности по отношению к государству, сколько с взаимоотношениями между людьми в стране. Чувство солидарности утратило свою значимость, в условиях социального расслоения на первый план вышли материальные атрибуты успеха, а не социальная значимость личности. Все это естественным образом негативно сказывается на гражданской идентичности. На эту ситуацию также накладываются и отношения с властью: властимущие как раз и ассоциируются с материальным успехом, который в современной России стал определять и социальную значимость, что наряду с повсеместным экономическим упадком, в особенности на селе, рождает чувство ненужности, даже более того враждебности со стороны власти. Хотя надо отметить, что Россия как Родина имеет достаточно четкое восприятие у исследуемой группы, однако потенциал российского общества в случае необходимости встать на ее защиту в оценках информантов сомнителен. Кроме того, надо сказать, что положительные оценки советской "гражданственности" и то, что определяющими символами для информантов стали символы советского периода, говорит о том, что все-таки советская гражданская идентичность, не смотря на результаты количественных исследований, по-прежнему играет важную роль.

Что касается региональной идентичности, то как результаты количественных исследований, так и данные наших биографических интервью, демонстрируют отрицательные оценки сплоченности регионального сообщества и, как следствие, отсутствие региональной идентичности. Этот факт тесно связан

в рассказах информантов с аналогичным описанному ранее сюжетом отношения к властям, только уже региональным, а не общегосударственного уровня. Кроме того сюда накладывается негативный опыт освоения республики как приезжим населением, так и добывающими компаниями. Все то в совокупности рождает опять-таки чувство ненужности, с одной стороны, и чувство самостоятельной ответственности за себя и свое потомство. Таким образом, сценарий замыкания на решении сугубо своих собственных проблем дает толчок к локализации, что выражает в отношении к этнической идентичности.

Как и в количественных исследованиях, результаты биографических интервью говорят об этнической идентичности, как одной из наиболее важных и четко выраженных. Однако принадлежность к этносу в случае с ижемцами связывается не только с происхождением родителей, языком, обычаями, но и с мотивами выживания, как культурного, так и экономического. Можно сказать, что процесс этнической дифференциации коми-этноса определяется экономическими интересами локального сообщества ижемцев.

В целом, анализ полученных результатов показал, что в своих биографиях респонденты склонны опираться на «стандартные» события своей жизни: раннее детство, образ родителей, учеба в вузе, в среднем специальном учебном заведении, служба в армии, женитьба. Фактически мы здесь встречаемся с "паломничествами", которые обеспечивают формирование гражданской и региональной идентичности. Вместе с тем, в биографиях респондентов старшего поколения помимо событий, формирующих указанные виды идентичности, присутствует и рефлексия, связанная с, одной стороны, с переосмыслением своего «советского» опыта, и на этом фоне переживание специфичности своей этнической группы, с другой. Здесь можно говорить, о формировании образов мы-группы и они-группы. При этом, нельзя сказать, что коми-ижемская идентичность существует как бы изначально, и сохраняется в течение всего биографического повествования. Если можно так сказать, она формируется, с одной стороны, через включение иных практик и их осмысления. В биографиях

респондентов этот процесс представлен через ряд размежеваний, которые представляют собой целый спектр отношений от определенных форм солидарности с иными социальными группами, до готовности к конфронтации.

В ходе нашего исследования были выявлены следующие типы размежеваний, имеющие различную степень интенсивности: город – село, север-юг, пришлые – местные.

Так, одним из основных типов размежевания для коми-ижемцев, является город-село, поскольку они в основном являются сельскими жителями. В биографиях респондентов город, а это, как правило, республиканский центр является важной вехой на жизненном пути, при этом сохраняется некая отстраненность от опыта городской жизни. В некоторых случаях осмысление опыта город-село доходит до высокой степени абстракции и противопоставления.

Размежевание север-юг связано с противопоставлением своего этноса (ижемцы, коми-ижемцы) титульной этнической группе (коми). Так некоторые респонденты отмечают, что знакомство с языком коми-зырян состоялось в школе как с литературным коми языком. В биографиях респондентов присутствует также и опыт солидарности с титульной группой. В рамках осмысления этого опыта формируется более высокий уровень абстракции, на котором и формируется представление о специфике коми-ижемской идентичности, что в конечном счете, завершается противопоставлением.

Размежевание коми-русский в биографиях респондентов не связано с противопоставлением. Многие респонденты приветствуют смешанные браки, но размежевание коми-русский претерпевает качественное изменение, превращаясь в размежевание местные-пришлые, которое достигает максимальной степени напряженности. Информанты подчеркивают потребительское отношение к республике со стороны приезжих, называя их временщиками. Кроме того, респонденты, ассоциируя абстракцию «пришлые» с деятельностью нефтяных компаний, опасаются за свое будущее, поскольку видят в них угрозу традиционным хозяйственным практикам.

Можно сказать, что данные типы размежевания в современных условиях являются существенным ресурсом мобилизации и консолидации этнической группы со стороны соответствующего общественного движения и востребованности данного типа консолидации со стороны рядовых представителей данной социальной группы.

Заключение

Социальная идентичность находится в центре внимания целого ряда концепций: бихевиоризма, символического интеракционизма, социальной драматургии, социального конструктивизма, структурализма. Каждый из этих теоретических подходов имеет свои преимущества и недостатки, но при этом можно обнаружить общие тенденции теоретического осмысления концепта идентичности. Эту общую основу можно обнаружить практически во всех интерпретациях концепта социальной идентичности: сторонники структурного функционализма использовали ее применительно к концептам ролей и референтных групп; последователи символического интеракционизма, первоначально говорившие о самости, также постепенно перешли к использованию понятия идентичности; в рамках концепции социальной драматургии, предложенной И. Гофманом, центральное место занимала презентация себя другим; а Бергер и Лукман придали понятию обобщенную теоретическую форму, базируясь на характерном для них логическом объединении конструктивистской и феноменологической позиций.

Для анализа процессов трансформации социальной идентичности наиболее продуктивны подходы Гидденса, Бурдье, Бергера и Лукмана, в которых социальная идентичность предстает не как нечто естественное, а как нечто конструируемое социальными процессами, и вместе с тем идентичность через социальную структуру, изменяя ее, может оказывать влияние на социальные процессы и закреплять в обществе присущие ей установки. На наш взгляд, именно данный подход точнее всего отражает современную ситуацию, в том числе, периода социально-экономических перемен, и помогает на эмпирическом уровне изучить наиболее неоднозначные и противоречивые процессы самоидентификации людей и групп, живущих в эпоху таких перемен. В связи с

тем, что одной из характерных черт общества постмодерна является возросшее число социальных групп, современный индивид, будучи участником большого количества общностей, становится носителем многообразия социальных идентичностей и ролей; и иногда гармоничное сосуществование идентичностей одного индивида становится весьма проблематичным.

Социальная идентичность является множественным образованием, то есть индивид является носителем множества видов социальной идентичности, выделяемым на основе этнической, региональной, гражданской и других видов принадлежности.

Социальные идентичности проявляются в ситуации повседневного взаимодействия, так называемых социальных практиках, под которыми мы понимаем повседневные практические действия с использованием артефактов и алгоритмов, направленные на достижение желаемого результата.

Социальная реальность представлена не только категорией социальных практик, но и другими составляющими, среди которых, в рамках нашего исследования, следует выделить символы. Символ можно представить как некий репрезентант в социокультурном пространстве объектов данной социальной реальности, который находит выражение в умозрительных конструктах и физических объектах.

В Республике Коми сложился ряд социально-экономических и культурно-исторических условий, которые определили специфику формирования идентичности населения региона. К таким факторам относятся: отсутствие стратегии формирования так называемого бренда республики и закрепившийся за ней стереотип промышленно-сырьевого региона; малая доля уроженцев на фоне одного из самых высоких показателей миграционного оттока, в результате которого исчезают целые населенные пункты; отсутствие эффективной системы транспортной инфраструктуры, которая могла бы на постоянной основе обеспечивать социально-экономические контакты внутри региона на фоне наличия более тесных культурных и экономических связей и более удобной

инфраструктуры некоторых районов республики с соседними регионами; наличие контраста в социально-экономическом развитии между отдельными территориями республики; крайне низкая степень вовлеченности коренного населения в процессы экономического и промышленного освоения территории на протяжении нескольких десятилетий.

Эмпирический анализ трансформации социальной идентичности населения Ижемского района республики, проведенным методом биографического интервью, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, наличие общей для всех респондентов совокупности социальных ресурсов и жизненных обстоятельств, проявляющейся в сходстве биографий в дотрансформационный период и самоописании личных характеристик, привело к выбору единой идентификационной стратегии как реакции на общественные трансформации. Это проявилось в том, что на основе типологического анализа интервью, нами были выделены три группы информантов с разными идентификационными линиями и однородные по возрастному показателю внутри групп. Во-вторых, в целом социальная идентичность жителей Ижемского района Республики Коми представляет собой модель, в которой этническая идентичность находится на вершине и является наиболее актуальной, гражданская также положительно окрашена, но не так ярко выражена, как первая, а региональная идентичность носит негативный и слабоактуализированный характер. В-третьих, региональная идентичность носит слабо выраженный и отрицательный характер в силу неблагоприятных факторов формирования территориального сообщества Республики Коми. Осознание комплекса проблем, связанных с экономической и транспортной раздробленностью региона делают необходимым формирование региональной идентичности как механизма интеграции регионального сообщества в российский социум. Выражается это в жизненных сценариях, которые выстраиваются вокруг региона по принципу пассивного наблюдателя, замкнувшегося только на решении своих проблем, или по принципу бегства из региона. В-четвертых, актуализированная этническая

идентичность наряду с низкой оценкой своего социально-экономического положения и жизненных перспектив предстает как определенный ресурс или инструмент выживания. Иными словами этническая идентичность связывается наряду с потребностью сохранения самобытности языка, обычаев, традиций с практическими аспектами, которые может предоставить специальный статус этнической группе ижемцев, в плане экономической и социальной поддержки.

При этом коми-ижемская идентичность в биографиях респондентов представлена через ряд размежеваний, которые означают целый спектр отношений, варьирующихся от определенных форм солидарности с иными социальными группами до готовности к конфронтации.

В ходе нашего исследования были выявлены следующие типы размежеваний, имеющие различную степень интенсивности: город - деревня, север - юг, коми - русские, пришлые - местные. Проведенное исследование показывает, что во многом, опыт, переживаемый в отдельных биографиях респондентов, типизируется и представляется в виде абстракций, которые как бы завершают процесс размежеваний.

Размежевания типа город - деревня, север - юг характеризуются определенным спектром интенсивности, которая возрастает по мере осмысления своего опыта. Размежевание русские - коми не носит высокой степени обобщения, но трансформируется в абстрактное размежевание местные - пришлые, изначально характеризующееся высокой степенью напряженности, что оказывает влияние на мотивы и ценности данной общности и ее видение на различия между социальными группами, проживающими в Республике Коми.

Список использованной литературы

1. Абельс, Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем.яз. под общей редакцией Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. 272 с.
2. Александер, Д. Культурная травма и коллективная идентичность / Д. Александер // Социологический журнал. - 2012. - № 3. - С. 5-40.
3. Альмодавар, Ж.-П. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория / Ж.-П. Альмодавар // Вопросы социологии. - 1992. - Т.1. - № 2. - С. 98 - 104.
4. Аналитическая записка «Уровень жизни населения Республики Коми в 2016 году» [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=YD94Dc%2FjebS5mY5X1Sod10Tke4N7InVybcI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVPXzBUQXdMdVVWdzU1SXVQRU5vblViZGJpZGY0QzQ4NVgwYkZfZFU3OHBYWmltbGVqZjhoVlFBREZILWJWdXJETjdBbk5Xc2FneHRMLWZ0TDh6LVRJeS1scGJJVVdpQklFZHIjWjV0QmZ5ekQ5MFBWZVBLNDJ5elAyaW5tRGw1VFE9PT9zaWduPXZuNUtzQ0xmVHowY1dtNmtYZ3dwZGUwQTVPdUpFbW9sTGxUVzNGT3lsVHc9IiwidGl0bGUiOiIy0JDQvdCw0LvQuNGCLiDQt9Cw0L%2FQuNGB0LrQsCDQo9CWINC90LDRgdC10LvQtdC90LjRjy0yMDE2LmRvYyIsInVpZCI6IjAiLCJ5dSI6IjIjMTA3NDc0NjE0NDMzNjI1MTMiLCJub2lmcmFtZSI6ZmFsc2UsInRzIjoxNTA5MDE5MDU1NTk0fQ%3D%3D
5. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.
6. Андреева, Г.М. Психология социального познания. М., 1997. 288 с.
7. Антонова, Н. Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа / Н. Л. Антонова // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 4(70). – С. 92 - 97.

8. Антонова, Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. Л. Антонова // Вопросы психологии. - 1996. - № 1. - С. 133 - 148.
9. Арутюнян, Ю. В., Дробижева, Л. М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева // Социологические исследования. - 2014. - № 7. - С. 102-112.
10. Ачкасов, В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора / В.А. Ачкасов // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1999. - Т. 2. - Вып. 1. - С.55-59.
11. Баклушинский, С.А., Белинская, Е.П. Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» // Этнос. Идентичность. Образование. - М.: ЦСО РАО, 1997. - С. 64-84.
12. Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. -198 с.
13. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М., 2004. - 188 с.
14. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. - 390 с.
15. Бауман, З. От пилигрима к туристу, или краткая история идентичности [Электронный ресурс] // - Режим доступа: URL.: <http://j2100.narod.ru/bauman1.htm>
16. Бауман, З. Свобода и зависимость // Мыслить социологически. Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова.. М.: Аспект-Пресс, Ин-т «Открытое о-во», 1996.- 255 с.
17. Белановский, С.А. Индивидуальное глубокое интервью. — М.: Никколо-Медиа, - 320 с.
18. Белинская, Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений / диссертация на соискание степени доктора психологических наук: 19.00.05.- Москва, 2006.- 479 с.
19. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. - 323 с.

20. Бергер, П.Л., Бергер, Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. - 607 с.
21. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986.- 424 с.
22. Бургос, М. История жизни. Рассказывание и поиск себя / М. Бургос // Вопросы социологии. - 1992. - Т. 2. - № 2.- С. 123 - 130.
23. Бурдые, П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» / П. Бурдые // Ab imperio. - 2002. - №3. - С. 45 - 60.
24. Винер, Б.Е. К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности [Электронный ресурс] // - Режим доступа: URL: http://d.theupload.info/down/pz7s14py2dv9m1u3li3tfh973euvbmec/viner_b__e__k_pos troeniyu_kachestvennoi_regressionnoi_modeli.txt
25. Волков, В.В., Хархордин, О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2008. - 298 с.
26. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности [Электронный ресурс] // - Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=78
27. Вячеславов, В., Ковалев, В., Шабаев, Ю., Ярошенко, С. Время и бремя кризиса. Республика Коми осенью 1996 года (по материалам социологического опроса) // Вестник Государственного Совета Республики Коми. Специальный выпуск. 1997. - 88 с.
28. Гаврилюк, В.В., Трикоз, Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) / В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз // Социологические исследования. - 2002. - № 1. - С. 96-105.
29. Гельман, В. Я. Центр и региональные идентичности в России / В. Я. Гельман, Л. М. Дробижева, А. И. Миллер, и др.; Под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – М.; СПб.: Летний сад: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – 254 с.

30. Гельман, В.Я, Попова, Е.В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. - С. 187-254.
31. Гидденс, Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе / под. ред. Вл. Иноземцева. М., 1999. - 268 с.
32. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации.— 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005. — 528 с.
33. Головашина, О. В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // Социологические исследования. - 2015. - № 7. - С. 64-71.
34. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. - 304 с.
35. Гофман, И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью / Пер. М.С. Добряковой [Электронный ресурс] / Реи доступа: URL.: www.e-reading.org.ua/bookreader.php/145155/Gofman
36. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. Редакционная коллегия: В. С. Магун (отв. ред.), Л. М. Дробижева, И. М. Кузнецов. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. — 327 с.
37. Губогло, М.Н. Идентификация идентичностей. Москва, 2003. - 768 с.
38. Давыдов. А.А., Чураков, А.Н. Измерение идентичности социальных систем / А.А. Давыдов, А.Н. Чураков // Социологические исследования. - 1996. - №11. - С. 85 - 90.
39. Данилова, Е. Н. Идентификационные стратегии: российский выбор / Е.Н. Данилова // Социологический журнал. - 1995. - № 6. - С. 74–82.
40. Данилова, Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян / Е.Н. Данилова // Социологический журнал. - 2000. - № 3/4. - С. 76 – 86.
41. Данилова, Е.Н. Социальные идентификации в трансформирующемся обществе / Е.Н. Данилова // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ /под ред. В.А. Ядова. М., 2005. - С. 324-364.
42. Данилова, Е.Н., Климова, С.Г., Дудченко, О.Н., Мытиль ,А.В., Ядов, В.А., Ядова, Е.Н., Баранова, Т.С. Процессы идентификации российских граждан в

социальном пространстве "своих" и "несвоих" групп и сообществ (1999-2002 гг.) / Мастер-класс профессора В.А. Ядова. - М.: Аспект Пресс, 2004. - 326 с.

43. Даудрих, Н. И. Социальная идентичность: методический аспект / Н.И. Даудрих // Социология: 4М (методология, методы и математические модели). - 2000. - №12. - С. 77 - 95.

44. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми / В. В. Фаузер, В. П. Подоплелов, Г. В. Загайнова; Отв. ред. В. А. Витязева; Рос. АН, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т экон. и социал. пробл. Севера, Страховая акционер. компания "Энергогарант". - Сыктывкар : Коми науч. центр УрО Рос. АН, 1994. – 101 с.

45. Дробижева, Л. М. Изменения социального ресурса российского федерализма в середине первого десятилетия XXI века / Л.М. Дробижева // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2005 / Отв.ред. Л. М. Дробижева. — М.: Институт социологии РАН, 2006. - С. 248 - 259.

46. Дробижева, Л. М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации /Л.М. Дробижева // Мир России. — 2001. — Т. 10. — № 2. — С. 167 - 180.

47. Дробижева, Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов /Л.М. Дробижева // Социологические исследования. - 2017. - № 1. - С. 25-36.

48. Дробижева, Л. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость / Л.М. Дробижева // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. – СПб., М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. - С. 47 – 77.

49. Дробижева, Л. Этническая и республиканская идентичность: проблемы совместимости / Л.М. Дробижева // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть: Сб. статей. М., 2002. - С. 11–30.

50. Дробижева, Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л.М. Дробижева // Гражданские, этнические и религиозные

идентичности в современной России / Отв. ред. В С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН. 2006. - С. 10-72.

51. Дробижева, Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л.М. Дробижева // Россия реформирующаяся. Ежегодник /Отв. Ред. М.К. Горшков. - Вып.7. - М.: Институт социологии РАН, 2008. -

52. Дробижева, Л.М. Российская идентичность в массовом сознании [Электронный ресурс] / Л.М. Дробижева // Режим доступа: URL: valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc (дата обращения: 25.11.2011).

53. Дубин, Б. Массовые коммуникации и коллективная идентичность / Б. Дубин // Вестник общественного мнения. — 2003. — № 1. — с. 17 - 27.

54. Еремина, Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа [Электронный ресурс]/ Е.В. Еремина // Регионология. - 2003. - № 1. - Режим доступа: URL: <http://regionsar.ru/node/781>

55. Жеребцов, И.Л., Рожкин, Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI - начало XX века). Сыктывкар Ин-т языка, литературы и истории Коми края РАН 2005г. 375 с.

56. Журавлев, В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях / В.Ф. Журавлев // Социология: 4 М.- 1993-4. - N 3-4. - С. 34-43.

57. Заковоротная, М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, 1999. - 200 с.

58. Заславская, Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004, - 400 с.

59. Заславская, Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция М.: Дело, 2002.

60. Знанецкий, Ф. Мемуары как объект исследования / Ф. Знанецкий // Социологические исследования.- 1989.- № 1. - С. 106-110.

61. Ильин, В.А. Российская глубинка в социальной структуре России / В.А. Ильин // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2010. - Т. XIII. - № 4. - С. 25 - 47.

62. Ильин, В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917-1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа / В.И. Ильин. Сыктывкар, гос. ун-т. Ин-т социологии РАН. - Сыктывкар, 1996. - 349 с.
63. Ильин, В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. - 256 с.
64. Ильин, В.И. История как социальный ресурс развития глубинки / В.И. Ильин // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2015. - Т. XVIII - №2 (78). - С. 146 - 162
65. Ионин, Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) / Л.Г. Ионин // Социологические исследования. - 1995. - №4. - С. 3-14.
66. Канева, М.К. Индексы развития человеческого потенциала сельских этнических сообществ Республики Коми / М.К. Канева // Эффективное использование человеческих ресурсов как фактор устойчивого социально-экономического развития Республики Коми: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (4-5 декабря 2013 г., Сыктывкар). – Сыктывкар. - 2013. - С. 175 - 180.
67. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.
68. Качанов, Ю.Л. Территории в семантическом пространстве эмоциональных оценок/ Ю.Л. Качанов // Российский монитор. М.: Издательство «Международные отношения». - 1992. - №1. - С. 213—227.
69. Качанов, Ю.Л., Шматко, Н.А. Базовая метафора в структуре социальной идентичности / Ю.Л. Качанов, Н.А. Шматко // Социологические исследования.- 1996. - № 1. - с. 61-72.
70. Квале, С. Исследовательское интервью. – 2-е изд. М., 2009. - 301 с.
71. Ким, Х. Ч., Шабаев, Ю. П., Истомин, К. В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) / Х.Ч. Ким, Ю.П. Шабаев, К.В. Истомин // Социологические исследования. - 2015. - № 8. - С. 85-92.

72. Климова, С.Г. Изменения ценностных оснований для идентификации (80-90-е годы) / С.Г. Климова // Социологические исследования. -1995.- № 1. -С. 59–72.
73. Климова, С.Г. Социальная идентификация в условиях общественных перемен / С.Г. Климова // Человек. - 1995. - № 3. - С. 26-35.
74. Когатько, Д.Г. Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен : диссертация... кандидата социологических наук: 22.00.06 / Когатько Дмитрий Григорьевич. Санкт-Петербург, 2007. - 131 с.
75. Козырева, П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании / П.М. Козырева // Социологические исследования.- 2008.- № 8.- С. 29-39.
76. Кон, И. С. Открытие Я. М., 1978. - 367 с.
77. Кон, И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984. - 335 с.
78. Корепанов, Г.С. Региональная идентичность: социокультурный и социальноэкономический подходы [Электронный ресурс]/ Г.С. Корепанов // Режим доступа: URL: [http://www.proceedings.usu.ru/mag/0065\(01_\\$03-2009\)/a29.pdf](http://www.proceedings.usu.ru/mag/0065(01_$03-2009)/a29.pdf)
79. Крылов, М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России)/ М. Крылов // Логос. - № 1. - 2005. - С. 275 – 289.
80. Крылов, М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России / М. П. Крылов // Социологические исследования. - 2005. - № 3. - С. 13 - 23.
81. Кузиванова, О.Ю. Этнополитические и культурные ресурсы этничности на примере коми народа): монография / О.Ю. Кузиванова. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. – 183 с.
82. Куква, Е.С. Общероссийская идентичность в полиэтничном регионе/ Е.С. Куква // Вестник Адыгейского государственного университета, 2006. - № 2. - С. 80 - 82.

83. Кули, Ч. Социальная самость //Американская социологическая мысль / пер. с англ. - М., 1994. С. 251 – 272.
84. Кули, Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М., 2000. 320 с.
85. Куропятник, А.И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) / А.И. Куропятник [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://globalculture.narod.ru/kouropyatnik.pdf> (дата обращения 15.08.2012)
86. Куропятник, А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ / А.И. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2000.- Том III. - № 2.- С. 53 – 65.
87. Куропятник, М.С. Этнографическое самописание как культурный феномен/ А.И. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2016. - Том XIX. - № 3. - С. 162 - 170.
88. Лебедева, Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла / Н.М. Лебедева // Психологический журнал. - 1999. - Т. 20. - №3. - С. 48 – 59.
89. Лескова, И. В. Социальная идентичность в условиях трансформации российского общества: диссертация на соискание степени доктора социологических наук : 22.00.04 / Лескова Ирина Валерьевна. Москва, 2009.- 375 с.
90. Магун, В., Магун, А. Ощущение связи со страной и гордость за ее достижения: российские данные в контексте международных сравнений [Электронный ресурс] / В. Магун, А. Магун // Режим доступа: URL: <http://www.polit.ru/science/2009/03/26/honor.html> (дата обращения: 10.10.2009).
91. Мальковская, И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира [Электронный ресурс] / И.А. Мальковская // Социологические исследования, 2005. № 12. Режим доступа: URL: http://www.isras.ru/socis_2005_12.html

92. Мещеркина, Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) / Е.Ю. Мещеркина // Социологические исследования. - 2002.- №7. -С. 61 – 67.
93. Мид, Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль / пер. с англ. - М., 1994. С. 121-128.
94. Мид, Дж. Г. Разум, Я и общество // История социологии XX века / под ред. Н.Е. Покровского, В.Г. Николаева, О.А. Симоновой. М.:НИУ ВШЭ, 2007, 971 с.
95. Микляева, А.В., Румянцева, П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. [Электронный ресурс] СПб.: изд-во РГПУ, 2008. – 118 с. - Режим доступа: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_01
96. Миронова, Н. П. Этническое самосознание современной молодежи Республики Коми (на примере студентов г. Сыктывкара): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.07/ Миронова Наталья Петровна, Москва, 2011.
97. Мурашко, О. Коми-ижемцы считают себя коренным малочисленным народом Севера. Кто против? / О. Мурашко // Мир коренных народов - Живая Арктика. Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. - № 20. - 2007.
98. Назукина, М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02/ Назукина Мария Викторовна, Пермь, 2009.
99. Назукина, М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России [Электронный ресурс] / М.В. Назукина // Регионология. - №4. - 2011. - Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/809>
100. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр. – М., Хрох и др. М., 2002. 416 с.
101. Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации/ Под редакцией Л. Дробижевой, Е. Головахи.

— К. Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. — 280 с.

102. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 3: стат.сб./Комистат - Сыктывкар, 2012 - 199 с. С.10

103. Национальный состав населения, гражданство (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Республика Коми. В 5 частях.): Часть 2. Сыктывкар, 2005. 258 с.

104. Ноженко, М. В., Белокурова, Е. В. Северо-Запад России: регион или регионы? – СПб.: Норма, 2010. – 164 с.

105. Оберемко, О.А. Пространственно-деятельностная идентичность как представление о «территории свободы» / О.А. Оберемко // Социологический журнал. - 2008. - № 3. - С. 62 - 81.

106. Оберемко О.А., Ядова В.А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В.А. Ядова. М., 2005.

107. Осипов, Г. В., Дзуцев, Х. В. Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности / Г.В. Осипов, Х.В. Дзуцев // Социологические исследования. - 2014. - № 11. -С. 96-102.

108. Осипова О. В., Маклашова Е. Г. Идентичности молодёжи Арктики / О.В. Осипова, Е.Г. Маклашова // Социологические исследования. - 2015. - № 5. - С. 139-144.

109. Павленко, В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии / В.Н. Павленко // Вопросы психологии. - 2000. - № 1. - С. 135 -141.

110. Павленко, В.Н., Корж, Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе / В.Н. Павленко. Н.Н. Корж // Психологический журнал. - 1998. - Т. 19. - № 1. - С. 83-95.

111. Павлова, О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности, [Электронный ресурс], М., 2001. - Режим доступа: <http://pavolga.narod.ru/identity.html> (дата обращения: 10.02.2008)
112. Паин, Э.А. Динамика национального самосознания россиян / Э.А. Паин // Этнопанорама. - №1. - 2002. - С. 10 – 18.
113. Пантин, В.И., Лапкин, В.В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы / В.И. Пантин, В.В. Лапкин // Общественные науки и современность. - М., 2004. - N 1. - С. 57.
114. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 494 – 513.
115. Пеньковцев, Р.В., Шибанова, Н.А. Компаративный анализ феномена «региональной идентичности» (Россия - ЕС - США) / Р.В. Пеньковцев, Н.А. Шианова // Ученые записки Казанского государственного университета. - Том 149. - кн. 3. - Гуманитарные науки. - 2007. - С. 175 – 190.
116. Петров, Н.В. Формирование региональной идентичности в современной России / Н.В. Петров // Центр и региональные идентичности в России. - СПб. - 2003. - С. 125-187.
117. Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации / под ред. В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М., 2004. 171 с.
118. Попова, Л.А. К вопросу об этнической самоидентификации / Л.А. Попова // Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. – Сыктывкар, 2000.
119. Разумова, И. «Миграционный текст» в постсоветской России (на материалах северо-западного региона)/ И. Разуова // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сб. науч. Трудов. Вып. 4, ч. 2. Москва – Сыктывкар, 2007.
120. Районам в Коми указали на безработицу [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://komionline.ru/node/76521>.

121. Рождественская, Е. Ю. Биографический метод в социологии [Текст]: Изд. дом Высшей школы экономики. Москва, 2012.
122. Рождественская, Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью / Е.Ю. Рождественская // Социология: 4М.- 2010. - № 30. - С. 5 – 26.
123. Российская идентичность в социологическом измерении [Электронный ресурс]// Режим доступа: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/IS_RAN_2008_1.pdf
124. Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2002 гг.) / Сост. Е. Н. Данилова, О. Оберемко, В. А. Ядов. - СПб: Издательство РХГА. 2006. - 352 с.
125. Рубцов, А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. – М.: Экон-Информ, 2009. – 260 с.
126. Санина, А. Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках / А.Г. Санина // Социологические исследования. - 2014.- № 12. - С. 3-11.
127. Санина, А.Г. Государственная идентичность издержки виртуализации/ А.Г. Санина // Социологические исследования. - 2012. - №3. - С. 77 - 87.
128. Светлицкая, Е.Б. Новая российская идентичность / Е.Б. Светлицкая // Общественные науки и современность. - 1997. - №1. - С. 72-81.
129. Семененко, И.С. Культура, общество и образ России [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshhestvo_i_obraz_rossii.html
130. Семененко, И.С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI века / И.С. Семененко // Политические исследования.- 2004.- №1.- с. 101-114.
131. Семененко, И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности / И.С. Семененко // Политические исследования. - 2008. - № 5. - С. 7-19.
132. Семенова, В.В. Качественные методы в социологии / В. В. Семенова // Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998. С.396 - 407.

133. Семенова, В.В., Мещеркина, Е.В. Биографический метод в социологии: история, методология, практика. М., Институт социологии РАН, 1996. С.
134. Сикевич, З. Социология и психология национальных отношений, СПб.: Издательство Михайлова В.А., 1999, 203 с.
135. Симонова, О.А. К формированию социологии идентичности / О.А. Симонова // Социологический журнал. - 2008. - № 3. - С. 45 - 61.
136. Симонян, Р.Х. Концепция мезоуровня применительно к региону / Р.Х. Симонян // Социологические исследования. - 2010. - № 5. - С. 51 – 61.
137. Сколько нас? (Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Республике Коми): Сборник. Сыктывкар, 2005. 111 с.
138. Смирнягин, Л.В. О региональной идентичности / Л.В. Смирнягин // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. - Вып. 17.- 2007.- С 21 - 49.
139. Смит, Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили, И. Окуневой. — М.: Праксис, 2004, 464 с.
140. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан. 1993. 300 с.
141. Социальная идентификация личности - 2 / Под. ред. Ядова В.А. М.: ИС РосАН. 1994. С.
142. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А.Ядова. М: Изд-во Института социологии РАН, 1994.
143. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность./ Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева.— М.: Academia, 2002. - 480 с.
144. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В.А. Ядова. М., 2005.
145. Степанов, В.В., Тишков В.А. Кем себя считают россияне: региональный аспект / В.В. Степанов, В.А. Тишков // Вестник российской нации. - 2010.- № 3. - С. 112 - 153.

146. Стефаненко, Т.Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности, М, «Аспект Пресс», 2004.
147. Судьбы людей: биографии семей как объект социологического исследования / От. Ред.В. Семенова, М, 1996.
148. Суконкина, Т. Н. Формирование мультикультурного общества в регионе [Электронный ресурс] / Т.Н. Суконкина // Режим доступа: URL: <http://regionsar.ru/node/520>
149. Татарко, А.Н., Козлова, М.А. Сравнительный анализ структуры ценностей и характеристик этнической идентичности в традиционных и современных культурах / А.Н. Татарко, М.А. Козлова // Психологический журнал.- 2006. - том 27. - № 4. - С. 67 – 76.
150. Татарко, А.Н., Лебедева, Н.М., Козлова, М.А. Роль модернизации образа жизни в трансформации ценностно-мотивационной сферы и этнической идентичности [Электронный ресурс] / А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева, М.А. Козлова // Режим доступа : http://www.hse.ru/data/2010/03/27/1217654198/Tatarko%20et%20al._RoleModernLife2006.pdf
151. Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Сост. и общ. Ред. СП. Баньковский. М.: Книжный дом "Университет", 2002. Ч. 2.
152. Тернер, Р. Сравнительный контент-анализ биографий / Р. Тернер // Вопросы социологии. - 1992. - Т. 1. - № 1. С. 19 – 21.
153. Тишков, В. А. Идентичность и культурные границы / Тишков В.А. // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. Олкотт, М. Б., Тишкова, В. А. - М., 1997.
154. Тишков, В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 104.
155. Тишков, В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
156. Томпсон, П. История жизни и анализ социальных изменений / Томпсон П. // Вопросы социологии. - 1993. - № 1-2. - С. 129-138.

157. Турен, А. Возвращение человека действующего. М., 1998. 203 с.
158. Туровский, Р.Ф. Бремя пространства как политическая проблема России / Туровский Р.Ф. // Логос.- 2005. - №1. - С. 124- 171.
159. Туровский, Р.Ф. Региональная идентичность в современной России/ Туровский Р.Ф. // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С. 87-136.
160. Туровский, Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России / Туровский Р.Ф. // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003. С. 139-173.
161. Фадеева, Л.А. Современная российская идентичность: ценность, конструкция, руководство к действию? / Л.А. Федотова // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМ. В 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля; РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т.2.
162. Фрейд, З. Психология и масс и анализ человеческого «Я», Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2009, 191 с.
163. Фрейд, З. Толкование сновидений, Москва; Харьков: ЭКСМО-Пресс: Фолио, 2001, 622 с.
164. Фромм, Э. Иметь или быть. М., 1990. 234 с.
165. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. 186 с.
166. Хайдеггер, М. Бытие и время. М.: Ad Marginem. 1997. 452 с.
167. Хелл, Л., Зиглер, Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение, СПб. 1997. 608 с.
168. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб, 1998. 306 с.
169. Ходенко, С.В. Местные уроженцы в структуре постоянного населения регионов России // Народонаселение. М., 2009, № 3.
170. Шабаев, Ю.П. Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального / Ю.П. Шабаев // Мир России. - 2004. - Т. XIII. - № 3. - С 48 – 70.

171. Шабаев, Ю.П. Русский Север: поиск идентичностей и кризис понимания / Ю.П. Шабаев [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/archive/pole/24.asp>
172. Шабаев, Ю.П. Территориальное сообщество и этнические воззрения населения Коми / Ю.П. Шабаев // Социологические исследования. - 2004. - №11. - С. 75 – 82.
173. Шабаев, Ю.П. Этнические трансформации на европейском севере России.- Сыктывкар, 2008. – 40 с. (Научные доклады/Коми научный центр УрО РАН; Вып.).
174. Шабаев, Ю.П. Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар, 2005. 32 с.
175. Шабаев, Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке (Штрихи этнополитического развития Республики Коми. Т.3)/ Под ред. М.Н. Губогло. - М.: ЦИМО, 1998. С 202. 375 с.
176. Шабаев, Ю.П., Дронова Т.И., Шарапов В.Э. Коми-ижемцы, поморы и усть-цилемы: модели культурных трансформаций / Ю.П. Шабаев, Т.И. Дронова, В.Э. Шарапов // Этнографическое обозрение. - 2010. - № 5. - С. 134 – 160.
177. Шабаев, Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности/ Ю.П. Шабаев, А.П. Садохин, Н.В. Шилов // Социологические исследования. - № 10. - 2009. - С.55 - 67.
178. Шкаратан, О.Н. Информационная экономика и пути развития России / О.Н. Шкаратан // Мир России. – 2002. – № 3. – С. 44–61.
179. Шматко Н.А. Социальная идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе. Методология и методика измерения социальной идентичности. М., 1992.
180. Шматко, Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования / Н.А. Шматко, Ю.Л. Качанов // Социологические исследования. - 1998. - № 4. - С. 94 - 98.

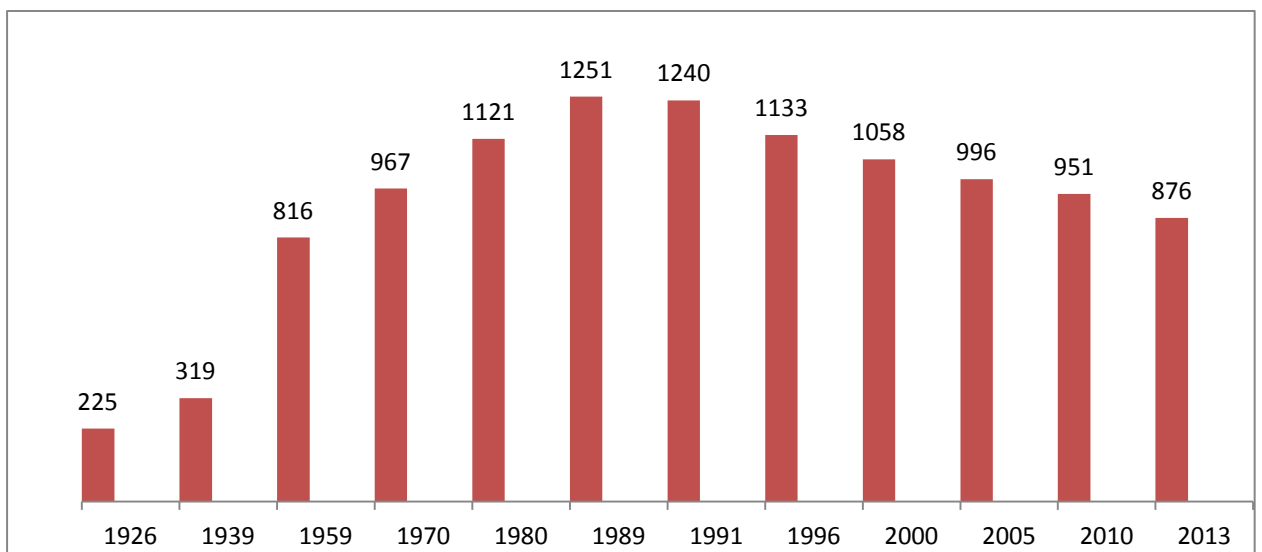
181. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социологические исследования. - 2001. - № 2. - С. 3-12.
182. Штомпка, П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. - 2001. - № 1. - С. 6-16.
183. Штомпка, П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. 416 с.
184. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. - 1988. - № 2. - с. 129-137.
185. Щепаньский, М.С. Локальная и региональная идентичность в процессе глобализации / М.С. Щепаньский // Вестник СевГТУ.- Вып.94.- С.3-7.
186. Элиас, Н. Общество индивидов. М., 2001. 330 с.
187. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 352 с.
188. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2002. 296 с.
189. Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М., 2007. 516 с.
190. Ядов, В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В.А. Ядов // Социологический журнал. - 1994. - № 1. - С. 35 – 52.
191. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов // Социальная идентификация личности: годовой отчет за 1992 год по разделу подпрограммы «Человек в кризисном обществе» общеинститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе» / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1993.
192. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов // Мир России. - 1995. - № 3 – 4. - С. 158 – 179.
193. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998. 596 с.

194. Ядов, В.А. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформации / В.А. Ядов // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М.: ИС РАН. 2007.
195. Ядов, В.А. Трансформации российских социальных институтов/ В.А. Ядов // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: учеб. пособие/ Под ред. В.А. Ядова.- М.: Флинта: МПСИ, 2005.- С. 45 – 75.
196. Ярошенко, С.С. Бедные северного села трансформирующейся России: двойное исключение / С.С. Ярошенко // Экономическая социология. - Том 2. - №5. - 2001. - С. 59 -78. - С. 59 -69.
197. Barry, B. Statism and Nationalism: A Cosmopolitan Critique // I. Shapiro and L. Brilmayer (eds.) Global Justice (Nomos 41). New York University Press, New York and London, 1999. Pp. 12–62.
198. Blum, D. W. National Identity and Globalization. Youth, State, and Society in Post-Soviet Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
199. Brown Rupert Social Identity Theory: past achievements, current problems and future challenges // European Journal of Social Psychology. 30, 745-778 (2000).
200. Budde, G. Auf dem Weg ins Buergerleben. Gottingen, 1994.
201. Bude, H. Rekonstruktion von Lebenskonstruktionen - eine Antwort auf die Frage, was die Biographieforschung bringt // Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitruge und Forschungsperspektive / Hrsg. von M. Kohli, G. Robert. Stuttgart: Metzler, 1984. S. 7-28.
202. Castells, M. The power of identity. (Information age, economy, society and culture. Vol.2). Second edition. Blackwell publishing. 2004.
203. Clunan, A. L. The social construction of Russia's resurgence : aspirations, identity, and security interests. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009.
204. Giddens, A. Modernity and Self-identity: Self and society in late modern age. Cambridge: Polity Press, 1991.
205. Habermas, U. Habermas U. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1976.

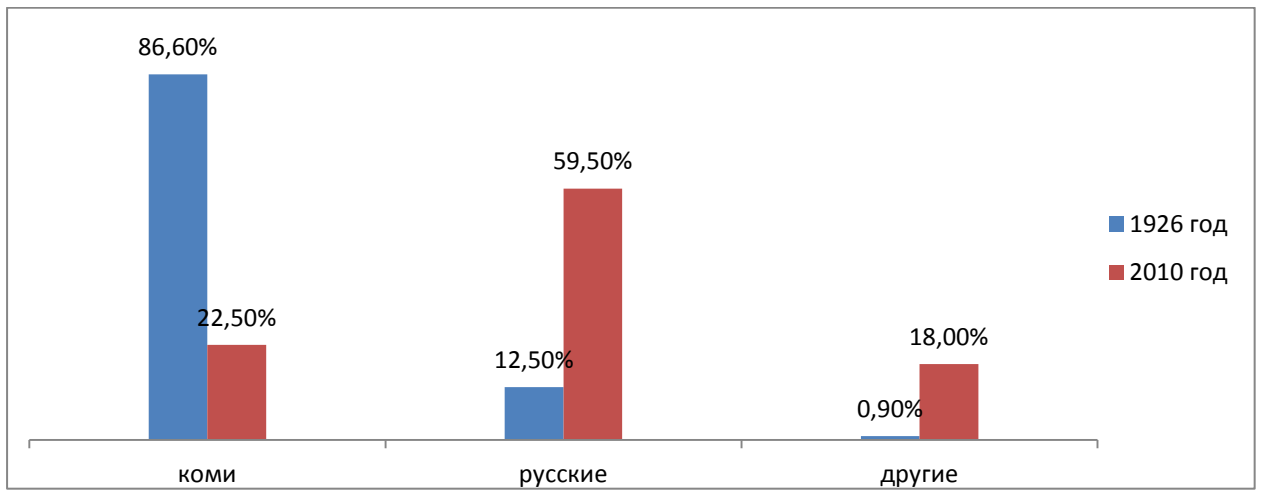
206. Habermas, J. Vergangenheit als Zukunft Das alte Deutschland jrn neuen Europa? Ein Gespræch mit Michael Haller (Hrsg) // Haller M. Zürich. 1991.
207. Hroch, Miroslav Etnische, regionale und nationale Identitat in historischer Perspektive //
208. Ipsen, Detlef Regionale Identität //
209. Jenkins, Richard Social identity
210. Kymlicka, Will Multiculturalism // W. Kymlicka Contemporary Political Philosophy: An Introduction, Second Edition. Oxford University Press, 2002.
211. Krappmann, L. Soziologische Dimensionen der Identität. Stuttgart, 1973.
212. Marcia, J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980.
213. Mead, G.H. Mind, self, and society / from the standpoint of a social behaviorist. Chicago, 1934.
214. Olson, L. J. Performing Russia. Folk Revival and Russian Identity. L.: Routledge, 2004.
215. Pilkington, H. Migration, displacement and identity in post-Soviet Russia. N.Y.: Routledge, 1998.
216. Ricker, Kirsten Sprache und Identität – zur Rekonstruktion und Präsentation von Identität in Migrationsbiographien //
217. Tajfel, H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, Paris, 1982.
218. Turner, J. Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behaviour // Advances in group processes. L., 1985.
219. Turner, J. The experimental social psychology of intergroup behaviour // Intergroup Behaviour / Eds. J.Turner, H. Giles. Oxford, 1981. P. 66-10.

Приложение № 1

Динамика населения в Республике Коми (1926 – 2013 гг. тыс. чел.)¹⁹⁵

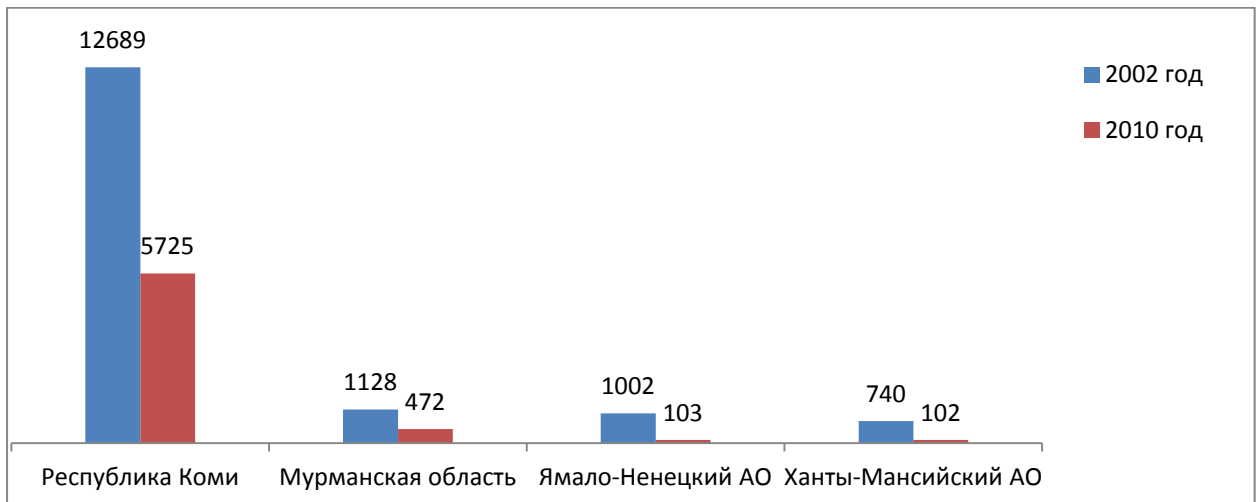

¹⁹⁵ URL: <http://komi.gks.ru/> (Дата обращения: 30.08.2014)

Этнический состав населения Республики Коми в 1926 и 2010 гг.¹⁹⁶

¹⁹⁶ URL: minnats.rkomi.ru/content/4311/Нац.состав_2010_г..xls (Дата обращения: 30.08.2014)

Расселение коми-ижемцев в регионах РФ по результатам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.¹⁹⁷

¹⁹⁷ Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 30.08.2014)

Социально-демографические характеристики информантов

населенный пункт	пол	возраст	образование	профессия	семейное положение
Первая группа (в структуре социальной идентичности на первом плане - гражданская идентичность, сохранившая советскую форму, в то же время региональная идентичность актуализирована слабо, а этническая подверглась наибольшей трансформации в сторону локализации коми-идентичности в ижемскую)					
Ижма	м	88	высшее	редактор газеты	вдовец
Ижма	м	70	среднее специальное	пенсионер (зоотехник)	вдовец
Ижма	м	63	среднее	пенсионер	женат
Ижма	м	56	среднее	пенсионер	женат
Ижма	м	53	среднее специальное	предприниматель	женат
Ижма	ж	67	среднее специальное	пенсионерка (медицинская сестра)	замужем
Ижма	ж	64	высшее	(госслужащая)	вдова
Ижма	ж	61	среднее специальное	пенсионерка (библиотекарь)	замужем

Ижма	ж	56	высшее	учитель	вдова
Ижма	ж	58	среднее специальное	продавец	замужем
Ижма	ж	55	среднее специальное	учитель	замужем
Ижма	ж	54	среднее специальное	воспитатель	замужем
Гам	м	55	среднее	пенсионер	женат
Гам	ж	63	среднее специальное	пенсионерка	вдова
Гам	ж	72	среднее	пенсионерка	вдова
<p>Вторая группа</p> <p>(характерно превалирование этнического компонента социальной идентичности на фоне устойчивой гражданской идентичности, при этом оба измерения подверглись трансформации от коми к ижемской идентичности и от советской к российской, но региональная идентичность актуализирована слабо)</p>					
Ижма	м	46	высшее	муниципаль- ный служащий	женат
Ижма	м	48	среднее специальное	учитель	женат
Ижма	м	41	среднее	предприни- матель	женат
Ижма	м	43	высшее	учитель	женат

Ижма	м	37	высшее	бухгалтер	женат
Ижма	м	32	высшее	врач	женат
Ижма	ж	50	высшее	учитель	разведена
Ижма	ж	43	высшее	учитель	замужем
Ижма	ж	37	среднее специальное	безработная	замужем
Ижма	ж	39	среднее специальное	продавец	замужем
Ижма	ж	34	высшее	работник музея	замужем
Ижма	ж	35	среднее специальное	работник дома культуры	разведена
Гам	м	42	среднее специальное	воспитатель	замужем
Гам	м	39	среднее специальное	безработный	замужем
Гам	ж	45	среднее специальное	продавец	замужем
Гам	ж	37	среднее	безработная	разведена
Третья группа					
(этническая идентичности трансформировалась в двойственную форму коми-ижемской идентичности при этом региональная и гражданская идентичность приобрели негативную форму)					

Ижма	м	29	среднее специальное	предпринима -тель	женат
Ижма	м	19	неполное высшее	студент	холост
Ижма	м	21	неполное высшее	студент	холост
Ижма	ж	23	неполное высшее	студентка	незамужем
Ижма	ж	26	среднее	безработная	замужем
Ижма	ж	27	высшее	учитель	замужем
Гам	м	22	среднее	рабочий	холост
Гам	м	30	высшее	милиционер	женат
Гам	м	22	среднее специальное	безработный	холост
Гам	ж	21	среднее	безработная	замужем
Гам	ж	29	среднее специальное	учитель	разведена

Гайд биографического интервью

Бланк интервью

Дата проведения интервью (число, месяц) _____

Время начала интервью (часы, минуты) _____

Время окончания интервью (часы, минуты) _____

Номер интервьюера _____

Пол интервьюера _____

Возраст интервьюера _____

Здравствуйте, меня зовут Я прошу Вас потратить немного времени и рассказать историю Вашей жизни. Вся информация, полученная в ходе данного исследования, носит анонимный характер. Все данные будут приводиться только в обобщенном виде. Лучше всего, если Вы начнете с момента Вашего рождения, с того времени, когда Вы были ребенком, и расскажете затем обо всем, что с Вами происходило вплоть до настоящего времени. Вы можете говорить даже о деталях, так как меня интересует все, что важно для Вас лично.

Блок1. Детство.

1. Вспомните Ваше детство, период Вашей жизни до окончания школы. Где Вы родились и проживали в тот период жизни? Расскажите об этой местности. Считаете ли Вы место рождения своей малой родиной или Вы в это понятие вкладываете нечто иное? Что именно?

2. Считаете ли Вы себя местным?

3. Расскажите немного о своих родителях. Откуда они родом? Кто по национальности?

4. Какие праздники и традиции поддерживались в родительской семье?

5. На каком языке происходило общение в Вашей семье между родственниками?

6. На каком языке проходило обучение в школе, общение с ровесниками, друзьями, одноклассниками?

7. Какие праздники и традиции, поддерживаемые, в Вашем населенном пункте, в республике, в стране в тот период Вам запомнились больше всего? 8. Может быть, Вам запомнились какие-то яркие события, происходившие в тот момент в Вашем селе, республике, в стране?

9. Как Вы считаете, отличались ли жители вашей местности раньше и отличаются ли сейчас от жителей других территорий республики, страны?

Блок 2. Юность, получение профессионального образования

10. Какое у Вас образование? Укажите наивысший его уровень.

11. Где Вы его приобрели (в пределах своей местности, в республике, за пределами республики)?

12. Если Вы получали профессию за пределами своей местности, расскажите, какие впечатления тогда на Вас произвела новая обстановка? Что показалось необычным? Как проходила Ваша адаптация к новым условиям жизни?

13. Как складывались в этот период Ваши отношения со сверстниками? Удалось ли Вам найти в новой среде друзей?

14. Какие отличия Вы можете назвать между укладом жизни в своей и той местности, образом жизни людей?

15. Как бы Вы могли охарактеризовать людей и уклад жизни той местности в целом?

Блок 3. Начало трудовой деятельности и трудовая биография

16. Вспомните, пожалуйста, свое первое место работы. Кем и где Вы тогда работали, по какой специальности и в какой должности?

17. Каким образом поступили на работу по распределению или самостоятельно?

18. Чем были вызваны Ваш выбор и приоритеты в профессиональной деятельности?

19. Как складывались отношения в коллективе между людьми разной национальности, между местными и приезжими?

20. Если бы Вам коротко пришлось рассказать о себе, что бы Вы сказали, кто Вы такой?

21. Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их, можем назвать «своими». Другие, напротив, хотя и живут рядом, далеки от нас, всегда остаются чужаками. Если говорить о Вас, кого бы Вы отнесли к своим, к тем, о ком вы могли бы сказать «Это – мы».

Блок4. Семья

22. Как долго Вы состоите в браке? Расскажите историю Вашего знакомства, откуда родом ваш супруг/супруга?

23. Укажите Вашу национальность и национальность супруга/супруги?

24. На каком языке вы разговариваете дома?

25. Знакомы ли Вы с культурой, традициями и обычаями этнической группы к которой принадлежит Ваш(а) супруг/супруга? Как Вы к ним относитесь?

26. Какие отношения у Вас складываются с родственниками мужа/жены?

27. Сколько у Вас детей? В рамках какой культуры Вы их воспитываете?

28. Случаются ли в Вашей семье конфликты, вызванные национальными различиями?

29. Как Вы в целом относитесь к межэтническим бракам? Для Вас приемлемо, если бы кто-то из ваших детей связал свою судьбу с представителем другой национальности?

Блок5. Планы на дальнейшую жизнь

30. Теперь давайте поговорим о ваших планах на будущее. Планируете ли Вы в дальнейшем связать свою судьбу с районом, республикой или все-таки хотите выехать за пределы. Куда именно? Чем Вы можете объяснить такое желание?

31. Если бы у Вас была возможность выбирать, где жить, то Вы выбрали бы эту страну, республику, этот район? Скажите, какие плюсы и минусы Вы лично видите в жизни в России, Республике Коми, в Вашем районе?

32. Какие, на ваш взгляд, перспективы ожидают место вашего жительства, республику Коми в целом?

33. Очень ли важно для Вас ощущать свою принадлежность к России?

34. Какую судьбу Вы хотели бы для своих детей: чтобы они остались в родном селе или же выехали за его пределы?

Пример транскрипта интервью

Информант: мужчина, 47 лет

Здравствуйте, я прошу рассказать Вас о Вашей жизни. Вся информация, которую Вы мне передадите, будет использоваться анонимно. Лучше если Вы начнете с момента Вашего рождения, когда Вы были ребенком и расскажите затем обо всем, что с Вами происходило в жизни. Вспомните Ваше детство, период жизни до окончания школы. Где Вы родились?

- Моя мать из Брыкаланска, здесь есть село такое в Ижемском районе, отец мой из Гама, недалеко тоже здесь. Как они встретились, я не буду рассказывать, но мать уехала меня рожать к себе на родину в Брыкаланск. Ну и я, получается, родился в Брыкаланске и меня привезли сюда девятнадцатого числа, 19 декабря. Был страшный мороз, самолетик ЯК-2, два пассажира, один пилот, но как привезли меня, конечно, я не помню, но называли меня Николаем, потому что 19 декабря И вот как бы родился я в Брыкаланске, вырос я в Гаме, и все лето каникулы проводил у бабушки, конечно, там. И когда спрашивают про родину, получается у меня две таких маленьких родины. Ну, рос я также как и все тогда росли. Садик, естественно. Нас в семье было пятеро. Папа был водителем в колхозе, совхозе. Сначала, то есть колхоз был, а потом совхоз, укрупняли все это хозяйство. Мать работала поваром. Годы веселые, конечно, были. В садике детей тогда много было. Люди рожали, не боялись. Не знаю, почему детей во всех семьях было много, пять, шесть, семь человек, то есть была уверенность какая-то в завтрашнем дне. Хоть тяжело жили, но стабильно.

А кто по национальности ваши родители?

- Они ижемцы.

А в семье вашей какие-то особенные традиции, праздники поддерживались или все было как у всех?

- Это был как раз советский период, примерно я помню, потому что бабушка, она втихоря крестилась, дед пока был живой образа были, то есть он не боялся никого, все это ... не знаю, насколько глубоко верующие были, потому что

у нас здесь одна вера, а там другая вера, я всегда себя считал язычником... она очень переплелась, все эти языческие верования в лешего, водяного, это до сих пор есть, и очень много примет таких, и вот православная вера вплелась очень органично сюда, и насколько глубока она... до революции, видимо, была в людях заложена, потому что строили церкви сами общинами. Если видели церковь Преображенскую, развалили, пытаемся восстановить. А эти религиозные праздники, вот я помню, бабушка, они как бы блюли, пост, еще что-то, но я тогда не понимал, особо не вникал в детстве. Ну-ка перекрестись – не буду, конфетку дам – о давай хоть сто раз за конфетку.

На каком языке вы общались в семье?

- На нашем, ижемском. Я до пятого класса вообще не разговаривал по-русски. То есть как собака понимал, но не говорил. Где-то с класса первого-второго понимал русский язык и так помню с класса пятого-шестого начал изъясняться. В школе учили также как и сейчас. Считается школа с преподаванием языка как национального. Учителя-то местные все: если не понимает, то по-ижемски объясняют. А дисциплины вообще ведутся на русском языке, есть отдельная дисциплина коми язык. И еще один коми язык как иностранный идет дополнительно, потому что так называемый коми литературный язык припечорский, сыктывкарский диалект и ижемский очень сильно они отличаются. Это совершенно два разных языка. Детям дается трудом. Но это не плохо, потому что к десятому классу дети понимают литературный язык, могут общаться с южными коми, а то южные коми нас не понимают, много раз переспрашивают.

Какие наиболее яркие впечатления о районе того периода у вас остались?

- Такие яркие впечатления, я школу закончил в 1979 году, может, появление телевизора, когда сбегали с уроков и смотрели, телевизор рябил, может быть, связанное что-то с лыжами, потому что мы все тогда занимались, потому что особых развлечений не было. С пятого по десятый класс, если ты нормальный, у тебя есть лыжи и у тебя неплохие результаты, каста такая была, на

них ровнялись, это не то, что сейчас. Если ты лыжник, спортсмен, значит ты не чмо, а ...

А в тот период, как вам кажется, жители района чем-то отличались от других жителей республики. Попробуйте вспомнить?

- Я бы не скал, что тогда сильно отличались. Ижемцы-то всегда отличались, но как-то ярко тогда нет. Ижемцев еще до революции называли северными евреями. И есть, конечно, такие черты - осторожность, скрытность, поэтому очень высок, наверное, у нас процент суицидов. Держит, держит, держит в себе, а потом уже не может держать и уходит из жизни.

А как дальше складывалась ваша жизнь, какое образование вы получили, где учились?

- У меня высшее педагогическое, учился я в КГПИ.

А тогда какое впечатление на вас произвела новая обстановка в Сыктывкаре?

- Да особо никакого. Ну чего, оторвались от родителей, общагская жизнь, новые знакомые, собралась компания с одного факультета, все в общежитии жили. Люди все деревенские там были, городские они сами были по себе. Меня сразу пригласили выступать в институте в эстрадно-драматический театр, тоже там была своя контора, отдельная. Ставили спектакли, после первого показа их запрещали. Режиссер был, он в драмтеатре еще работает, он такие смелые для начала 1980-х годов спектакли ставил.

Расскажите тогда о вашем первом месте работы?

- Ой, первое место ... за дебош, за пьянство, за разврат нас послали в Пермскую губернию. Тогда в советское время, сегодня только вспоминали, это было какое-то ... живут коми, их сюда пустили. Вследствие распределения, мы туда попали, не помню сколько человек. Почему-то в 1984 году я закончил институт, в это время такая сложилась напряженная ситуация в Перми, какой-то договор был заключен и часть наших студентов отправляли туда. Никто ехать естественно туда не хотел, потому что там северных не было, еще чего-то, а деревни были еще глуше. Вы, наверное сами заметили, что у нас на севере

деревни отличаются в лучшую сторону, тут жизнь теплится, а туда распределяли тех, кто не отличался особой лояльностью к руководству. И меня распределили в деревню за Соликамском на Северном Урале. И когда я туда приехал, они меня обсудили с ног до головы на коми-язьвенском диалекте, потому что они коми-язьвенцы, и когда я сказал, что я все понимаю, после этого они приняли меня, как своего человека.

То есть, вы хотите сказать, что не чувствовали там никакого барьера?

- Нет, так сказать нельзя, что я там был в доску свой и влился в деревенский коллектив, нет, я все-таки был учителем. Учитель в деревне, а особенно в такой глухой деревне, это лицо местной интеллигенции. Я там кроме географии вел труды, физкультуру, так вот бабушки мне принесли сточить на станке веретено, а я понятия не имел. Я сам учился у своих старшеклассников, они мне показали, как на станке работают, и когда я сточил первое веретено хорошее, я тогда для бабушек стал своим человеком, то есть они на праздники приносили мне пиво домашнее в бидончиках, молоко, чтобы не помер с голоду. Если плавно перейти, там работала молодая учительница, тоже приехала.

Откуда она приехала?

Она местная из Соликамска. Мы жили в одном учительском доме. Я там два года отработал, и в Гаме у нас в деревне учитель нужен был, я сюда уехал, не отработал три года своих положенных, вместе с ней.

А по национальности она ...?

- Русская.

А дома на каком языке вы разговариваете?

- Я с ней разговариваю по-русски, потому что ей легче. Все-таки это ее родной язык. Но мне труднее. Она приехала сюда, она учитель начальных классов, поэтому она три года работала пионервожатой, но потом стала общаться с детьми на ижемском, и сейчас общается она на ижемском. С нашими детьми жена начала говорить по-русски и по-ижемски одновременно. И у нас в семье это просто - переходить с русского на ижемский. Никаких конфликтов из-за этого у нас нет.

Как вы вообще в целом относитесь к межэтническим бракам?

- М-м-м ... если в общем, то положительно. Разбавлять кровь необходимо. Вот у нас в Ижемском районе в седьмом поколении все родственники, поэтому надо разбавлять обязательно. Я к этому положительно отношусь.

В дальнейшем вы планируете свою жизнь связать с районом?

- В моем возрасте, наверное, поздно об этом думать, раньше надо было. Мне никуда уже не хочется, предлагали всякие варианты. Здесь я личность, а там кто? Там никто. Хотя в молодости такие мысли возникали. Надоело это все, грязь, деревня, уеду я в город, а потом, нет, все-таки дома лучше.

А для своих детей какого будущего вы желаете?

- Я себе этот вопрос не задавал, человек живет там, где лучше, комфортнее. Где будет себя комфортнее чувствовать, там пусть и живут. Дочка у меня сейчас учится, в Эжве живет, но она пока сама не знает, чего хочет.

А свою принадлежность к России вы ощущаете?

- Конечно, а куда ... Только нам нужна общая национальная идея, но это сложная проблема. Нету сейчас никакой идеи, объединяющей, даже в той же Единой России. А раньше это было: имперская идея при царе, коммунистическая идея при союзе, может, там больше идеологии было и больше страха, но это было. И даже по нашим ижемцам, до 1991 года у нас вопроса никакого не вставало о самостоятельном движении. А в 1991 году эта необходимость возникла и было создано движение, стало межрегиональным. И мы боремся за идею получить статус коренного малочисленного народа.

А для чего этот статус нужен?

- Чтобы сохраниться. Видите, здесь в районе территория разделена на части. У каждой деревни своя территория. Деревенская территория тоже разделена на части, которые негласно принадлежат семьям. Там проходят у них охотничьи тропы, это все сохраняется. Люди здесь всегда чувствовали себя хозяевами, никто ружье в руки не возьмет не в сезон, когда рыба на нерест идет, на берегу реки даже дрова не кололи, не было нарушителей, сохраняли свою

природу. Сейчас у людей ничего нет. То есть на своей родовой тропе он не может охотиться без бумажки, он браконьер. Если он дерево высмотрел для ремонта или еще чего, сейчас он здесь никто, хотя неофициально это его и сосед не пойдет на его тропу хулиганить. А если кто-то деревья повалит или не дай Бог, там нефть, и дорогу прокладывать будут, это трагедия для человека, его никто не спрашивает можно или нет. Он вообще отделен от управления, соуправления этими территориями. Люди на своей земле чужие. Этот статус даст возможность соуправлять этими территориями. Чтобы если какие-то промышленные компании придут, договариваться давайте. Зайдете сюда, значит, нам что-то тоже. Как это. Видите себя прилично на нашей территории. Не гадьте.

Как вы думаете, каковы перспективы района?

- Надеемся, конечно, на лучшее. Если бы не надеялись, то не боролись. Но многое от государства зависит. Здесь живут люди, которые знают свое родство, это не как в Воркуте, маргиналы живут. Здесь держатся за корни, не уезжают. Связь есть постоянная даже с теми, кто уехал, у нашего движения 21 отделение по России. А будущее республики зависит от политики государственной, но она сейчас не отвечает интересам населения. Идет полная деэкологизация, унижение национальных меньшинств, даже уничтожение. Все деньги. И все законы направлены против меньшинств, хотя много говорят о правах, но на самом деле делается совсем другое, начиная с президента, заканчивая республиканскими властями.